

ВАЛЕРИЯ
ЧЕРНОВА

ЖЕНА
ИЗ ПРОШЛОГО

Annotation

Раннвей Делагарди бежала от кошмаров прошлого, я — от разочарования, предательства и боли. Мне достались её тело, сила и пугающие воспоминания, но я смогла похоронить их в самых потаённых уголках своего разума. Эндера Делагарди жена никогда не интересовала и, кажется, он даже обрадовался, когда она пропала. Но почему-то она вдруг срочно ему понадобилась... Точнее, я в теле Раннвей. Отказать ему не имею права — палачам не отказывают. Вот только соглашаясь стать женой на год, я не подозревала, что в довесок к титулу и богатствам получу опасные тайны Раннвей, которые теперь придётся разгадывать.

•

Глава 1. Выступление с последствиями

Женя Исаева

Интуиция никогда меня не подводила и сегодня она не просто шептала — она кричала глубоко в сердце, требуя, чтобы не выходила на сцену. Обычно к чутью я прислушивалась, но...

Но, видимо, в тот вечер высшим силам было угодно, чтобы я оглохла.

— Всё будет хорошо. Вейя, посмотри на меня. — Тёплые ладони Кастена обхватили моё лицо, вынуждая заглянуть ему в глаза, шёпот смешался с гомоном толпы за пыльным пологом.

Провинциальное городишко, захолустный театр, но зрителей набилось столько, что от вида толпящихся в проходах людей мне стало не по себе.

— Это опасно! — прошипела я и сжала запястья мужчины, пытаюсь отнять его руки от своего лица.

Не потому что мне были неприятны его прикосновения — хотелось сбежать отсюда. Как можно дальше и как можно скорее.

— Это наш шанс! — Глаза Кастена сверкнули в полумраке. Шероховатые пальцы, скользнув по шее, успокаивающе опустились

мне на плечи. — Шанс на новую жизнь. На домик на холме с уютным садом. В Вальдене или Нортраме. Где угодно! Несколько таких выступлений, и тебе больше не придётся обращаться к дару. Никогда. Подумай только! Ты, я и никаких теней. Дом, сад, а в будущем, возможно, дети.

Кастену были хорошо известны не только мои страхи, но и слабости. Дети... Семья... То, о чём я мечтала в прошлой жизни, но так и не обрела. То, к чему стремилась в новой.

Женя Исаева в прошлом. В настоящем — зрящая. В будущем... просто мама.

Ничего другого я не желала.

— Я видела в зале законников.

Тёмно-синие мундиры с эполетами из золотистой бахромы и белоснежными перевязями я бы заметила даже в крошечной тьме. А уж в щедро освещённом зале сразу выхватила их из толпы взглядом.

— Мы не преступники, Вейя. Не шарлатаны, — вкрадчиво проговорил Кастен. — Мы не убиваем и не грабим. Ты честно зарабатываешь на жизнь своим даром. В Кармаре это не запрещено.

Чего нельзя сказать о присвоении чужого тела. Вот что точно вне закона. Да и дар этот не мой.

Её.

Больше законников я боялась разве что драконов. Но всемогущие никогда не появлялись в маленьких окраинных городах вроде этого, а в крупные нам с Кастеном хватало ума не соваться. Мы разъезжали только по Пограничью, мечтая, как соберём достаточно денег, купить билеты на идущий в Солнечные земли корабль и убраться как можно дальше и от законников, и от всемогущих. Ото всех тех, кто мог обвинить меня в присвоении чужого тела и чужой силы.

— Всего несколько выступлений — и мы отсюда исчезнем.

Ответить я не успела, да и спорить уже было поздно. Бессмысленно.

— Начинаем! — бросила, пробегая мимо, девушка, что пару часов назад показывала мне театр, и я поспешила шмыгнуть обратно за кулисы.

В нос снова ударил резкий запах пыли, но я справилась с желанием чихнуть. Только потёрла нервно нос и, глядя на то, как медленно ползёт, раскрываясь, латаный занавес, надела маску. Серый

бархат плотно прилегал ко лбу и вискам, опускаясь на нижнюю часть лица вуалью дымчатого кружева.

«Под твои глаза выбирал», — заявил утром Кастен, сдёрнув с огромной картонной коробки сначала пышный бант, а потом и крышку.

В коробке помимо маски обнаружилось платье из такого же цвета кружев и бархата. Для выступления.

Для сегодняшнего вечера.

«Дымчатые... Штормовые...» — добавил он, а потом, приблизившись, склонился к моим губам и поцеловал.

Я ответила на поцелуй рассеянно, почти не почувствовав тепла его губ. Почему-то в тот момент вспомнилось, что у хозяйки тела глаза были зелёные. Но постепенно потускнели, стали... моими. Привычно тёмными, серыми.

Как по мне — обычными, а никакими не штормовыми.

— Сегодняшний вечер особенный! — на сцене уже звучал хорошо поставленный голос Кастена Толя. Моего спасителя, друга и, кто знает, возможно, в будущем — мужа. — То, что откроется вашим глазам сегодня, дамы и господа, — не просто развлекательное представление, какие вы привыкли видеть на этой сцене. Вы... — Кастен выдержал паузу, обводя притихшую публику лукавым взглядом, — вы и вы... — все вы (!) — сегодня прикоснётесь к тайному, сокрытому от людского взора миру. Миру теней, которые способна видеть, слышать и ощущать только она. Моя несравненная невеста!

Невеста?

Так Кастен никогда меня не называл, да и предложения руки и сердца я от него не получала. Что это? Ляпнул для красного словца? Или очередной сюрприз, от которых у меня сегодня уже шла кругом голова!

Сначала дорогушее платье, потом неожиданное выступление в театре вместо частных встреч с теми, кто надеялся через зрящую связаться с умершими, а теперь я вдруг стала невестой.

— Давайте же поприветствуем госпожу зрящую! Вейя, дорогая... — Толь протянул руку, приглашая меня выйти к зрителям.

В очередной раз пройдясь пальцами по лентам маски и убедившись, что узлы на затылке сами собой не развяжутся, я сглотнула застрявший в горле ком и шагнула на сцену. Слишком много света, бьющего в глаза... слишком много тонущих в полумраке лиц...

В груди лихорадочно забилося сердце.

Люди были повсюду. Сидели на деревянных скамьях, стояли в узких проходах, жадно глазели на меня с лож и балконов.

Слишком много лиц.

Ещё несколько ударов...

Громких. Рваных.

А вон те самые законники. Их было трое, да ещё и в первом ряду. Они смотрели пристально, внимательно, цепко, словно уже всё поняли, догадались, кто я такая и что скрываю.

Чьё место занимаю...

— Задавайте любые вопросы! — лихо объявил Кастен, и в зале поднялся гомон. — О тех, кто вам дорог. О тех, кого потеряли. Любые! Если тени пожелают, ответят. Я прав, госпожа зрящая?

Я нервно кивнула, отвечая на ослепительную улыбку Толя.

Ответят. Если им будет угодно.

Кастен вскинул руки, призывая зал к тишине, и возбуждённый шёпот стих вместо со скептическими смешками. Зрители молчали, а я... Я внутренне дрожала и думала лишь о том, чтобы всё это скорее закончилось.

Нет, лучше частные встречи. Лучше медленно копить деньги, чем такое.

Чем выставлять напоказ себя и свой дар.

Может, они так и продолжат молчать? Может...

— Моя невеста... — зазвучал неуверенный голос парня в клетчатом кепи и сером пиджаке. Протиснувшись ближе к сцене, он стащил с головы фуражку и, прижав к груди, грустно продолжил: — Мелли... Она ушла от меня... от нас... два года назад, и я хотел бы спросить... — Парень замялся, не находя в себе силы озвучить вопрос, что не давал ему покоя.

Остальные молчали. Молчал весь зал. В тишине, вновь опустившейся на старое здание, я отчётливо слышала удары своего сердца. Один, второй, третий... Прошло совсем немного времени, всего несколько мгновений, как к ударам прибавился шёпот. Не людской — потусторонний. Шелест, едва различимый глухой свист, словно сквозняк просачивается в щели, которых в театре было немерено. И снова шёпот, шёпот, шёпот: усталый, возбуждённый, а

иногда и зловещий. Он кружил, оплетая меня незримыми путами, вместе с белесыми фигурами. Вместе с тенями... Одни были почти чёткими, другие больше походили на сгустки тумана, то льнущего ко мне, то расползающегося по залу. Одни молчали, другие — продолжали шептать, делиться тем, что стремились рассказать.

Парню так и не хватило смелости озвучить свой вопрос. Он просто стоял и смотрел на меня, с надеждой и недоверием одновременно. Постепенно мои глаза привыкли к яркому свету, и теперь я видела, что во взглядах многих читалось именно то, второе чувство. Оно же отражалось в усмешках, чуть вздёрнутых бровях, скептическом покачивании голов.

Жители Бримна явно приняли меня за шарлатанку, и пусть бы так и было! Но... но нам с Кастеном действительно нужны деньги.

На билеты, домик на холме и новую жизнь.

— Она рада за вас и желает вам с Ивонн счастья. — Я говорила тихо, но меня всё равно слышали. И тот, к кому обращалась, и остальные собравшиеся в зрительном зале.

Парень побледнел. Открыл было рот, собираясь что-то сказать, но я уже продолжала, передавая слова, которые нашёптывала мне чужая душа:

— Нет, она не ревнует и не обижается. Она любит вас, Ярн, и отпускает. Вы тоже должны её отпустить. Ради себя и своей будущей семьи.

Он так и продолжил бледнеть, и при этом мямлял дрожащими пальцами кепи. Мямлял и смотрел на меня. Теперь уже без недоверия, а скорее как на только что открытое чудо света.

— А вам, мистис Сиверт, сын передаёт привет. — Я перевела взгляд на крупную женщину в третьем ряду, у которой, в отличие от мелового парня, на щеках вспыхнул свекольный румянец. — Он просит больше его не оплакивать. Нося под сердцем его заговорённый портрет, вы заставляете его возвращаться. Сюда, в мир живых. А это... неправильно. Он хочет уйти навсегда. Просит отпустить.

Женщина прижала к лицу руки, и я в который раз подумала, что о таком стоит говорить с глазу на глаз, за закрытыми дверями, а не со сцены театра. Но тень настаивала, ужом овиваясь вокруг меня и упрямо шепча на ухо. Просила, требовала, умоляла...

Заметила, как задрожали плечи женщины, зашедшейся в беззвучном плаче, но сказать что-нибудь в утешение не успела — выкрикнул с балкона элегантно одетый мужчина, перетягивая на себя моё внимание, прося поговорить с его матерью. И с последних рядов зазвучал молящий голос. А потом ещё и ещё...

Спустя четверть часа я уже едва держалась на ногах. Теней было слишком много, и больше всего мне хотелось их от себя отогнать. Но их притягивали сюда родные: своими мыслями, своими вопросами, своими эмоциями.

Покачнулась, прижала к вискам пальцы, на миг зажмуриваясь. А открыв глаза, бросила взгляд за кулисы. Кастен покачал головой, безмолвно требуя, чтобы продолжала. «Рано заканчивать», — говорил его взгляд. Очень рано!

И я продолжала.

Спустя ещё несколько минут охрип голос, свет на сцене словно приглушили, и лица в зале будто размыло, как размывает волна песчаные замки, стирая формы и очертания. Я уже не понимала, кому отвечаю. Просто воспроизводила то, что говорили мне тени, чувствуя себя микрофоном на ножке, в который они кричали. Ну то есть шептали, но голова раскалывалась, как от пронзительного крика.

«Хватит! — хотелось и самой выкрикнуть. — Прекратите!»

Хотелось потребовать, чтобы отстали. И живые, и мёртвые. И тех, и других было слишком много, а у меня сил почти не осталось.

Но один голос, громкий, резкий, коловший холодом, я всё же слышала. Поняла каждое слово, ощутив при этом дрожь, волной пробежавшую по коже.

— Я хочу знать, жива ли моя жена.

Вскинула голову, скользнула взглядом по ближайшей к сцене ложе, и почувствовала, как неприятно закололо, а потом и запекло левое предплечье.

«Законник!» — ужаснулась, заметив хорошо знакомую нашивку на груди поднявшегося с кресла мужчины. Вот только на нём не было форменного синего мундира, и я понятия не имела, кто он.

Жены его со мной точно не было, вернее, её тени.

«Может, и жива», — собиралась уже ответить, но, снова ощутив жжение, опустила взгляд. Приподняв кружевную манжету, увидела,

как по запястью вверх до сгиба локтя пробегает перламутровая... чешуя. Увидела и замерла.

Что это? Видение? Мираж?

Господи, кажется, я схожу с ума!

* * *

Эндер Делагарди

Сегодня я понял две вещи: у слов «Бримн» и «дыра» — одинаковое значение, а у меня, оказывается, аллергия на скопления людей и провинциальные выступления. Театры я никогда не жаловал, но стойко сносил и балет, и даже оперу. В столице или где-нибудь на курорте.

А вот театр Бримна мог понравиться разве что пьяному или слепому.

Слепым я не был, а напиваться перед выходом в бримнский высший свет счёл дурным тоном. Правда, теперь жалел о том, что не заглянул в кабак на другом конце площади перед посещением клоповника. Увы, любовь к честности не позволила мне подобрать для этого места более лестное сравнение.

Кресло подо мной угрожающе скрипело, намекая, что одно резкое движение, и любоваться шарлатанкой я буду, сидя на его обломках. Балюстрада, ограждавшая ложу, тарасилась на меня трещинами и сколами, а от коврового настила несло пылью и чем-то ещё... не то кислым, не то горьким. В общем, вонью.

Склонившись к своему провожатому, я тихо поинтересовался:

— Напомните, Герц, зачем мы здесь?

Начальник бримнского следственного управления подбоченился и, блестя лоснящимися щеками, ответил:

— Так зрящая ведь! Если, конечно, афиши не наврали... — добавил уже не так уверенно, после чего, вскинув указательный палец, такой же упитанный, как и всё в разлюбезном начальнике, воинственно добавил: — А если наврали, арестую за мошенничество! Помяните моё слово, эйрэ. Обязательно арестую!

— Вам следовало её проверить до начала этой комедии, — заметил я.

Герц поджал губы, невнятно пробормотал:

— Дак я ведь утром встречал вас, эйрэ, а потом эта ваша охота на искажённого...

— Участия в которой вы не принимали, — отметил я и это.

— Но ждал вас и своих ребят в управлении, — не растерялся хранитель провинциального порядка. — Волновался. Не до девчонки мне сегодня было. Но если окажется, что не зрящая... — он снова понизил голос до невнятного бормотания. — Редкий дар... Обычно такие убивают.

И это была правда. Для простых людей любой из даров может оказаться губительным и, чем сильнее магия, тем больше риск, что она искалечит тело или разум. Бывало, страдало и то, и другое, как в случае с сегодняшним искажённным.

Перестав ворчать, Герц устроил ладони на животе, очень похожем на черепаший панцирь, и уставился на грязный занавес, который наверняка не чистили со дня возведения театра.

— У вас же жена четыре года назад пропала. Может, госпожа зрящая подскажет, где она. Жива ли...

Слова законника полоснули по сердцу, сознанию, памяти. Внешне я остался невозмутимым, лишь сильнее сжал подлокотники кресла, и то, клятое, снова предупреждающе закрипело.

— К кому, к кому, а к мошенникам за помощью я ещё не обращался, — усмехнулся тихо и бросил взгляд на показавшегося на сцене мужчину, пообещавшего нам, зрителям, чудо дивное в лице своей невесты.

Почти семейное дело... Интересно, они где-нибудь ещё выступали? Вряд ли, иначе бы уже арестовали. В то, что какая-то девица из Пограничья обладает столь редкой силой, я не верил.

— Давайте же поприветствуем госпожу зрящую! — громко проговорил парень и жестом пригласил свою невесту выйти на сцену. — Вейя, дорогая...

Вейя... Невольно я подался вперёд, вглядываясь в тонкую плывущую по сцене фигуру. Будь на девушке светлая одежда, и она сама легко сошла бы за привидение, которых якобы видела, слышала, ощущала. Она шла неуверенно, словно боялась. Наверняка разоблачения! Прикрыв глаза, я быстро проверил «зрящую», но не обнаружил на её контурах ни изломов, ни шрамов.

— Что скажете, эйрэ? — подался ко мне Герц. — Если в ней и правда эта сила, то, может, она тоже... того?

Он уставился на меня своими тёмными, блестящими, как у преданной собаки, глазами, словно ожидая, что я сейчас и с ней расправлюсь. Но искажений я не видел, а значит, она просто... обычная.

Обычная охотница за деньгами, которая непонятно чего добивается.

— Она не искажённая, — бросил я Герцу и продолжил всматриваться в девицу на сцене.

Подойдя к самому краю, она неуверенно оглядела зал, нервно сжала пальцами юбку. «Зрящая» выглядела так, словно хотела отсюда сбежать. Я вот тоже хотел... Но вместо этого сидел и смотрел. Почему-то отвести от неё взгляд не получалось. Невольно я скользил взглядом по узкой талии в тугом корсаже, по юбке из тяжёлого бархата и снова возвращался к лицу под маской. Обводил взглядом покатые плечи, тонкую шею, острые ключицы, над которыми темнела бархатка с жемчужной камеей. Вглядывался в черты лица, но их надёжно скрывала клятая вуаль. Это злило. Не знаю почему, но мне хотелось подняться на сцену, сорвать с неё маску, увидеть лицо.

— Задавайте любые вопросы! — щедро предложил её поделльник, и зрители зашумели.

Девчонка испуганно отшатнулась от края сцены, но тут же застыла, смиряясь с неизбежным. Прозвучал голос первого жаждущего прикоснуться к миру духов, а после зал объяла тишина. Девушка вскинула взгляд. Волнистые пряди, обрамлявшие лицо, шевельнулись в такт её движению, и я нахмурился.

В прошлом я знал двух леди с таким цветом волос. Не просто рыжим — насыщенно-медным, какой бывает линия горизонта, когда восходит солнце, в какой окрашивается небо во время заката. Одна леди должна была стать моей женой, но так и не стала, предпочтя моего напарника. Другая исчезла ровно спустя год после нашей свадьбы. Она тоже любила собирать волосы, оставляя свободными у лица несколько прядок. Она была такой же хрупкой — иной раз я боялся к ней прикоснуться.

Последняя мысль заставила усмехнуться, а ответы девушки на вопросы зрителей вызвали удивление. Неужели действительно зрящая?

Больше она не выглядела ни смущённой, ни оробевшей. Отвечала без запинки, без сомнения, и в зале всё чаще звучали выкрики — многим хотелось через неё поговорить с родными.

— Смотрите-ка! Кажется, не шарлатанка! — довольно крикнул Герц, явно обрадованный, что не придётся никого арестовывать и тратить время на допросы. — Или считаете, что в зале нанятые актёры, эйрэ? — вдруг снова засомневался. — Может, промышляет целая шайка... Надо бы и мне её спросить, да только о ком? О представившейся в прошлом году теще? Не-е-ет, лучше не звать эту нечисть в мир живых.

Он продолжал бормотать, перебирая в памяти имена покойных близких и знакомых, но я больше не вслушивался в его слова. Я вообще почти ничего не слышал, а чувствовал... Чувствовал жжение на левом предплечье. Сначала не обратил внимания, увлечённый девицей на сцене. Но неприятные ощущения усилились, теперь уже было сложно на них не реагировать. Спустя ещё несколько секунд мне хотелось выдернуть бутылку игристого из ведёрка со льдом, что стояло неподалёку, и опустить в него руку.

Драконова тьма! Что за...

Выругавшись сквозь зубы, я подтянул рукав сюртука и не поверил своим глазам. Вязь брачного узора прошла по коже, обжигая огнём. В последний раз он проявлялся в день нашей с Раннвей свадьбы, а спустя несколько недель после её исчезновения руку жгло так, что хотелось оторвать. В тот день узор тоже проступил на коже, но выглядел как старая, неудачно сделанная татуировка, которая вскоре исчезла. В тот день я решил, что больше никогда её не увижу. Но всё равно искал. Не смирился.

А сейчас...

Я поднялся быстрее, чем смог этот осознать. И ещё быстрее спросил:

— Я хочу знать, жива ли моя жена.

Впрочем, ответ на этот вопрос и так был теперь известен. Невеста другого, значит? Я тяжело посмотрел на девушку.

В этот раз, Раннвей, не исчезнешь!

Никуда от меня не денешься.

Глава 2. Дракон и я

Женя Исаева

И снова интуиция закричала, завопила, требуя убегать как можно скорее и как можно дальше. Не оглядываясь, не думая, больше не медля. На этот раз я послушалась, хоть и понимала, что поздно. Я привлекла внимание законника, и что-то мне подсказывало, что непростого.

Пошатнулась, словно падая в обморок (уже и правда хотелось в него сорваться!), и ко мне тут же подскочил Кастен.

— Вейя!

Он подхватил меня, и я в изнеможении закатила глаза:

— Больше не могу...

К счастью, Толь не стал хлестать меня по щекам или встряхивать, или уговаривать поднажать и ещё хотя бы немного поразвлекать почтенную публику.

С тревогой скользнув по моему лицу взглядом, выкрикнул:

— На сегодня достаточно! Если у вас, дамы и господа, остались к теням вопросы, будем рады видеть вас на завтрашнем выступлении, — не упустил возможности рекламы.

Я мысленно хмыкнула. Нет, дорогой, больше никаких театров. Поплавали в новых водах — хватит.

Зал взорвался возгласами: взволнованными, разочарованными и даже злыми. Тени тоже злились, настырно кружили вокруг нас с Толем, раздосадованные, что не успели поговорить с родными. Я прикрыла глаза, не желая их видеть, но прежде чем это сделала, скользнула взглядом по ложе с законником.

Однако увидела лишь тьму, густившуюся на нижних ярусах балконов, и тут же перед лицом зависла искажённая в злой гримасе дымчатая морда призрака.

А ну брысь! Пугает тут своим оскалом...

Глаза я не открывала до самой гримерной, где оставался мой нехитрый скарб: ридикюль, расшитый цветами из бисера, тонкой кожи перчатки и жакет с пышными рукавами. Первый месяц осени выдался солнечным и тёплым, но вечерами уже ощущалась прохлада. А я всегда была мерзлячкой и, кажется, прежняя хозяйка этого тела тоже. Вот и сейчас я дрожала: от холода, которым пронизывали меня духи умерших, тянущиеся за нами траурным шлейфом, от чувства тревоги, сдавившей сердце могильной плитой.

Да что же это такое! Жуткие сравнения. Жуткое место!

Жуткий вечер.

— Вейя, ты как? Ты меня напугала.

Кастен, словно рыцарь-спаситель, нёс меня узкими, бесконечно длинными коридорами. Весила я немного, килограмм пятьдесят, но многослойная юбка и корсаж добавляли тяжести.

— Устала, — отозвалась тихо, и это была правда. — Никогда не чувствовала себя такой опустошённой.

Толкнув плечом дверь в примерную, Кастен поставил меня на ноги. Шипение теней ещё слышалось, но уже не такое громкое и не такое возмущённое. Да и сами они таяли, постепенно исчезая. Теперь вокруг нас вилась лишь лёгкая дымка тумана.

Кожу на предплечье больше не жгло, я вообще больше ничего не чувствовала, и это радовало. Наверное, просто показалось.

Должно быть, просто переволновалась.

— Ничего, — Кастен ободряюще улыбнулся. — Ночью отдохнёшь как следует и завтра, полная сил, в бой за новую, лучшую жизнь.

— Кастен, я больше не буду... — Слова застыли на губах, когда за спиной у Толя неожиданно возникла высокая чёрная фигура.

Мой друг... жених(?) был высоким, но по сравнению с незнакомцем в чёрном вдруг показался каким-то насекомым.

Почувствовав, как из глубин души снова поднимается страх, почти паника, я отпрянула. Кастен поймал мой взгляд, устремлённый на незнакомца, резко обернулся.

— Извините, но выступление окончено.

Я не видела его лица, но точно знала, что Толь хмурится.

— А о частных встречах можете договориться со мной. Госпожа зрящая плохо себя чувствует.

Мрачный тип на моего друга даже не взглянул и как будто его не услышал. Смотрел на меня так, словно Кастен был прозрачным или вдруг превратился в тень, которых простые люди без дара не замечали.

Но этот мужчина не был простым.

Этот мужчина мне не нравился.

А точнее, я его боялась.

— Выйдите, — коротко приказал он, продолжая смотреть мне в глаза.

— Послушайте! — раздражённо выкрикнул Толь, делая шаг навстречу, и осёкся, когда незнакомец вошёл в примерную. В свете бра,

тускло освещавших комнату, сверкнула нашивка у него на груди, и я поняла, что ошиблась.

На синих мундирах законников красовались скрещённые кинжалы и венчавшая их корона Кармара. У этого же на грубой ткани не то сюртука, не до длинного до колен мундира мечи заменили распахнутые драконьи крылья, а зубья короны больше походили на клыки чудовища.

— Дважды просить не стану, — всё так же ровно, без эмоций проговорил незнакомец.

Кастен знак на груди тоже заметил, и ему как-то сразу разонравилась роль рыцаря в сверкающих доспехах. Плечи его поникли, голос охрип от волнения:

— Я вас... оставлю. — Он оглянулся на меня, лишь на мгновение, чтобы одарить испуганным, беспомощным взглядом, и, просочившись в щель между стеной и незнакомцем, пробормотал чуть слышно: — Вейя устала. Ей нужно отдыхать.

— Дверь можете не закрывать. Я сам, — даже не повёл тот взглядом в его сторону.

Я вздрогнула, когда створка сама собой захлопнулась, отрезая меня от Толя, от далёких голосов зрителей, от целого мира.

Несколько секунд мужчина продолжал меня рассматривать, я же мечтала в его глазах, как минутой назад Кастен, стать прозрачной. Но... увы. Он не просто меня видел — он пожирал меня взглядом.

С усмешкой прошептал:

— Здравствуй, Раннвей.

И в два шага преодолел разделяющее нас расстояние, чтобы сорвать с меня маску.

Раннвей... Первое время в новом мире это имя почти постоянно звучало в моих мыслях. Вместе с ним разум наполняли обрывки воспоминаний, чужих, мне не принадлежащих. Картины незнакомого прошлого появлялись внезапно, вспышками проносились в сознании и снова исчезали. Некоторые откровенно пугали. Иногда на меня накатывал страх, природу которого я понять не могла, но от которого кровь стыла в жилах. И дело вовсе не в тенях... Они поначалу тоже вызывали оторопь, но с их присутствием я постепенно смирилась. А вот от воспоминаний и чувств прежней хозяйки тела мечтала

избавиться. Порой они охватывали внезапно, как если бы во мне пробуждалась частица её души. В такие моменты было сложно понять, где заканчиваются её эмоции и начинаются мои.

К счастью, таких моментов становилось всё меньше. Я создавала новые воспоминания, свои собственные, и места для чужих в моём сознании просто не оставалось.

— Госпожа зрящая? — Усмехнувшись, незнакомец отбросил маску и ещё более пристально продолжил меня разглядывать. — Твоя новая жизнь так не похожа на ту, которая была у тебя четыре года назад. Что произошло, Раннвей? Почему ты исчезла?

Он взял моё лицо за подбородок, не грубо, но требовательно, вынуждая поднять голову, и внимательно заглянул мне в глаза. Не знаю, может, от волнения, но света в рожках на стенах как будто стало больше и весь он перетёк в ту часть гримерной, где стояли мы с незнакомцем. Я, упираясь в туалетный столик тем самым местом, на которое сегодня нашла приключения, и он, возвышающийся надо мной.

— Что с твоими глазами?

Он нахмурился, а в меня вдруг, как молнией, ударило воспоминанием. Точно такое же прикосновение и в ответ — страх Раннвей. Нежелание, чтобы её касались, нежелание быть с ним рядом. Злость в зелёных, неестественно ярких глазах, хлёсткие слова:

— Мне нужна жена, Раннвей, а не игра на публику!

Воспоминание померкло, но страх остался, и уже было непонятно, кому он принадлежал: мне или Раннвей.

— Не трогайте меня. Не трогай... — нервно поправила я и дёрнула подбородком, сбрасывая его пальцы.

— Я задал вопрос, Раннвей, — жёстко повторил мужчина, лицо которого... я уже видела. В её воспоминаниях.

Сейчас, глядя в эти зелёные, как осколки бутылочного стекла, глаза, я понимала, что Раннвей его знала. А он знал её. И, похоже, очень хорошо.

Чёрт...

— С моими глазами всё в порядке, — сказала холодно, раз уж у кое-кого зудело в одном месте от желания получить ответы. — Что-то ещё?

— Много чего, — усмехнулся... муж.

Не мой, но, кажется, этого тела. Проклятье! И надо же было так вляпаться!

Спасибо тебе, Кастен. Устроил выступление ради быстрых денег. Вот, довыступалась. Теперь непонятно, как выпутываться из этой склизкой паутины, в которую по его вине и своей глупости угодила.

Я постаралась отодвинуться, увеличить пространство между мной и зеленоглазым, но он придержал меня за локоть.

— Почему ты исчезла? Почему ведёшь себя так, словно видишь меня впервые в жизни? Почему ты... другая?

Да потому что я не Раннвей!

Понятное дело, ничего такого я ему не сказала. Откровенничать с типом со странной нашивкой, которая пугала не меньше, чем весь он в целом, было глупо и ещё глупее будет оставаться с ним в одном замкнутом пространстве. Вон Толь сразу смылся. Видимо, понял, кто этот мужчина. Жаль, меня перед побегом просветить не удосужился.

— Уходи, пока я не закричала.

Мой голос звучал твёрдо и холодно, но не вызвал у незнакомца ни малейших эмоций.

— Разве так положено жене разговаривать с мужем? — Он лишь дёрнул бровью, я же нашарила пальцами гребень с острыми зубьями.

На всякий случай.

— У меня теперь новая жизнь, и в ней нет места для старых мужей!

— А для новых женихов, значит, есть?

И снова я припомнила Толя незлым, тихим словом.

— Мы не помолвлены, — оправдалась зачем-то.

Может, и не стоило, но хищный взгляд чужого мужа из чужого прошлого не оставил мне выбора.

— Само собой разумеется. Ты принадлежишь мне, Раннвей, — подаваясь ко мне, заявил он. Губ коснулся аромат мяты с едва различимой горчинкой сигар.

Дым я никогда не любила, но почему-то сейчас застыла, словно опьянённая этим запахом. Стояла и смотрела в эти сумасшедше яркие глаза. Даже в полумраке, снова окутавшем примерную, они поражали своей неестественностью.

И пугали.

Кажется, за сегодняшний вечер я испытала столько страха, сколько не испытывала здесь за три года. А ещё раздражения. В прошлом, в другой жизни, я оставила одного такого собственника и не собиралась впускать в свою жизнь другого.

Сбросив его руку со своего локтя, процедила в лицо наглеца:

— Я принадлежу только себе и не намерена возвращаться в старую жизнь. У меня теперь новое имя, новые документы. Новый мужчина. И я всё-таки закричу, если ты сейчас же не уйдёшь!

Взгляд незнакомца заледенел. Казалось, он весь с головы до пят превратился в ледяную статую с острыми как бритва краями. Одно к ней прикосновение — и можно порезаться. Впрочем, касаться его я не собиралась. Уже достаточно сегодня «накасались».

Я набрала в лёгкие побольше воздуха, собираясь исполнить угрозу, но из-за его слов крик застрял в горле:

— У тебя её лицо, её голос, но ты не Раннвей. Ты не моя жена, хотя это тело, — он бегло оглядел меня и снова впился взглядом в глаза, — её. Ты и дальше можешь продолжать прикидываться идиоткой и надеяться, что я просто исчезну, чего уже точно не будет. Я же могу отвезти тебя в управление и отдать дознавателям. — Он коснулся моего запястья, и кожа под его пальцами как будто запылала. — Впрочем, и сам справлюсь. Поверь, Раннвей... Вейя, — поправился он с усмешкой, — так или иначе, но правду я узнаю. И если у тебя, в отличие от моей жены, есть мозги, мы оба останемся в выигрыше. Я не потеряю время, ты не испытаешь боль, которую драконы вроде меня умеют причинять.

* * *

Эндер Делагарди

В ней было что-то неправильное — это я понял сразу. Нет, там, на сцене, я видел свою жену Раннвей. Поначалу... Робкая, неуверенная в себе, незащищенная, как мелкая полёвка, — она была такой, какой я её запомнил. Но потом что-то изменилось... Исчезла робость, куда-то делась привычка опускать и прятать взгляд, пугливо отводить глаза. Почувствовав власть над людьми в зрительном зале, ощутив их интерес и внимание, девушка расправила плечи и дальше уже смотрела прямо, не робея и не стесняясь.

Пока я не вмешался.

Решил, что она меня узнала, потому и сбежала. А теперь, глядя в её глаза, незнакомые, чужие, другие, ломал голову, пытаюсь понять, кто она.

Девчонка прониклась угрозами, но, кажется, недостаточно, потому что попыталась выкрутиться:

— Я получила... травму. Мало что помню из прошлого, но точно знаю, чувствую, что не хочу к нему возвращаться.

Не сдаётся... И это тоже было так несвойственно моей жене. Равно как и повышать на меня голос. Вообще на кого бы то ни было. Она всегда говорила тихо, словно каждый звук стоил ей невероятных усилий.

— Хорошая попытка, — отдал ей должное. Разжал пальцы, прерывая болезненное прикосновение, и девчонка облегчённо выдохнула. — Но если бы ты действительно была моей женой, знала бы, что обмануть меня непросто. Почти невозможно, — последние слова я прошептал ей в губы.

Она вздрогнула и ещё сильнее вжалась в скрипучую мебель, едва на неё не усаживаясь.

— Я не обманываю, — процедила, глядя на меня уже, кажется, с ненавистью.

Опять же, Раннвей так никогда не смотрела. Я вообще не уверен, что она была способна на это чувство, как и на любые другие. Разве что на страх. Перед отцом, перед семьёй.

Иногда мне казалось, что и передо мной.

— Я действительно... твоя жена, — последнее слово далось ей с явным усилием. — Но надеюсь перестать ей быть в самое ближайшее время.

Я неплохо владею эмоциями, но упрямство лгуньи вызывало раздражение. С трудом сдержался, чтобы не схватить её и не потащить к паромобиллю силой, а если бы начала брыкаться и выворачиваться, то и на плечо мог бы закинуть.

Но воспитание, тьма его подери, не позволило уступить порыву.

— К твоему сведению, дорогая, — шепнул ей ласково, — у драконов не бывает разводов. Спишем твоё незнание на потерю памяти?

Удивление в серых, грозových глазах смешалось с бессильной злостью.

— Тогда кто я по-твоему, если не Раннвей? Её двойник? — Она тихо хмыкнула и посмотрела на меня с вызовом: — Тогда, получается, мы не женаты. А значит, господин дракон, шли бы вы... домой!

— Это её тело, — повторил я с уверенностью и глубоко вдохнул, стараясь не реагировать на сарказм сероглазой язвы. — Проявилась брачная метка. Уверен, ты тоже её почувствовала.

Девчонка сразу скисла, погас мятежный блеск в глазах.

— А ещё, да будет тебе известно, я обладаю редким, но очень полезным даром. Я вижу искажения.

Тут её глаза расширились, но не от удивления, а от страха, панического, звериного, и я невольно поморщился.

Поспешил успокоить:

— Нет, ты не искажённая, иначе бы этого разговора не было. Вообще никаких разговоров. Но твои контуры... они выглядят иначе, и, кажется, я догадываюсь, почему так. Поначалу, издали, даже не заметил разницы. Но сейчас, когда ты так близко... — Я улыбнулся, почти ласково, но девчонку отчего-то передёрнуло. — Говори, Вейя. Говори, пока я ещё сдерживаюсь. Драконы не разводятся, но овдоветь могут. И раз уж ты не Раннвей... Не вынуждай меня захотеть стать свободным.

Я блефовал, но девчонка этого не знала. Не знала, что она нужна мне, нужна Раннвей, и плевать, чья душа прячется под хрупкой оболочкой. В её глазах, сейчас похожих на два бездонных озера осенней ночью, продолжал плескаться страх.

И я добавил, подавшись к самозванке:

— Я ненавижу ложь, но ценю искренность, и только от тебя зависит, станем ли мы друзьями. Или мне придётся расправиться с лживой девчонкой, укравшей тело драконицы.

Глава 3. Предложение без права отказа

Женя Исаева

С каждой секундой ощущение, что я для этого типа — загнанная в ловушку добыча, только усиливалось. О драконах ходило немало слухов, и я бы не сказала, что обнадёживающих. Чувство сострадания им было несвойственно, как и многие другие чувства. В отличие от людей, те, в чьих жилах текла огненная кровь, рождались с дарами, и чем больше в тебе было магической силы, тем сложнее обстояли дела с эмпатией.

Судя по всему, конкретно в этом драконьем индивиде силы было немерено, а вот способность испытывать чувства если и имелась, то слабенькая, можно сказать, в зачаточном состоянии. Рядом с ним хотелось поёжиться, не только от страха, но и от исходящего от него холода.

Кусая до боли губы, я лихорадочно соображала, как выкрутиться, как исчезнуть из театра. Взгляд невольно скользнул по заветной двери, и дракон усмехнулся:

— Он тебе не поможет, Вейя. Никто не поможет. Я вообще не уверен, что твой... друг всё ещё здесь, а не сбежал с вырученными за выступление деньгами.

— Ты его не знаешь! — запальчиво выкрикнула я, но под ледяным взглядом дракона от запала не осталось и следа.

— Если бы он на самом деле о тебе заботился, не превратил бы в провинциальное развлечение.

И столько иронии в голосе... У меня аж зубы свело от злости.

— Кастен многое для меня сделал.

Первые месяцы после моего «переселения» я была не в лучшей форме. Тело (как выяснилось — драконицы) не сразу приняло чужую душу. Я постоянно ощущала слабость, недомогание, могла неожиданно упасть в обморок, а ночами умирала от терзающих разум кошмаров. Иногда голова готова была взорваться от боли, а иногда тошнило так, что, казалось, те крохи еды, что запихивала в себя через силу, вот-вот покинут меня вместе с желудком.

Ещё и призраки не давали покоя...

В общем, адаптация была сложной, и, если бы не Толь, я бы закончила или в местном дурдоме, или и того хуже — в морге. Он всегда был рядом, так что вариант, что Кастен смылся с деньгами, я даже не рассматривала.

Наверняка сходит с ума от беспокойства в коридоре.

Охотник за искажёнными (кажется, таких, как он, ещё называли палачами) откинул крышку карманных часов, явно старинных, с гравировкой по краю циферблата. Опустив на миг взгляд, нахмурился и нетерпеливо сказал:

— Если поторопимся, успеем на последний дирижабль до Гратцвига. Пойдём, Вейя. По дороге расскажешь, как ты стала Раннвей.

Захлопнув золотую крышку дорогого аксессуара, снова попытался меня схватить (манеры у него отвратительные), но я не позволила. Жаль, гримерная была совсем крошечной, лишая возможности для манёвров. И тем не менее сумела отскочить в другой конец комнаты, поближе к выходу, за что получила хмурый, раздражённый взгляд из-под длинных густых ресниц.

Ресницы, к слову, у дракона были красивые. Но вот манеры действительно отвратительные.

— Ты не можешь просто взять и перечеркнуть мою жизнь. Твоей жены больше нет, а я не собираюсь становиться её заменой. И не надо пытаться мной распоряжаться! Я не кукла, не марионетка и не твоя собственность. — Я выставила вперёд руку, когда он снова попытался приблизиться, не то чтобы схватить, не то чтобы всё-таки стать вдовцом. — Можешь и дальше продолжать пугать магией, пытками, дознавателями — твоё право, но этим ничего не добьёшься. Я тебе нужна, иначе бы ты не стремился, как сам выразился, со мной подружиться. Так что, господин дракон, придётся договариваться, а не ставить мне ультиматумы.

Я рисковала, высказывая всемогущему всё, что думаю и чувствую, сознаваясь в том, что я не Раннвей. И тем не менее смотрела прямо, хоть внутри всё дрожало. Мышцы свело от напряжения, живот скрутило от спазма. Как бы ни хорохорилась, а здесь он сила и власть и при желании может запросто превратить в свою собственность. Забрать хоть в Гратцвиг, хоть в камеру пыток, хоть к черту на кулички.

Дракон молчал, не торопясь отвечать. Правда, и хватать больше не пытался, и хотя бы этому можно было порадоваться.

Наконец он произнёс: тихо, спокойно, ровно:

— Ты будешь нужна мне. На год.

Я мысленно поперхнулась (год — это не неделя), но вслух ничего не сказала, продолжила вслушиваться в тихий, лишённый эмоций голос:

— После этого сможешь уехать куда угодно и с кем угодно. Я позабочусь о том, чтобы ты ни в чём не нуждалась ни пока будешь со мной, ни после. Вознаграждения, которое получишь, будет достаточно для спокойной, безбедной жизни.

— На год, — повторила эхом, представляя реакцию Толя. Нервно дёрнув себя за прядку — детская привычка, от которой так и не смогла

избавиться, — спросила прямо: — Зачем тебе жена на год? Что я должна буду делать? Какие у меня будут... обязанности?

Супружеский долг я точно выполнять не собиралась.

Словно прочитав мои мысли, дракон с усмешкой успокоил:

— У нас будут отдельные спальни. И никаких интимных отношений — даю слово. Ты мне нужна для другого.

— Для чего же?

Несмотря на золотые горы, которые мне пообещали, ощущение, что где-то тут кроется подвох, не покидало.

Он снова замолчал, словно обдумывал всё, что собирался сказать.

Или соврать.

Несколько секунд тишины показались мне бесконечными. Дракон продолжал смотреть на меня, я — на него, и эта игра в гляделки, если честно, уже действовала на нервы. А потом он всё-таки заговорил. Я ожидала каких угодно объяснений, но слова господина палача, дракона без жалости и сострадания, удивили:

— У меня есть воспитанница. Племянница Раннвей, Эдвина. Родители девочки погибли много лет назад, дедушек с бабками у неё тоже не осталось. После женитьбы на Раннвей я взял её на воспитание. Но могу потерять. — Он нахмурился, словно одна только мысль об этом доставляла ему не самые приятные, а скорее, болезненные ощущения. — По закону Кармара наставником у юной драконицы на время раскрытия магического потенциала должна стать ближайшая родственница. Но Раннвей, как тебе известно, исчезла.

— Получается, у неё нет наставницы?

Дракон мрачно усмехнулся:

— Нет, но вот-вот появится. Двоюродная бабка. Данна Левенштерн-Фармор. — Почему-то, произнося это имя, он скривился так, словно его заставили грязно выругаться. — Но леди не выгодно, чтобы в Эдвине проявилась сила. Более того, я не удивлюсь, если с девочкой за год что-то случится. «Несчастный случай», трагедия, которую эта с... леди Левенштерн предотвратить не сумеет. Я не могу отдать ей Эдвину. Не хочу. — Зелёные глаза сверкнули огнём, а может, в них просто отразились отблески света, но я всё равно невольно вздрогнула. — Поэтому ты поедешь со мной. Станешь на время Раннвей. Эта сделка выгодна нам обоим. Эдвина останется со мной, а

тебе не придётся выступать в заведениях вроде этого, зарабатывая жалкие медяки.

Я честно постаралась не обращать внимания на властные нотки, снова прорезавшиеся в голосе дракона. Вместо этого решила разобраться в странных порядках всемогущих:

— С чего ты взял, что эта леди может желать девочке смерти?

Он дёрнул бровями, словно я спрашивала об очевидных вещах. Очевидных для всех, кроме меня.

— Семья у Раннвей непростая, со своими... особенностями и трещинами на родовом древе. А отец моей жены был тем ещё... — Он снова не договорил и снова поморщился, ясно давая понять, что к тестю испытывал примерно те же чувства, что и к двоюродной бабке девочки. — Он отрёкся от старшей дочери, сестры Раннвей, но незадолго до своей смерти составил новое завещание, в котором признал внуку наследницей всего состояния Фарморов. Но при одном условии: если она сумеет, как и её мать, раскрыть в себе за год три дара.

Я мысленно присвистнула.

Я знала, что потомки драконов, носители огненной крови, раскрывают свой магический потенциал в подростковом возрасте. Процесс этот был долгим, зачастую болезненным и не всегда увенчивался успехом. Тех, кто так и не сумел обнаружить в себе ни одного дара, признавали пустыми. Такие драконы или драконицы становились позором для семьи, отщепенцами, а иногда и изгоями. В высшем драконьем обществе их не стеснялись называть уродами, но я никогда не понимала, как можно отказаться от родного тебе человека... — ладно, дракона — только лишь потому, что в нём не проявилась магическая сила.

Идиотские порядки и традиции.

Большинству всё же удавалось раскрыть в себе один или даже два дара. Бывали и редкие везунчики, такие вундеркинды, наделённые сразу несколькими силами. Видимо, сестра Раннвей принадлежала к последним.

Интересно, почему она погибла?

— Выходит, если Эдвина не сумеет пойти по стопам матери или с ней что-то случится, состояние её деда перейдёт к этой леди?

Дракон кивнул:

— Мне всё равно, сколько в ней проявится даров, вполне возможно, что и не одного. Деньги Фарморов мне тоже не нужны. — Он на мгновение задумался, а после продолжил: — Но ей нельзя переезжать к Левенштернам. Там я не смогу её защитить. Но и против закона пойти права не имею. — Он неожиданно улыбнулся, и я даже моргнула, решив, что мне почудилось. Улыбка на лице дракона казалась чем-то неестественным, инородным. Совершенно ему несвойственным. — Тебя мне послала судьба, Вейя, и я ни за что не откажусь от такого подарка.

Не откажется он...

Дракон замолчал в ожидании моего решения. Правда, не уверена, что я вообще здесь что-то решала. И вроде бы действовал он из благих побуждений, но я всё ещё ощущала страх Раннвей, и это чувство накладывало тень на благородный облик охотника, который передо мной так старательно вырисовывали.

Воспитывает чужого ребёнка? Бескорыстно? Просто переживает за её жизнь и будущее, а состояние, которое она может унаследовать, ему без надобности? Не дракон, а прямо кладёшь благородных качеств.

Всё звучало слишком замечательно, чтобы быть правдой. Слишком сильно Раннвей его боялась, и это чувство шептало внутри меня, уговаривая бежать без оглядки.

Но куда?

— Если я откажусь...

— Я отвезу тебя в Гратцвиг силой, — ответил он невозмутимо.

Невозмутимо и категорично.

— Но играть роль Раннвей не заставишь.

Дракон недобро сощурился:

— Мы возвращаемся к тому, с чего начали, Вейя. Жаль, думал ты умнее... Я предлагаю тебе сделку. Хорошую сделку.

— Боюсь, могу не справиться, — ответила я упрямо. — Я понятия не имею, что должен делать наставник при драконе-подростке.

— У Эдвины будут учителя. И я. Тебе не придётся ничего делать. Единственное, что от тебя требуется, — это прожить один год в моём доме, в роскоши и безделье. Время от времени будешь появляться со мной и Эдвиной в высшем свете, а иногда — отвозить её в академию. Посещать столичные рестораны и магазины. Театры, балы, суаре... Нечасто — обещаю. Уверен, это куда приятнее, чем общение с тенью.

В невозмутимый облик дракона вплелась ирония, которая меня так раздражала.

— Но как ты объяснишь внезапное возвращение жены?

— Я что-нибудь придумаю, — уверенно заявил он.

А я продолжила делиться опасениями, которых во мне было слишком много. Они кипели, бурлили во мне, как варево в котелке лесной ведьмы.

— Что, если спустя год ты передумаешь и решишь, что тебе и дальше будет нужна фальшивая жена?

— Этого не случится. А для твоего успокоения мы составим договор.

— Ты же сам сказал, что у драконов не бывает разводов.

— Но моя жена снова может исчезнуть. Бесследно. Я буду делать вид, что ищу, но сильно усердствовать не стану.

Кажется, у него был заготовлен ответ на любой вопрос и, кажется, мне действительно не оставили выбора.

— Ты так и не сказал, что будет, если я откажусь.

— Лучше тебе этого не знать, Вейя.

Запугивает? Заглянув в глаза палача, я вдруг поняла, что не хочу проверять, так это или нет. И ответ мог быть только один. Несмотря на чувства, что вызывал этот дракон в Раннвей. Несмотря на чувства, что вызывает он во мне. Придётся соглашаться и надеяться, что всё рассказанное им — правда. Я действительно выручу девочку, а не стану пешкой в руках хитроумного манипулятора.

— Твоё решение? — Раскрыв часы, он скользнул взглядом по циферблату и недовольно пожевал губами.

Кажется, на последний дирижабль до Гратцвига мы опоздали.

— Договор мы составим здесь, в Бримне, — сказала я, отзеркаливая взгляд изумрудных глаз. — Скрепим магически. На просто бумажку я не согласна. И ты, к слову, так и не назвался.

Он улыбнулся, во второй раз, и в его голосе я уловила нотки облегчения:

— Меня зовут Эндер. Эндер Делагарди.

Превозмогая чувства прежней хозяйки тела, я протянула ему руку.

— Женя Исаева.

Думала, мы скрепим навязанную мне сделку рукопожатием, но вместо этого он коснулся моей кисти губами. Поцелуем лёгким,

мимолётным, но в меня снова ударило чужими эмоциями. Яркими, искромётными, острыми. С трудом удержалась, чтобы тут же не отстраниться, а лучше — отпрыгнуть.

— Рад, что мы договорились, Женя.

Я хмыкнула и распахнула дверь в надежде, что за ней обнаружится Кастен. И пока оглядывала полутемный коридор, почувствовала, как спину мне прожигает взгляд зеленоглазого охотника.

* * *

Вопреки прогнозам всемогущего, Кастен не сбежал, ждал в фойе. Бледный, взволнованный, прямой как шпала, которые в Пограничье только начали недавно укладывать. Заслышав наши шаги, он вскинул голову и посмотрел на лестницу, распадающуюся двумя мраморными полукружиями. Несмотря на наличие рядом со мной дракона, рванул к ступеням, и я испытала какое-то злорадное удовлетворение.

— Очевидно, что вы плохо разбираетесь в людях, — не удержалась от шпильки, покосившись на спускавшегося рядом мужчину.

Тот в ответ лишь тихонько хмыкнул, после чего спросил, наблюдая за спешащим к нам парнем:

— Вы с ним поговорите или мне доверите эту миссию?

— Мы теперь на «вы»? — я тоже хмыкнула.

— Беру пример со своей вновь обретённой жены, — в словах дракона мне послышался лёгкий укол иронии. — Привыкай разговаривать со мной как с мужем, Раннвей. Как с мужчиной, которого давно знаешь.

Я хотела его поправить, напомнить, что я не Раннвей, но не стала. Эндер Делагарди уже начал вживаться в роль, и мне тоже, наверное, следовало бы. Но не при Кастене ведь. Он знал меня настоящую, знал, кто я на самом деле такая, а потому заслуживал правды.

— Я сама с ним поговорю. В гостинице.

— Ты поедешь со мной. — А вот теперь в его голос ворвались те самые жёсткие, непреклонные нотки, от которых у меня сами собой начинали скрежетать зубы.

— Я поеду в гостиницу. Отдохну, выплусь. Соберу вещи.

Челюсть скрежетнула снова, когда этот... драконоподобный скользнул взглядом по моему новенькому платью и пришёл к

унизительному для меня выводу:

— Твоя одежда тебе не понадобится.

— Я поеду в гостиницу, — повторила упрямо, останавливаясь на нижней ступени. Развернувшись к мрачающему на глазах дракону, тихо, но твёрдо добавила: — И сама, в спокойной обстановке, объясню всё своему... другу.

— Постельные объяснения отложим до следующего года, — а вот теперь в меня плеснуло издёвкой.

К счастью, Делаярди пришлось умолкнуть, потому что к нам приблизился Кастен. Взгляды, которыми мужчины поприветствовали друг друга, можно было сравнить со скрещёнными дуэльными клинками. Кажется, Толь уже успел вернуть себе присутствие духа, расхрабриться и настроиться на заранее проигранную битву.

— Всё в порядке, Вейя? — Он даже не взглянул в мою сторону, продолжал впиваться взглядом в дракона.

— Всё хорошо. Пойдём.

Шаг в сторону, от «мужа», и тот, потакая своей вредной привычке, схватил меня за руку. Кастен напрягся, подался к нему, не то чтобы вклиниться между нами, не то чтобы сразу ударить или хотя бы попытаться, и я, не теряя времени, сказала:

— Приходите... приходи завтра утром в гостиницу.

Зелёные глаза недобро сверкнули, пальцы сильнее сжались на моём запястье.

Ну и куда подевалось достославное драконье самообладание?

— Смысл мне сбегать, если ты всё равно меня найдёшь?

Я понятия не имела, какими ещё, кроме дара видеть в людях искажения, обладает Эндер, но прекрасно понимала, что даже в бримнском управлении хотя бы один следопыт да отыщется.

— Никуда я не денусь, а в Гратцвиг мы сегодня всё равно уже не полетим. И я правда устала, — моих губ коснулась слабая улыбка. — Общение с тенями выматывает.

Делаярди отпустил, и тут же в меня вцепился Кастен:

— Гратцвиг? Вейя, о чём ты?! Мы же собирались...

— В гостинице, — перебила я и посмотрела на него умоляющим взглядом, как бы говорящим: «Давай уйдём. Пожалуйста!»

— Где вы остановились? — словно вспомнив о том, что он дракон, безэмоционально поинтересовался мой новоиспечённый...

деловой партнёр.

— В «Трёх лилиях».

В холле повисла тишина, такая же мрачная, как и тени, лениво скользившие по поблёкшему от времени полу театра. Казалось, Делагарди всё ещё сомневается, стоит ли давать мне вольную. И всё-таки он не стал козырять своей надо мной властью, уступил.

— Доброй ночи, Раннвей. — Он посмотрел мне в глаза, словно проникая в меня своими ядовито-яркими глазами. Потом перевёл взгляд на Кастена и удостоил его коротким кивком на прощание.

— Раннвей? Почему он так тебя называет?! — зашипел мне на ухо Толь, когда за драконом сомкнулись тяжёлые двери театра.

— Пойдём, — сказала я и потащила его на свежий воздух, которого мне сейчас так не хватало.

От одной лишь мысли о новой жизни я начинала задыхаться.

Глава 4. Борьба за даму

Утром, проснувшись, я не спешила подниматься. Казалось, если останусь в кровати, то и лететь никуда не надо. Ни в какие столицы, ни с какими драконами... В Гратцвиге я никогда не бывала и была уверена, что столица Кармара, самого могущественного королевства мира, колыбели драконов, так и останется для меня террой инкогнита.

Но это было до Эндера Делагарди и его на меня планов.

Невольно нахмурилась, вспоминая о муже Раннвей, о выступлении в театре, о ссоре с Кастеном. Спокойного разговора у нас не вышло, мы разругались ещё по дороге к «Трёх лилиям». Он ничего не желал слышать, ещё и обвинил меня в том, что так легко повелась, клюнула на заманчивые предложения дракона.

Клюнула? На заманчивые предложения? Да меня скорее схватили за шкуру и подвесили на крюк, болтающийся над пропастью!

Увы, ревность не позволила Толю понять очевидное — мне не оставили выбора.

Приподнявшись на локтях, я прислушалась, а потом вздохнула. Мы сняли парный номер, две маленьких смежных комнаты, и из соседней не доносилось ни звука. Вчера вечером Кастен довёз меня до гостиницы, проводил в холл, но до лестницы так и не дошёл. При виде двух громил в синих мундирах, поприветствовавших меня кивками и улыбками, словно добрую знакомую, сквозь зубы выругался и отправился обратно.

— Куда это ты?

— В ближайший кабак! — рыкнул, не оборачиваясь. — Забывать о нашем расставании!

— Но мы... не расстались, — последнее слово я произнесла еле слышно и не слишком уверенно.

Ощущая на себе заинтересованные взгляды законников, поспешила к лестнице. Не всякие отношения выдерживают испытание разлукой, и Кастен ясно дал понять, что ждать меня не намерен. Он просил, почти требовал сбежать, не понимая, что такие, как Эндер Делагарди, найдут и накажут. Ранней удалось исчезнуть, но теперь дракон будет настороже, во второй раз жену не упустит. Синие мундиры были тому подтверждением. Да и не хочу я всю жизнь жить, оглядываясь. Опасаясь, что рано или поздно меня поймают.

Одеяло соскользнуло с плеч, и кожа тут же покрылась мурашками. Мы взяли самые дешёвые номера, каминами в них даже не пахло. Зато пахло — вернее, воняло — плесенью, буро-зелёными цветами распускавшейся на стенах в тех местах, где когда-то колосилась пшеница на дешёвых обоях. Кое-где они всё же сохранились, как напоминание о былом уюте и скромной, но некогда аккуратной обстановке. Когда-то мебель была красивой, но лак на ней облупился, а ковёр на полу выцвел. Из каждого угла, из каждой щели несло сыростью, которая после пролившегося ночью дождя ощущалась так, словно я ночевала в бочке, барахтающейся в замшелом пруде. Пыльные шторы закрывали не слишком чистые оконца, а ламбрекенами им служили паучьи тенёта.

Представляю выражение лица дракона, когда он сюда зайвится.

Эта мысль заставила меня подняться. Лучше быстро соберусь и встречу его внизу. Договор — если он удосужился его составить — подпишем в кофейне через дорогу. Стоило так подумать, как желудок недовольно уркнул, напоминая, что ужин я вчера пропустила. Да и в обед почти ничего не ела, так волновалась перед выступлением.

Злосчастное выступление!

В сердцах пнула ножку кровати и зашипела. Я. От боли. А вот кровать жалобно скрипнула, словно умоляя её не трогать.

— Живи уже, — пожелала столетней мебели и, кутаясь в шаль, побежала в уборную. Одну на всех на этом этаже.

В тот момент мне стало обидно за себя (с воспитанием у меня, между прочим, полный порядок!) и жалко (самую малость) Деллагарди. Икота сменилась отрыжкой, и судя по тому, как дракон скривился, окатившие его миазмы ему не понравились. И тем не менее он продолжал строить из себя самую невозмутимость. Стоял, заложив руки за спину, и холодно, высокомерно смотрел на Кастена.

Хотя желваки по-прежнему выступали.

— Я тебя не боюсь! — неожиданно чётко и ровно произнёс парень, и я похолодела, когда он на удивление быстрым, уверенным движением выхватил из кармана нож. — А её — не отдам!

Толь яростно замахнулся, я вскрикнула. Лезвие разрезало воздух в паре сантиметров от лица дракона, а в следующее мгновение Кастен оказался прижат к полу. Всё уложилось лишь в пару мимолётных секунд, Деллагарди попросту выбил оружие из руки идиота, тут же вывернув эту самую руку, и вот уже Кастен целует холодный и не слишком чистый мрамор.

Полы здесь до блеска не натирали.

Одной рукой дракон удерживал вырывающегося Толя, казалось, не прикладывая к этому ни малейших усилий, а другой... Сердце испуганно ударилось в рёбра, когда я увидела, как аккуратные ногти лорда заостряются, становясь длинными, чёрными когтями, жутко изогнутыми и явно жутко опасными. В голос, до этого лишённый эмоциональной окраски, врывается глухое, почти звериное рычание:

— За нападение на представителя закона — тюрьма. За нападение на эйрэ — смерть. Кажется, ты растерял последние мозги в дешёвом пойле, которым от тебя разит!

Кастен дёрнулся, промычал нечто нечленораздельное. Он не видел когтей дракона, зато чувствовал, как в шею вжимается что-то острое. Надавит чуть сильнее — пустынный холл «Трёх лилий» придётся отмывать от лужи крови.

— Не надо! — Я почти скатилась по ступеням, не сбежала по лестнице — слетела и, едва не налетев на кофейный столик, на котором красовалась ваза с подвядшими цветами, подскочила к дракону. — Отпусти его! Он же не соображает!

Ноль эмоций. Ну хоть бы взгляд на меня поднял, что ли! Схватила Деллагарди за руку в попытке оттащить от Кастена, но с таким же успехом могла бы пытаться сдвинуть Эйфелеву башню.

— Сейчас же его отпусти! Или я никуда с тобой не полечу!

Угроза подействовала. По крайней мере, я перестала быть для дракона предметом интерьера, который нет необходимости замечать.

— Ты мне угрожаешь, Раннвей? — от острых, как осколки битого стекла, ноток в его голосе я едва не шарахнулась. Потом вспомнила о Кастене и снова потянула палача за локоть.

Он медленно поднялся, сверля меня взглядом. По-драконьи хищным, по-звериному опасным. С трудом справилась с очередным порывом от него отпрыгнуть.

Хорошие такие порывы. Жаль, трудновыполнимые.

— То, что я вчера пошёл тебе навстречу, не означает, что я буду потакать любому твоему капризу.

— Спасение жизни — не каприз, — резко заметила я.

— Жизни пьянчуги? — Эндер попросту перешагнул через моего друга, чтобы встать ко мне вплотную.

Я уж было решила, что сейчас и мне к горлу приставят чудовищные когти, но когти исчезли, словно были лишь плодом моего воображения.

— Кастен не пьёт.

Сегодняшняя отвратительная сцена и правда была единственной на моей памяти. Кастен мог позволить себе кружку пива или бокал вина (точнее, дешёвого пойла, которое в Пограничье гордо им именовали), но никогда не терял голову.

И вот прошлой ночью потерял её из-за меня.

— Хочешь сказать, что он имел неосторожность напасть на дракона трезвым? — Делагарди вопросительно вскинул брови.

А у меня снова чуть зубы не закрипели.

— Хочу сказать, что нам уже пора. Если не передумал меня использовать.

Черты лица дракона заострились, ноздри дрогнули, словно из них вот-вот должны были пойти клубы дыма. Ну точно хищник... Я отвернулась, с сожалением взглянув на Толя, сидевшего на холодном полу. Сейчас, растеряв боевой запал, он выглядел побитым щенком, оставшимся без хозяина. Сердце сжалось от жалости и стыда. Он столько для меня сделал, а я...

— Надеюсь, когда-нибудь ты всё-таки поймёшь, что у меня не было выбора. — Я подала Толю руку, чтобы помочь подняться, но он

лишь устало отмахнулся. Ещё и отвернулся, давая понять, что не желает меня больше видеть. — И если всё-таки дождёшься...

— Пойдём, Раннвей, — бросил Делагарди, раздражённо перебивая. — Пока я не передумал и не сделал то, что должен был.

Должен был? Он говорил об этом так просто, словно убийство для него было чем-то вроде хобби. Хотя о чём это я? Он ведь охотится за искажёнными! Выслеживает тех, кого магия изуродовала, и безжалостно уничтожает. Наверное, для него лишить человека жизни — это как с утра пораньше, почитывая «Хроники Кармара», пить кофе.

— Показывайте дорогу, — сказала я, мысленно послав дракона к Чёрной Матери и её прислужникам, харгам, — местному олицетворению зла.

Хотя конкретно здесь и сейчас олицетворением зла для меня был Эндер Делагарди. Мужчина, которого я совершенно не знала, но с которым буду вынуждена делить дом целый год. И если он продолжит вести себя так и дальше, смогу с уверенностью сказать, что понимаю, почему сбежала Раннвей.

— Ты голодна? — поинтересовался палач, когда мы вышли из гостиницы на свежий, налитанный пролившимся ночью дождём воздух.

Кастен так и не сказал мне ни слова...

— Была. Но теперь уже нет. — Я хмуро посмотрела на дракона, забравшего у меня саквояж, потом на паромобиль, поблескивающий литыми боками в скупых лучах утреннего солнца. — Что там с договором?

— Подпишем по прилёте в Гратцвиг. Мой поверенный уже им занимается.

Я застыла, впившись пальцами в каменные перила. Солнце уже почти их просушило, но камень всё равно оставался холодным. И точно такой же холод сейчас заполнял всю меня, от ступней пробирался к самому горлу, отчего то неприятно першило. Мне совершенно не хотелось продолжать собачиться с драконом, но не будет ли с моей стороны фатальной ошибкой довериться его сладким речам?

Мой бывший муж, оставленный в прошлой жизни, тоже любил красивые слова, особенно до свадьбы. Но не прошло и нескольких

месяцев после росписи в Загсе, как Игорь изменился до неузнаваемости.

Наверное, что-то такое отразилось у меня на лице, потому что дракон, вместо того чтобы ещё больше разозлиться, сказал на удивление вкрадчиво и миролюбиво:

— Я не злодей, Вейя, и не обманщик. Даю тебе слово, слово главы Высокого дома, что я не отступлюсь от нашего договора. Год — и ты будешь свободна от любых обязательств. Свободна и богата. Обещаю.

Я мало что знала о драконах, просто потому что до Эндера Деллагарди ни с одним из них не пересекалась, но кое-какие слухи долетали даже до окраин Кармара. Вот почему он говорил о себе как об эйрэ. Он и был эйрэ! Главой одного из малочисленных Высоких домов — древних родов, берущих своё начало от самых первых Перерождённых. Людей, которые помимо магии обладали даром обращаться в невероятных огнедышащих созданий. Самые сильные. Самые могущественные. Почти боги.

Те, кто когда-то владел этим миром.

Нынешние драконы утратили дар оборотничества, ослабли. Хотя по сравнению с обычными людьми и даже теми, кто рискнул принять в себя магию, их действительно можно назвать всемогущими. Уже не боги, но и не просто люди.

Были ещё и Малые дома — тоже возглавляемые драконами, хоть и не с такими выдающимися родословными.

Если мне не изменяет память, главой рода, эйрэ, может стать как мужчина, так и женщина. Право наследования передаётся первенцу мужского пола, но если его сестра или брат пожелают возглавить дом, неважно Высокий или Малый, они могут вызвать наследника на бой. Увы, не до первой крови, а до гибели одного из соперников.

Я уже говорила, что у драконов чудовищные законы?

Для эйрэ честь — превыше всего, его слово нерушимо и, несмотря на то, что где-то глубоко внутри снова умирала от страха трусиха Ранвей, я понимала, что должна рискнуть и согласиться.

Кивнув, быстро спустилась по лестнице. Мой саквояж Деллагарди разместил на сиденье возле водителя, после чего распахнул передо мной дверцу кузова и галантно протянул мне руку, помогая забраться внутрь. Я совсем забыла про перчатки, а потому пришлось ощущать его прикосновение ладонью, пальцами. Горячее, почти раскалённое...

Сильное и властное, но в то же время бережное. Чужое тело вновь попыталось испуганно задрожать, но я мысленно на него, на себя, прикрикнула, требуя скорее это прекращать.

Если меня будет пробирать дрожь всякий раз, когда он будет меня касаться, за год нервы совсем расшатаются.

Дракон устроился рядом, и паромобиль покати по просыпающимся улицам Бримна, умытым дождём, обласканным всё ещё тёплыми лучами осеннего солнца.

Оглянувшись на серое здание гостиницы, видневшееся в узком заднем окошке, мысленно пожелала Кастену всего самого лучшего и постаралась отвлечься от грустных мыслей.

— Почему именно Вейя? — неожиданно спросил Делгарди, видимо, устав от молчания, нарушаемого лишь фырчанием машины.

Паромобили гроыхали по мостовым так, что первое время мне хотелось заткнуть уши. А потом ничего, привыкла. И предпочитала этот способ передвижения, пусть он и был дороже, открытым коляскам и двухместным каретам, местному аналогу кэбов. В них трясло невероятно.

— Кастен сказал, что моё имя слишком необычное, будет привлекать ненужное внимание. А Вейя... Было созвучно с моим, к тому же первое время у меня в голове постоянно звучало имя Раннвей, с которым оно тоже было похоже. Я побоялась назваться Раннвей, потому что не знала, до вчерашнего дня, кем была прошлая хозяйка тела.

Скосила взгляд и заметила, как Эндер удовлетворённо кивнул.

— Сколько тебе лет? — задал он очередной вопрос, видимо, решив скоротать время с пользой и получше узнать свою новую старую супругу.

— На Земле, в моем мире, в следующем месяце исполнилось бы двадцать восемь. А сколько было Раннвей?

Когда я пришла в себя и поняла, что я не в себе, ну то есть не в своём теле, поначалу решила, что стала подростком. Ну или в лучшем случае девушкой, только справившей совершеннолетие. Из зеркала на меня смотрела худая девчонка с угловатой фигурой, выпирающими ключицами, маленькой грудью и длинными, но такими тоненькими ножками. Кузнечик и нежная бабочка в одном флаконе.

За время, пока моя душа знакомилась с чужим телом, Раннвей-Вейя похудела ещё сильнее, хоть похудеть сильнее, казалось, было просто невозможно. Понимая, что с такими успехами скоро меня-не меня можно будет класть в могилу, я стала заставлять себя есть через силу. Несмотря на тошноту, на отсутствие аппетита. Немного окрепнув, добавила в свою ежедневную рутину лёгкую гимнастику, а спустя ещё пару месяцев уже и прыгала, и бегала, и ела нормально, а не как воробей на последнем издыхании.

Постепенно угловатый подросток превратился в стройную, но красиво сложенную девушку с густой медной копной и светлой кожей.

— Когда мы поженились, Раннвей было восемнадцать, — ответил Делагарди. — Спустя два года она исчезла.

— И ты не видел её четыре года, — вспомнила я вчерашние слова дракона.

Он кивнул, а я подсчитала. Значит, двадцать четыре... Хотя я бы не дала больше двадцати.

Молчание длилось недолго. Миновав центр города — площадь со злополучным театром и городской управой, — паромобиль снова принялся петлять по узким мощёным улочками, а Делагарди вернулся к допросу:

— Как так вышло, что ты оказалась в её теле? Я читал о подобных случаях в древних, очень древних манускриптах, но никогда о таком не слышал.

На ум пришла цитата из любимого многими фильма: «Поскользнулся, упал, потерял сознание, очнулся — гипс!» В моём случае — другой мир.

Я не стала знакомить дракона с русским кинематографом, рассказала о том, что помнила:

— Я опаздывала на концерт... В прошлой жизни я была пианисткой и довольно успешной, — позволила себе небольшое отступление, после чего продолжила: — Уже у самого театра, в котором и должно было пройти моё сольное выступление, кто-то толкнул меня на переходе. Это... эмм... такие места, где пешеходы... люди должны переходить дорогу. Я попала под машину. — Поймав вопросительный взгляд эйрэ, уточнила: — Аналог ваших паромобилей, только ездят быстрее. А та машина ехала... очень быстро.

Невольно вздрогнула, возвращаясь в короткие мгновения кошмара, и услышала невозмутимый голос Делагарди:

— Получается, в своём мире ты умерла?

— Сложно сказать, — я пожала плечами. — Последнее, что помню, — это крики людей и мой собственный крик. Мне даже не было больно. Или я просто забыла о боли... В себя пришла в Дербе — маленьком городке на границе Кармара и...

— Дрелора, — продолжил за меня дракон, давая понять, что он неплохо знаком с географией Пограничья.

— Меня нашёл Кастен на берегу реки, что оплетает окраины города. Грязную, истощённую, оборванную и мокрую. Точнее, грязной, истощённой, оборванной и мокрой была Раннвей, а моя душа каким-то чудом перенеслась в её тело.

Почему-то мои слова вызвали у Делагарди досаду. Он нахмурился, и я заметила, как на лице лорда снова обозначились желваки.

— Я что-то не то сказала?

— Мне следовало допросить твоего дружка.

— Друга, — почувствовав, как внутри вспыхивают искорки раздражения, поправила я. — Он бы не рассказал тебе ничего нового. Ночь, берег реки и полумёртвая Раннвей с моей душой.

«Муж» ничего не ответил. Вытащив из кармана часы, резко откинул золочёную крышку. Удивительно, как от столь грубого обращения та не отвалилась. Судя по тому, что маленькая чёрная стрелка почти достигла цифры восемь, поворачивать назад и устраивать допрос ещё и Толю было уже поздно. Да и не в том он сейчас состоянии, чтобы отвечать внятно.

— Что было потом... — начал было дракон, но я покачала головой.

— Лучше расскажи про Раннвей. Должна же я узнать ту, чью роль буду исполнять.

Удивительно, но он согласился. Видимо, решил, что к вопросам моём прошлом мы ещё вернёмся. А посвящать меня в жизнь Раннвей действительно надо.

Немного помолчав, словно раздумывая, с чего лучше начать, Делагарди начал издали:

— Наши семьи, Фармор и Делагарди, дружили издавна. Мой дед, Кеннерт Делагарди, сражался бок о бок с дедом Раннвей в войне за Клоандский полуостров и спас ему жизнь.

— Клоандский полуостров... — Перебирая пальцами звенья цепочки, пристёгнутой к ридикюлю, я пыталась вспомнить, где и когда о нём слышала. — Ах да! Это одно из немногих месторождений огненной крови!

Дракон кивнул, подтверждая мои слова.

Огненной кровью здесь называют не только кровь потомков Перерождённых, но и природную маслянистую жидкость, полезное, а скорее, бесценное ископаемое, на основе которого и изготавливались так называемые эликсиры счастья — то, что превращало людей в одарённых. Правда, некоторых эта чудо-эссенция убивала. Или убивали драконы вроде Делагарди, если дар становился проклятием, калечил разум.

— Я помню Раннвей ещё девочкой. — Делагарди улыбнулся своим воспоминаниям, и я невольно отметила, что ему идёт улыбка. Смягчает резкие черты лица, а губы делает...

Тряхнув головой, перестала задерживать взгляд на драконьих губах.

— Её и Терес.

— Терес — это старшая сестра Раннвей?

Кивнув, дракон добавил:

— Та, которая должна была выйти за меня замуж.

Больше я не перебивала, с интересом слушала историю чужого прошлого, которое, к сожалению, оказалось не менее мрачным, чем моё собственное.

У Хеймера Фармора не было сыновей, только две дочери: Терес и Раннвей. Старшая росла живой, весёлой, активной девочкой. К тринадцати годам она сумела раскрыть в себе три дара и должна была стать достойной преемницей своего отца, но...

Но всё пошло не по плану.

— Когда Терес исполнилось семнадцать, мы объявили о помолвке, а спустя год... — Делагарди усмехнулся. — Она сбежала с моим напарником, Нильсом Польманом. Нильс был простым человеком, ради будущего с Терес рискнул принять огненную кровь. Но магия не сделала из него дракона. Для Хеймера он так и остался

провинциальной швалью, как отзывался о нём глава дома Фармор. Выродком, укравшим у него дочь.

— Вот почему он от неё отрёкся...

— Терес перестала для него существовать. Хеймер лишил её имени, наследства и возложил все надежды на Раннвей. Но та, в отличие от сестры, не могла похвастаться ни твёрдым характером, ни крепким здоровьем, ни магической силой. Раннвей оказалась пустой, так и не смогла раскрыть в себе ни одного дара.

— В смысле пустой? — Я чуть с сиденья не свалилась от таких слов. — А как же сила, которой владею я? Я бы ни за что не стала рисковать жизнью и принимать дрянь, которая способна убить или свести с ума! Когда очнулась, у меня уже был этот дар!

Поёжилась, вспомнив, как впервые увидела духа и как чуть не умерла от ужаса.

Делагарди посмотрел на меня с сомнением, словно не поверил. Виделось мне в этом взгляде и обещание непременно во всём разобраться. И если я его обманываю...

Не будет у меня долго и счастливо.

Дракон коснулся моего запястья, и по нему, как рябь по воде, прошла перламутровая чешуя:

— Когда мы были вместе, никаких даров у моей жены не было.

Глава 5. Кинжал, палач и дирижабль

Сказать, что откровения Делагарди вызвали у меня удивление, — это не сказать ничего. Как такое вообще возможно, чтобы у драконицы-пустышки вдруг появилась сила? Да ещё такая... нервозатратная. Я бы предпочла, чтобы Раннвей обладала вечной красотой, а может, могла лишь одним прикосновением своих нежных пальчиков превращать речную гальку в драгоценные камни. Или пусть бы даже у неё проявились целительские способности. Хотя нет, быть врачом — точно не моё призвание, меня от одного вида крови начинает подташнивать.

Кстати, о подташнивании. Вестибулярный аппарат у этого тела был ни к чёрту, как и просёлочные дороги, по которым мы ехали, оставляя позади маленький городок Пограничья.

— Думала, дирижабль отправляется прямо из Бримна.

Эндер покачал головой и негромко хмыкнул:

— Из Бримна отправляются только дилижансы. Раз в неделю, не чаще.

— И долго нам ехать? — Паромобиль снова трянуло, и я схватилась за сиденье, чтобы с него не съехать.

— Через полчаса будем на месте.

Ещё полчаса... Глубоко вдохнув, откинулась на спинку сиденья и прикрыла глаза. Наверное, у меня на лице было написано, что сейчас я не в том состоянии, чтобы как губка впитывать новую информацию, потому что «муж» мне больше ничего не рассказывал. И я не спешила задавать вопросы, вместо этого мысленно ругала ухабистую дорогу. Понимая, что лучше от этого не станет, попыталась сосредоточиться на том, что уже узнала о Раннвей.

Интересно, с какой такой радости дракон, аж целый эйрэ, на ней женился? Драконицы без дара считались бракованным товаром и могли рассчитывать разве что на какого-нибудь завалющего виконта или баронета. Возможно даже, что и простого человека. Но Раннвей, несмотря на свою «ущербность», отхватила главу Высокого дома. Удивительно! Если не сказать невероятно...

Может, всё дело в наследстве Фарморов? Может, он и в воспитанницу свою вцепился по той же причине. Вдруг у этого Деллагарди финансовые проблемы, которые можно решить только с помощью чужих богатств. Вдруг девочке как раз и было бы лучше с двоюродной бабкой, а из-за меня ей придётся остаться с хитроумным мерзавцем. Вдруг...

Мысль оборвалась, потому что машина резко затормозила, и я, открыв глаза, поняла, что мы прибыли. Размышления о Раннвей помогли отвлечься. Меня всё ещё мутило, но уже не так, как полчаса назад.

— А в дирижаблях сильно качает? — с тревогой спросила я, оглядывая огромную площадку, к которой стекались машины и экипажи, и на их фоне, словно гигантское чудище, возвышалось невероятных размеров воздушное судно. Я по сравнению с ним чувствовала себя микробом.

— Никакой качки. — Деллагарди вышел из паромобилия и протянул мне руку. — Не бойся, Раннвей, нет ничего безопаснее дирижаблей. И быстрее. Уже завтра утром мы будем в Гратцвиге.

И снова от прикосновения дракона в меня словно ударило тысячей крошечных молний. Не успела ощутить под ногами твёрдую землю, как тут же поспешила прервать наш короткий, невинный контакт. Натянуто улыбнулась, заметив, как эйрэ вопросительно дёрнул бровью. Хотела уже расспросить его об этом месте — воздушном порте, о которых только слышала, но никогда не бывала, когда услышала громкий девичий голос, в котором отчётливо звучали взволнованные нотки:

— Эндер? Эндер Делаярди и... О, Великий Дракон! Раннвей!!!

Я только и успела что повернуть голову, как на меня тут же налетел визжащий от радости надушенный смерч в лице незнакомой девушки. Она повисла у меня на шее, явно пребывая на седьмом небе от счастья. А вот я... Я растерялась. Поймала взгляд палача и прочла досаду в чертах его лица.

— Я просто не верю своим глазам! — на миг от меня оторвавшись, пропела незнакомка и снова прижала к своей груди.

Вроде и мелкая, даже ниже меня будет ростом, но объятия у неё оказались крепкими.

— Вас можно поздравить? — К нам приблизился молодой мужчина, высокий брюнет с тёмно-кариими глазами, и девушка наконец от меня отстранилась, встала с ним рядом.

По сравнению со своим долговязым спутником она казалась сущей дюймовочкой. Светлые кудри обрамляли нежное личико, зелёные глаза блестели от радости и любопытства.

— Думаю, что поздравления мы будем принимать уже в Гратцвиге, — вежливо, но как-то уж слишком прохладно улыбнулся Делаярди. — По случаю возвращения Раннвей устроим приём, а сейчас...

Он подхватил меня под руку, скользнув по запястью пальцами, но увести не успел. Продолжая сиять, незнакомка прожурчала:

— Ах, Раннвей, какое счастье! А вы, эйрэ, представляю, как счастливы!

Дракон снова изобразил нечто похожее на улыбку, но она не помогла ему казаться счастливее.

— Раннвей, где ты пропадала? Столько времени... — продолжила задавать вопросы блондинка.

Её кареглазый спутник, бросив взгляд на Эндера, коснулся локтя девушки и мягко сказал:

— Шанетт, милая, у вас ещё будет немало времени, чтобы поговорить. Уверен, леди Делагарди-Фармор будет рада с тобой пообщаться.

— А как же, — кивнула я осторожно.

— Раннвей, у меня к тебе столько вопросов! — в ажиотаже затрясла кудрями девица, и мне почему-то подумалось, что из неё получится куда более въедливый дознаватель, чем из Делагарди.

Дракон по сравнению с ней просто лапочка, не нарушающая личного пространства.

— Давай вместе пообедаем, — предложила Шанетт и уставилась на меня в ожидании ответа.

Я вопросительно покосилась на Делагарди, не зная, что ей сказать. Поэтому сказал он:

— Лучше все вместе поужинаем. У нас была очень долгая и утомительная дорога. Раннвей нуждается в отдыхе.

Почему-то после его ответа Шанетт вперилась взглядом в мой живот, словно там таилась причина моей усталости. Вроде и одета как леди, в богато расшитый золотой нитью жакет насыщенного синего цвета и в тон ему юбку, но манеры оставляли желать лучшего.

Просканировав взглядом мою фигуру, но так и не обнаружив на ней никаких интересных выпуклостей, девушка чуть слышно хмыкнула. Видимо, вместе с фигурой сканировала и одежду и теперь наверняка задавалась вопросом, почему это леди Делагарди-Фармор путешествует в образе скромной провинциалки.

— Буду с нетерпением ждать вечера! — снова разулыбалась красавица.

— Взаимно, Шанетт, — выдавила я из себя и почувствовала, как Эндер тянет меня за собой. — Кто они такие? — прошептала нервно, когда мы отошли на достаточное расстояние.

Я шла быстро, едва за ним поспевая, и уговаривала себя не оборачиваться. То, что нас провожали долгими и очень внимательными взглядами, сомнений не вызывало. От них вся спина уже чесалась.

— Шанетт Флеминг-Скалон и её муж Лейф Флеминг. Вы с ней подружились ещё когда были подростками. В те времена, когда

готовились к раскрытию силы.

— Ты хотел сказать, Ранвей с ней подружилась.

Склонившись, Делагарди шепнул мне на ухо, и я снова ощутила аромат сигар и мяты:

— Вживаемся в роль, Вейя. Вживаемся в роль.

* * *

Место отправления дирижаблей впечатляло. Не столько своим оснащением — здесь не было привычного мне из прошлой жизни здания аэропорта — сколько размерами. Помимо стоянки для экипажей и, собственно, стоянки для самих аэростатов, здесь имелся пункт проверки документов, который мы благополучно миновали. В том смысле, что просто прошли мимо длинной очереди из пассажиров и группы законников, которых Делагарди удостоил лишь одним небрежным кивком.

— И это всё? — Я оглянулась на местных полицейских, ожидая, что они бросятся за нами следом, но единственное, что их сейчас волновало, — это личностные бумаги молодой супружеской пары.

— Это ты о чём?

— Разве нас не будут досматривать?

Он покосился на меня с удивлением. Потом, видимо, вспомнил, что я — это не я, то есть не его жена, и снизошёл до объяснений:

— Таких, как я, не проверяют.

— В смысле эйрэ?

— В смысле ульторов.

Я нахмурилась, пытаюсь понять и вспомнить, слышала ли когда-нибудь это слово.

— Вы называете нас палачами, — с явной неохотой проговорил Делагарди. Было видно, такое обозначение его... хм... профессии ему однозначно не нравилось. — Моё положение в обществе открывает многие двери без лишних проверок.

А значит, и связей, и возможностей у него немало. Почему-то эта мысль совсем не обрадовала...

Дракон ускорил шаг, и мне пришлось пойти быстрее, чтобы не отстать. Водитель шёл следом, вместе с багажом эйрэ и моим скромных размеров саквояжем. Мужчина двигался бесшумно, словно являлся нашей тенью.

Запретив себе думать об опасных (для меня) возможностях новоиспечённого мужа, я вернулась к созерцанию дирижабля, способного вместить в себя пару боингов в длину и ещё несколько в высоту. Округлые стальные бока воздушного судна тускло поблёскивали в лучах солнца, как и золотые кольца, которыми он был испещрён, как зебра полосками.

Продолжением металлического «брюха» являлась кабина управления и ещё одна, простирающаяся на многие метры, — пассажирская гондола. К ней не вели трапы. Пассажиры поднимались на борт аэростата благодаря специальным левитационным платформам с невысокими бортами. Возле платформ также выстроились очереди, лишь около одной скучал молодой мужчина в круглой шапочке белл-боя, светлом укороченном пиджаке с косым рядом золотых пуговиц и тёмных брюках с золотыми лампасами. При виде нас он встал по стойке смирно, а стоило Эндеру к нему приблизиться, почтительно поклонился.

— Добро пожаловать на борт «Стального дракона», эйрэ. Леди... — Он протянул мне руку, помогая взойти на платформу, забрал у водителя багаж и, дождавшись, когда палач... простите, ультор... ко мне присоединится, поднялся следом.

Ограждение тихо щёлкнуло, смыкаясь, и платформа начала медленно подниматься. Вскоре мы уже стояли посреди мягко освещённого зала, отделанного деревянными панелями, с полом, усыпанным мраморной крошкой. Молодой мужчина в точно такой же форме отельного швейцара встретил нас почтительным поклоном и вышколенной улыбкой. Забрал у своего коллеги наши вещи и предложил следовать за ним до каюты.

— А почему не до кают? — нервно шепнула я Деллагарди, когда мы двинулись за проводником по длинному коридору.

Он тоже был обшит панелями, ажурные бра разбрызгивали по дереву тёплые блики света. Звук шагов скрадывала ковровая дорожка, отчего те были почти неразличимы. Зато сердце у меня в груди стучало так громко, что, казалось, его стук слышен даже в капитанской каюте.

— Я собирался возвращаться в столицу один, — напомнил шёпотом Эндер, и тёплое дыхание скользнуло по моей щеке, заставив напрячься. — До нашего с тобой знакомства. А сейчас искать каюту уже поздно, все билеты раскуплены.

— Ты узнавал или это просто предположение? — Я не собиралась прекращать нервничать.

Делагарди улыбнулся одними уголками губ, но ответить не удосужился. Мы как раз подошли к злополучной совместной каюте, и наш провожатый, открыв дверь, вручил нам два маленьких золотых ключика, после чего внёс в каюту наши вещи.

К своей досаде первое, что там увидела, — была кровать. Большая, двуспальная, но одна! К счастью, в другом конце номера возле широкого ряда окон обнаружился диван на изогнутых резных ножках. Поместиться на таком такому, как Делагарди, будет непросто, но ничего, как-нибудь сложится.

— Желаю вам приятного пребывания на борту «Стального дракона», — снова кланяясь, сказал работник дирижабля. — Меня зовут Стиг, к вашим услугам, эйрэ. Леди...

Стюарт ушёл, и я, не теряя времени, схватила с кровати пару подушек и понесла их на жилую площадь «мужа». Бросив подушки на диван, услышала за спиной недоуменное покашливание.

А обернувшись, сказала:

— Вы, господин ультор-муж, будете сегодня ночевать здесь. — И на всякий случай добавила: — Иначе здесь не будет меня.

На секунду или две на лице дракона проступило неподдельное удивление. Кажется, ему даже в голову не приходило, что новообетенная жена не пожелает делить с ним брачное ложе. А про вчерашнее обещание мы, по всей видимости, уже и не помним.

Вывод: драконья память ничем не лучше девичьей.

Делагарди с сомнением оглядел изящный диванчик, обитый блестящей шелковистой тканью.

— Боюсь, я на нём банально не помещусь.

Я безразлично пожала плечами:

— Тогда вот тебе альтернатива — полы здесь большие.

— И жёсткие, — дракон недобро сощурился и, шагнув ко мне (ну вот, спрашивается, зачем?), твёрдо, если не сказать жёстко, произнёс: — Я дал слово, что и пальцем тебя не трону, и намерен его держать. Поверь, Вейя, это будет несложно.

От его последних слов, безразлично пренебрежительных, почему-то полыхнуло в груди и на щеках.

— Ещё ты обещал, что у нас будут отдельные спальни.

— Дома, — заметил Делагарди, вплавляясь в меня взглядом, по-драконьи хищным, почти угрожающим. — Но мы ещё не дома.

Я скрестила на груди руки, отзеркаливая этот хищный, угрожающий взгляд, и решительно произнесла:

— В одной постели нас всё равно не будет. И если эйрэ так беспокоится за свой сон, придётся на полу ночевать мне.

Я было ринулась к кровати, чтобы стащить с неё и одеяло (для мягкости), но Делагарди преградил мне дорогу. Коснулся локтя, мимолётно, почти неощутимо, а меня снова накрыло чужой эмоциональной лавиной. И страха среди всех эмоций однозначно было больше.

— Женя, послушай, я не собираюсь посягать на твою честь. И принуждать тебя ни к чему не намерен.

То есть в Гратцвиг я лечу играть фальшивую жену по собственной воле и хотению? Ну-ну...

— Но если бы мы остановились в разных каютах, это вызвало бы ненужные слухи, — добавил Эндер, и я тихо хмыкнула.

— То есть дело не в том, что свободных кают на этом гигантском, просто невероятно огромном дирижабле не осталось? Ты слухов опасаясь.

— И этого тоже. — Он нахмурился, отчего на переносице обозначилась глубокая складка. Правда, тут же взял себя в руки и добавил вкрадчиво: — Я не хочу, чтобы сплетницы вроде подружки Раннвей разнесли по всему Кармару, что у нас не всё в порядке.

— Твоя жена считалась без вести пропавшей четыре года. У вас априори не может быть всё в порядке, — резонно заметила я, но даже это моё здравое замечание не заставило Делагарди распорядиться об отдельной для себя спальне.

Упрямец.

— Кровать твоя, Женя, — неожиданно сдался он.

Не знаю, что удивило сильнее: то, как он ко мне обратился, снова, или внезапная капитуляция дракона.

— Почему ты меня так назвал? — спросила тихо.

Эндер пожал плечами и вдруг улыбнулся, отчего напряжение, стянувшееся вокруг нас незримой удавкой, сразу рассеялось:

— Мне нравится, как оно звучит... твоё имя. Но оно и правда очень необычное. Больше не буду так тебя называть...

Было странно слышать своё имя, особенно из уст чужого мужчины. Странно и непривычно. Кастен сразу стал называть меня Вейей, и поначалу это сильно напрягало. Потом, конечно, привыкла: и к новому телу, и к новому имени, и к миру. Вот с даром так до конца и не примирилась и на месте Раннвей боялась бы его, а не мужчину, взявшего в жёны пустышку.

Хотя что я о нём знаю? По сути ничего. А потому, Женя-Вейя-Раннвей не теряем бдительность и не клюём на обаятельные драконьи улыбки.

— Оставлю тебя пока. Ванная и эта комната — всё в твоём распоряжении. Отдыхай до вечера. — Сказав это, он направился к двери.

— А где всё это время будешь ты? — вдруг почувствовала укол совести.

Нет, ну я же его только с кровати прогнала, а из каюты точно не выгоняла.

На миг обернувшись, Делагарди уклончиво ответил:

— Найду, чем заняться. Отдыхай, Раннвей.

* * *

Оставшись одна, я решила получше познакомиться с семейной каютой дракона. Выглянув в окно и удостоверившись, что ещё не взлетаем, прошла в ванную. Она оказалась небольшой, но со вкусом обставленной: в самом центре идеально круглого помещения красовалась глубокая ванна на золочёных ножках, слева белела чаша-умывальник, очень похожая на половинку ракушки-жемчужницы. Над раковиной висело в тяжёлой раме зеркало, а на полках сбоку стояли тёмного стекла флакончики, содержимое которых способно было удовлетворить даже самых привередливых пассажиров. Любопытства ради я понюхала каждый и, выбрав самый приятный аромат, щедро ливанула пахучую жидкость в воду. Та забурлила, покрываясь густым слоем пены: пышной, ароматной, манящей.

Пока ванна наполнялась, я разделась, не забыв закрыть дверь на щеколду. Мало ли, вдруг, устав бродить по дирижаблю, «муж» решит вернуться и заглянуть в ванную.

Погружаясь в горячую воду, едва не мурлыкала от удовольствия. Утро было, мягко говоря, стрессовым. Уже не говорю о вчерашнем вечере. Вздохнула, блаженно зажмурилась. Правда, тут же вздрогнула,

почувствовав, как дрогнул пол. Кажется, все пассажиры поднялись на борт и пришло время взлёта.

В отличие от самолётов, стремительно набирающих скорость, «Стальной дракон» поднимался в небо плавно, словно его несли не мощные двигатели, а самые настоящие драконьи крылья. Вскоре за округлыми окнами ванной далёкая зелень деревьев сменилась пушистыми облаками.

Снова прикрыв глаза, я велела себе расслабиться и следующие полчаса просто кайфовала, стараясь не думать о Делагарди, о своём новом положении и о странных чувствах Раннвей.

После, завернувшись в огромное и такое мягкое полотенце (казалось, меня окутало ватным облаком, что продолжали проплывать за окнами), осторожно выглянула в комнату. Дракон так и не вернулся, поэтому, надев лёгкое простое платье, я с удовольствием растянулась на кровати. Изредка из коридора доносились приглушённые голоса пассажиров и шорох шагов, когда кто-то проходил мимо. Сама не заметила как уснула, убаюканная этими звуками. Проснулась от осторожного стука в дверь и любезного голоса стюарта:

— Леди Делагарди, я могу войти?

— Входите. — Я поспешила спрятать зевок, прижав ко рту пальцы.

Тот же парень, что провожал нас в каюту (Стиг, кажется), вошёл в номер и, вежливо улыбаясь, перекинул через спинку кресла чехол из чёрного атласа.

— Эйрэ просил передать вам. Для ужина.

Хмыкнула, не сдержавшись, и посмотрела на чехол, внутри которого явно прятался наряд для ресторана. Оказывается, не только я заметила взгляды подружки Раннвей, Эндер тоже их видел и решил исправить ошибку.

— А сколько сейчас времени?

— Начало седьмого, леди, — ответил стюарт и участливо поинтересовался, надо ли мне чего-нибудь.

В животе предательски заурчало, выдавая, насколько я голодна, но если сейчас попрошу еду в комнату, что потом буду делать в ресторане?

Словно отзываясь на мои мысли, Стиг проинформировал:

— Также эйрэ просил передать, что столик в ресторане заказан на семь.

Ладно, ещё час как-нибудь продержусь. И буду надеяться, что порции здесь большие и сытные.

Когда Стиг ушёл, я раскрыла чехол и не без интереса оглядела платье салатного цвета. Ткань под пальцами растекалась нежнейшим шёлком, мягко переливалась и мерцала в бликах закатного солнца. Никогда не касалась ничего настолько роскошного! На корсаже не было никакой вышивки, никакой окантовки, но многоярусная юбка и пышные рукава делали этот наряд особенным. Открытые плечи и глубокий вырез добавляли образу пикантности и, наверное, я бы предпочла, чтобы последнего было меньше: пикантных открытых плечей и не менее пикантного декольте.

Наряжаясь в подарок Делагарди, я искренне наслаждалась прикосновениями ткани к коже: ласкающими, нежными, невесомыми. И зачем женщине мужчина, когда у неё есть такие шмотки... Увлёкшись этой мыслью, не сразу обратила внимание, что в комнату снова постучали. Правда, спрашивать разрешения войти на этот раз не стали. Дверь распахнулась, являя мне дракона, в отличие от меня голодной, но отдохнувшей, совсем не отдохнувшего.

— Хорошо, что ты уже готова, — сказал он, удовлетворенно меня оглядывая. Так удовлетворенно, что захотелось натянуть корсаж до самого подбородка.

— Ещё причёска, — пробормотала я, имея в виду, что ничего не успела сделать с волосами.

Но, кажется, он даже не услышал. Решительно пройдя в комнату, положил на трельяж футляр, в которых обычно презентуют дамам украшения. Вот только, когда Делагарди его раскрыл, я увидела не браслет и не ожерелье. Пальцы дракона скользнули по бронзовой крестовине кинжала, нежно её обнимая.

Сердце в груди тревожно замерло.

Вскинув на меня взгляд и заявив: «Успеем до ужина с Флемингами», он ринулся на меня.

С кинжалом в руках.

— Минуточку! — От палача я отпрыгнула так быстро и так прытко, что сама себе удивилась. — Успеем что?!

Не думала, что он настолько злопамятный и примет так близко к сердцу моё нежелание спать с ним в одной постели.

Проведя по гладкой стали ножа большим и указательным пальцами, Делагарди с улыбкой (самого настоящего маньяка) сказал:

— Обезопасить тебя и подстраховаться.

— Извини, но рядом с тобой и этим, — я выразительно покосилась на оружие в его руках, — я не чувствую себя в безопасности.

— Ты решила, что я пришёл тебя убивать? — вполне искренне удивился он.

— Пытать? — неуверенно предположила я и тут же нервно выпалила: — А может, наказать за кровать?! Мало ли, какие у вас, ульторов, в голове водятся демоны, если вы... — Осеклась, заметив, как зелёные глаза потемнели, словно вобрали в себя все блуждающие по каюте вечерние тени.

Ах да, мы ведь не любим обсуждать своё призвание.

Я уж было настроилась на очередное столкновение — на это намекало сумрачное выражение на идеально выбритом (и просто идеальном) лице Делагарди, но он вдруг... рассмеялся. Громко, искренне, словно я только что очень удачно пошутила. Хотя лично мне было не до шуток и не до веселья. По коже продолжали бежать мурашки, которых стало в разы больше, стоило ему приблизиться ко мне вплотную. Рукой, к счастью не той, в которой по-прежнему держал нож, он провёл по моей щеке, задев большим пальцем уголок губ, и мне показалось, что на лицо плеснули жидким огнём.

— Изменения в твоей внешности ещё можно списать на пробудившийся дар, но вот контуры надо замаскировать. — Он снова провёл по лезвию пальцами, и то начало рыжеть, словно его обдавало языками пламени.

Мамочки!

— Да кто ж их видит-то, эти контуры? — Я отпрянула, со страхом, почти паникой глядя на раскаляющуюся под пальцами Делагарди сталь.

— Такие, как я.

— Вас очень мало, — возразила, судорожно вспоминая, что слышала об охотниках за искажёнными.

Редкий, очень редкий дар. Таких, как Эндер, в мире действительно были единицы.

— Но не настолько, чтобы мы с тобой могли быть спокойны. — Он опустил взгляд, прежде зацепившись за вырез платья, отчего теперь уже меня, казалось, обдают языки пламени. — Ты же не хочешь, чтобы какой-нибудь неопытный ультор принял тебя за искажённую? Или один из моих коллег, с опытом, начал к тебе присматриваться и задавать вопросы. Мне этого точно не надо. И поверь, Женя, тебе тоже.

— Ты же сказал, что больше не будешь так меня называть...

— Больше не буду, — согласился он с тенью улыбки на губах и озвучил просьбу, от которой мне стало совсем плохо, хотя и до этого едва ли было хорошо: — Ты не могла бы приподнять юбку?

— Юбку? Зачем?!

— Скрывающий знак нужно ставить там, где его не будет видно.

— Почему бы не на руке?

Я действительно на это соглашаюсь? Вон уже место клеймения обсуждаю.

— Скоро начнётся зима и...

— А потом придёт лето, — жёстко отрезал Эндер и бросил нетерпеливый взгляд на салатовые воланы, словно уже жалел, что не подарил мне вместо платья какую-нибудь коротенькую комбинацию. — Юбка, Женя.

Раскалённая докрасна сталь опасно сверкнула, суля мне много, очень много болезненных ощущений. Мелькнула мысль спрятаться в ванной, но, увы, я не смогу отсиживаться там вечно. И да, мне совсем не надо, чтобы мной интересовался кто-то вроде Делагарди.

Мысленно проклиная вчерашнее выступление, роковую встречу и мужа Раннвей, я вцепилась пальцами в злосчастную юбку.

— Вот тебе и слово эйрэ, — проворчала, с неохотой, медленно приподнимая невесомую ткань, открывая его глазам сначала чулки с ажурной полоской кружев, а следом и панталоны, больше похожие на когда-то привычные мне шорты-бермуды. Только эти были из тонкой шелковистой ткани: лёгкие, полупрозрачные. — Обещал отдельные спальни и не лезть под юбку, а по сути...

— В будущем буду стараться сдерживать свои порывы, — пошутил он, почему-то хрипло, и встал у меня за спиной.

И... в опровержение своих слов сам приподнял край панталон. Лёгкая ткань вместе с пальцами дракона протянулись по коже. Вроде ещё не начал резать, а уже шквал панических эмоций: и моих, и Раннвей.

— Что-то не верится...

— Боль быстро пройдёт, — пообещал дракон и, подхватив под коленом, приподнял мою ногу, устраивая её на низком пуфе возле зеркала.

Всё это я видела в отражении. И то, как он зачем-то огладил моё согнутое колено. Мимолётно, но я всё же и почувствовала, и заметила! И то, как скользнул пальцами по внутренней стороне бедра, отчего едва не зашипела. От наглости некоторых. Словно опомнившись, переключился на внешнюю сторону моей несчастной ножки, ещё выше задрал юбку и панталоны, объяснив:

— Чтобы не мешали.

— Я так и поняла, — уже почти прорычала я и нервно потребовала: — Давай скорее!

И тут же зашипела, уже не сдерживаясь. Бедро обожгло болью, лезвие скользнуло по коже, оставляя кровавый завиток: один, второй, третий... Зажмурилась, кусая от боли губы, не желая видеть, как раскалённое остриё кинжала танцует на коже, что-то там вырисовывая. Не желая чувствовать, как за спиной у меня стоит мужчина, мой мучитель, крепко к себе прижимая. Наверное, чтобы не вырывалась... Не знаю, что ощущала сильнее: жар боли или жар, исходящий от его тела.

— Ай! — вскрикнула, когда он с силой прижался ладонью к ране, оставленной кинжалом.

— Тише, Раннвей, — прошептало драконье чудовище, коснувшись губами мочки моего уха.

Вот если бы кинжал был у меня...

— Сейчас всё пройдёт. Боль прекратится, кровь остановится...

Спустя несколько невыносимо долгих, пыточных секунд он убрал руку, невозмутимо положил кинжал на трельяж. Жадно взглянув на оружие, я перевела взгляд на драконьи художества. Ожидала увидеть жуткие кровавые порезы, но вместо этого на коже поблёскивал золотистый узор или, скорее, непонятный символ из нескольких завитков. Боль действительно прошла, словно ничего и не было. О

пережитых мучениях напоминали только несколько капель подсохшей крови.

— Что это за знак?

— Один из символов древнего языка, на котором говорили Перерождённые.

— Разве этот язык не считается забытым?

— Некоторые символы сохранились до нашего времени. Ими владеют главы Высоких домов. — Выудив из кармана платок, Делагарди собирался оттереть им с моей ноги кровь, испачкавшую, к сожалению, и нижнюю юбку, но я не позволила.

И так уже облапал где только было можно...

— С этим и сама справлюсь. — Спасительные воланы спрятали от мужского взгляда всё интересное, ставшее ещё более интересным с магической татушкой. — Надеюсь, это первое и последнее клеймо, которое ты решил на мне поставить.

— Это не клеймо, Женя.

— А ощущается именно как оно. — Я прошла в ванную и прежде чем захлопнуть дверь, резко добавила: — И больше не называй меня так!

Глава 6. Знакомство со старыми друзьями

Эндер Делагарди

С надеждами, что мне досталась копия Раннвей, пришлось распрощаться сразу. У иномирянки было её лицо, её тело, но это точно была не Раннвей. Не тот характер. Впрочем, и фигура у новой версии моей жены тоже стала... какой-то другой. Когда мы поженились, младшая Фармор больше походила на слабого, болезненного подростка. Я боялся лишней раз до неё дотронуться, чтобы не сделать больно. Сейчас же я видел перед собой молодую женщину. Стройную, среднего роста, красиво сложенную. Небольшая, но притягивающая взгляд грудь, тонкая талия и бёдра... Пальцы ещё помнили прикосновения к тёплой, мягкой коже, а перед глазами, словно колдовское марево, стояли злосчастные кружева, которые было так просто с неё сорвать...

Тряхнул головой, прогоняя мысли и ощущения, что вызывала во мне эта незнакомая девушка. Раннвей была мне безразлична, но я сделал то, что должен был. И с Женей будет точно так же. Надолго она в моей жизни не останется.

Чтобы скрасить время ожидания и окончательно избавиться от непонятого наваждения, бегло оглядел каюту. То, что нужно! Алкоголь поможет расслабиться и перестать думать о всякой чуши. На кофейном столике, к счастью, вместо кофе стояли графины с крепкими напитками. Плеснул в бокал самый крепкий и осушил залпом. Добавив ещё, подошёл к окнам, за которыми в лучах заходящего солнца облака окрашивались в цвета меди.

Совсем как волосы Жени...

Добавку проглотил, даже не почувствовав пряного солодового вкуса, и снова попытался выдернуть себя из мыслей о незнакомке.

Раздобыть аарах — кинжал, способный запечатывать магию древнего языка, оказалось непросто, но мне повезло. Можно сказать, фантастически. В Гратцвиг возвращался один знакомый антиктвар, скупавший по всему миру такие вот древние реликвии, и я сделал то, что собирался сделать сразу по прилёту в столицу. Встреча с Флемингами дала понять, что медлить нельзя. Одно случайное столкновение с кем-нибудь из ульторов, и проблем потом не оберёшься.

Чудо, что за два с половиной года она не привлекла ничьё внимание необычными очертаниями своей ауры.

— Я готова.

Обернувшись, невольно прошёлся по иномирянке взглядом. В серых глазах по-прежнему клубилась грозозая тьма. Значит, ещё злится на меня за... защиту и предусмотрительность. Я усмехнулся. Можно подумать, мне хотелось делать ей больно. Другого выхода просто не было, метка была необходима.

Кажется, я немного увлёкся её грозозыми глазами, а может, слишком пристально смотрел на яркие, сочные губы: девчонка нервно кашлянула и, подхватив юбки, ринулась к выходу, нетерпеливо бросив:

— Ты идёшь?!

— Смирненно следую за своей женой. — С сожалением посмотрев на пустой бокал, утешил себя мыслью, что в ресторане будет добавка, и последовал за новой версией Раннвей.

Она была напряжена, и это ещё мягко сказано. Пальцы нервно сжимали ткань юбки, на плечи словно легла броня из стали, а по спине, натянутой, прямой, по светло-зелёному шёлку корсажа, рассыпались медные, будто огненные, пряди. Причёску моя «жена»

делала в спешке и вся на нервах, после, как она выразилась, клеймения.

— Что скажем Флемингам? — первой нарушила молчание Женя.

А я мысленно на себя выругался и приказал себе же называть её только Раннвей. Всегда. Даже в мыслях.

— У меня полная амнезия или частичные провалы в памяти? Наверное, второе, иначе бы я и тебя не помнила, и...

— Ни то, ни другое, — перебил её, за что получил недовольно-вопросительный взгляд. Пришлось объяснять: — С амнезией, хоть полной, хоть частичной, тебя могут посчитать неспособной воспитывать Эдвину. Для Данны это будет неплохая возможность забрать её, а я как раз и пытаюсь этого избежать.

Мы подошли к левитационной платформе, которая должна была доставить нас в зал ресторана. Я замолчал, потому что помимо меня и Же... Раннвей подняться к звёздам, разгорающимся под стеклянным куполом дирижабля, решила пожилая дама с собачкой. При виде нас псина глухо зарычала. Правда, стоило ей встретиться со мной взглядом, как рык сменился жалким поскуливанием. Набелённое лицо почтенный леди тут же приняло оскорблённое выражение. Бросив в нашу сторону косой взгляд, она шагнула на платформу и забилась в угол. Мы же остановились у стеклянных, плавно сомкнувшихся за нами дверей.

— Но как быть с этими... Флемингами? — чуть слышно прошептала Раннвей. — А потом и с другими? Ты мне почти ничего о ней не рассказал. Я сразу себя выдам!

Почувствовав бесцеремонный взгляд леди, явно запомятовавшей, что чужие проблемы — не её, харг побери, дело, я подался к жене и прошептал на ухо, почти коснувшись её губами.

Почти... Паршивое слово. Никогда его не любил.

— У нас ещё будет время поговорить на эту тему. А сегодня старайся молчать. Отвечать на вопросы Шанетт буду я.

А их, вопросов, у первой сплетницы Кармара наверняка будет немало. Благо у меня было достаточно времени, чтобы придумать правдоподобную версию исчезновения Раннвей.

— И надо же было с ними встретиться, — нервно пробормотала Женя.

Я снова мысленно выругался. И сдалось же мне это имя!

Она вздрогнула, когда платформа остановилась, а стоило дверям раскрыться, нехотя вышла. Мне и самому не хотелось, но надо. Прятать её от высшего света Кармара не удастся. А для иномирянки будет репетиция. Маленькая пытка перед чередой больших пыток. Скоро в Гратцвиге откроется бальный сезон, и нам так или иначе придётся таскаться по светским раутам.

От этой мысли ещё больше захотелось выпить. А стоило увидеть, как вспыхнули предвкушением глаза подружки Раннвей, изнывавшей от нетерпения за нашим столом, как ругаться захотелось уже в голос. Такими словами, о существовании которых Шанетт наверняка даже не подозревала.

— Ах, Раннвей, какое платье! — От переполнивших её эмоций Флеминг привстала. Её муж сделал то же самое, при этом пройдясь по Раннвей взглядом.

Внимательным.

Жадным.

Я нахмурился, но тут же взял себя в руки. Улыбнулся двойной проблеме в лице Флемингов, и Лейф, почувствовав мой взгляд, перестал пялиться на Раннвей.

Мог бы и не начинать.

— Ты тоже выглядишь чудесно, Шанетт, — вернула комплимент подруге моей жены Женя и опустила в кресло, заблаговременно отодвинутое официантом.

Я вздохнул, опускаясь в соседнее.

Маленькая пытка начиналась.

* * *

Женя Исаева

В «Стальном драконе» было на что посмотреть и чем полюбоваться. И я бы с удовольствием и радостью смотрела и любовалась, но, во-первых, я всё ещё злилась на Делагарди. Нет бы предупредить, что нужно замаскировать мои контуры, ауру или что оно такое... Но эйрэ не стал обременять себя предупреждениями, заявился с ножом и давай резать! Во-вторых, я ужасно нервничала из-за встречи с «подругой». Заявление дракона, что мы не будем разыгрывать амнезию, ввело меня в ступор. Как не будем? Да меня же сразу раскусят!

Немного отвлеклась от переживаний, когда мы поднялись в зал ресторана. Накрывший его купол был прозрачным, и в небе, постепенно наливавшемся синим и даже чернильным цветом, одна за другой разгорались звёзды.

Засмотревшись на красоту небесную, я не сразу обратила внимание на роскошную обстановку ресторана. Здесь всё было совершенно. И накрытые белоснежными скатертями столы, и мягкие кресла, и лёгкая, ненавязчивая музыка. Но ещё более совершенной была Шанетт в своём изысканном платье из светлого с золотой отделкой бархата. Золото корсажа выгодно подчёркивало её золотистые кудряшки.

Ответив на комплимент девушки совершенно искренним комплиментом, я устроилась в кресле и ощутила на себе взгляд Лейфа. К слову, уже не первый.

— Мы заказали шампанское! — прожурчала леди Флеминг и восторженно добавила: — Такую встречу обязательно надо отпраздновать! Расскажи, где ты всё это время пропадала?

Пауза. А действительно, где я пропадала? Я покосилась на Деллагарди, сохранявшего поразительную невозмутимость.

Такому непошибаемому, как Эндер, оставалось только позавидовать.

— Это долгая история, — начала неуверенно.

И облегчённо выдохнула, когда дракон меня перебил:

— Я был уверен, что Раннвей исчезла, потому что была со мной несчастна. А оказалось, — «муж» подарил мне на удивление тёплый взгляд. Артист, каких поискать! — Оказалось, она боялась меня сделать несчастным. Всё это время Раннвей находилась в особом месте. Можно сказать, на краю света... Там, где таким, как она, не сумевшим в юности раскрыть свой потенциал, помогают обнаружить силу. Раннвей искала себя, свою сущность, своё предназначение, и когда я выяснил, где она, не стал забирать домой силой. Хоть и хотел, чтобы жена была рядом, но дал ей время, чтобы и она тоже обрела счастье.

— Четыре года... — задумчиво пробормотала Шанетт и рассеянно улыбнулась официанту, принёсшему шампанское.

Пришлось прерваться, пока наши бокалы наполнялись пузырьками. Но стоило гарсону отойти, как леди Флеминг тут же

вернулась к интересующей её теме:

— Это было так жестоко с твоей стороны, Раннвей! Жестоко не только по отношению к Эндеру, но и ко мне, твоей близкой подруге. — Она обиженно надула свои маленькие, пухлые губки, отчего те стали ещё более пухлыми. — Я тебя уже почти оплакивала... — прошептала еле слышно.

Её муж, глядя на меня, добавил:

— Раз ты снова в Кармаре, значит, тебя можно поздравить с обретением дара?

Я снова покосилась на Делагарди, безмолвно спрашивая, врать на этот раз или не врать.

— Как выяснилось, моя жена полна сюрпризов, — вместо меня ответил эйрэ. — О них мы тоже объявим на празднике в честь возвращения Раннвей.

— Но мне, как подруге, ты ведь можешь рассказать уже сейчас? Какой он, твой дар? — Блондинка посмотрела на меня с плохо сдерживаемым нетерпением. — Это потому у тебя другой цвет глаз? Из-за силы? Великий Дракон, и как же я сразу не сообразила!

Шанетт явно хотелось уже завтра растрезвонить по всей столице, что она не только повстречала леди Высокого дома, бывшую пустышку, но и знает, что та в себе открыла на краю мира.

— Немного терпения, Шанетт, — разочаровала я «подружку» и, никак не реагируя на её потухший взгляд, потянулась за кожаной папочкой.

Что тут у нас?

Голод вернулся, настойчиво напоминая, что за день кроме воды в моём желудке так больше ничего и не побывало. Если сейчас не закажем, я наброшусь на корзину с булочками и съем всё подчистую. Возможно, что и корзину.

— Предлагаю тост! — подал голос Лейф, когда его супруга наконец умолкла. — За благополучное и... неожиданное возвращение леди Делагарди-Фармор! Мы тебе искренне рады, Раннвей. Хорошо, что с тобой всё в порядке.

С трудом справилась с желанием дёрнуть плечами, по которым, словно липкая патока, скользил взгляд Флеминга. Натянуто улыбнувшись, сделала небольшой глоток и, послав всё и всех,

сосредоточилась на перечне блюд. Мне надо поесть — больше сейчас ничто значения не имело.

К счастью, готовили здесь быстро, хоть порции, к моему разочарованию, оказались микроскопическими. Тарелки большие, а вот их содержимое можно было рассматривать под лупой. Я всё-таки не выдержала и съела одну булочку, пока ждали десерт. За что получила бесцеремонное восклицание от Шанетт:

— Раньше ты ела намного меньше!

Господи, да куда уж меньше?

— За четыре года многое изменилось. А главное, изменилась я.

— Раннвей нужны были силы для раскрытия дара, — добавил Делагарди. — Не только духовные, но и физические. И, к слову, новая Раннвей мне нравится гораздо больше.

Не знаю, зачем он это сказал. И уж точно не представляю, почему после его слов на щёки будто плеснуло кипятком. Я поёрзала в кресле, запила шампанским своё смущение и чуть ли не расцеловала официанта, когда он приблизился к нам со сладким. Десерт перетянул на себя всеобщее внимание, что позволило мне немного расслабиться.

— Блюда от шеф-повара никогда не разочаровывают, — заметила Шанетт, погружая ложечку в шарик ванильного мороженого, обложенного карамелизированными ягодами и присыпанного золотистой крошкой.

Я выбрала для себя пирожное с лимонным кремом и стружкой горького шоколада. Безумно вкусное, но, как говорится, на зубок. То ли съел, то ли показалось...

— Главное, на «Стальном» подают хороший алкоголь, — усмехнулся Лейф. — Недавно мы летали на «Алой». Первым классом, но дрянь подавали такую, что даже удивительно, как я выжил после пары напитков.

Мужчины сладкому предпочли крепкие ликёры, за распитием которых Делагарди продолжил расспрашивать, куда они летали. Оказалось, отдыхали на новомодном курорте в Дрелоре, нежились на солнышке и оздоравливались на минеральных водах.

Шанетт пыталась возобновить обсуждение моей персоны, но всякий раз Эндер незаметно возвращал её к теме курорта. А когда моя тарелка опустела (почти мгновенно), он залпом допил то, что ещё оставалось в его бокале, и поднялся:

— Благодарим за прекрасный ужин и отличную компанию. Раннвей, любимая...

Вот «любимая» точно прозвучало фальшиво.

Он протянул мне руку, я, разумеется, тут же поднялась, а Шанетт расстроено пробормотала:

— Но ведь ещё так рано. Мы бы могли прогуляться и...

— У меня завтра много дел, да и у Раннвей будет насыщенный день. Не стоит расстраиваться, леди Флеминг, в будущем вас ждёт немало прогулок.

Улыбка дракона подействовала на Шанетт обезоруживающе. Она вздохнула, но уже без огорчения, и пожелала нам доброй ночи. К пожеланиям присоединился и её муж, который, стоило нам попрощаться, подозвал официанта и попросил алкогольной добавки.

Мы же направились к левитационной платформе. К лифту, короче.

— Кстати, о добавке... — Я с мольбой посмотрела на Деллагарди. — Мы можем заказать еду в номер?

— Уже, — обрадовал меня предусмотрительный дракон, и вечер тут же заиграл новыми красками.

— И тех пирожных тоже. Три... нет пять!

Эндер улыбнулся и, остановив пробежавшего мимо официанта, что-то шепнул ему, после чего повернулся ко мне со словами:

— На всякий случай принесут и мороженое.

Ладно, возможно, этот дракон не такое уж и чудовище.

* * *

Уснули мы поздно. Я — на мягкой перине, Деллагарди — на жёстком полу. Не знаю, в чём причина (не то в выпитом шампанском, не то в заказанном в каюту ужине, который без Шанетт и Лейфа показался мне необычайно вкусным), но я испытала острый укол совести, глядя на устраивающегося возле кресла дракона. С подушкой и одеялом, но всё же не сравнить с удобным матрасом.

Потом, когда свет погас и комната наполнилась тенями, рождёнными лунным мерцанием, ещё долго ворочалась, опять же из-за острых уколов совести.

— Тебе там удобно? — приподнявшись на локтях, спросила полусонно.

Он не ответил, и я решила, что уснул. По крайней мере, надеялась, что с горем пополам сумеет отдохнуть.

За ужином номер два я поняла, что Эндер Делагарди плохо знал свою жену, если не сказать больше — они были едва знакомы.

— Ты её совершенно не знаешь! — уплетая пирожные, упрекнула теперь уже своего как бы мужа. Временного. Недолгосрочного.

Хотя год — достаточно долгий срок.

— С чего ты взяла? — поднял он на меня взгляд.

— Ты рассказываешь лишь поверхностные факты, но мелочи тоже немаловажны. Как говорится, дьявол кроется в деталях.

Дракон нахмурился, явно не поняв смысла земного выражения.

— Не бери в голову, — отмахнулась я и, отодвинув пустую тарелку, подхватила ещё не пустой бокал. — Что она любила? Были ли у неё хобби, увлечения?

— Ей нравились... украшения, — не слишком уверенно отозвался эйрэ.

Такое ощущение, будто ляпнул первое, что пришло в голову. Раз женщина, значит, априори должны нравиться украшения.

— Какой её любимый цвет? А аромат?

— Уж это точно не имеет значения, — с лёгким раздражением отозвался Эндер.

— Зря ты так, — покачала я головой. — Никогда не знаешь, в какой ситуации окажешься и на какие вопросы придётся отвечать.

В ответ он неопределённо хмыкнул, как бы говоря, что любимыми цветами Раннвей уж точно никто не станет интересоваться.

— Какие отношения были у неё с Шанетт? — продолжила я допрос, перебравшись в кресло.

Завернувшись в мягкий плед, машинально болтала вино в бокале и смотрела на Делагарди. Резко очерченный овал лица добавлял его облику хищной мрачности, зато ямочка на подбородке, словно уравновешивая, немного смягчала эту резкость. Идеально прямой нос, казалось, был создан невероятно талантливым скульптором. В жизни таких красивых носов не видела! Ну а зелень глаз под тёмными густыми ресницами как будто гипнотизировала.

По крайней мере, я чувствовала себя немного загипнотизированной, когда ловила на себе его взгляды. В отличие от взглядов Флеминга, они не были липкими, просто... Просто под ними никак не получалось расслабиться. Не помогало ни вино, ни

шампанское. Подумав так, поставила бокал на столик рядом, решив, что на сегодня мне достаточно, и услышала лаконичное:

— Они дружили.

— И всё? — невольно хмыкнула. — Дружба бывает разной. Из слов Шанетт я поняла, что они с Раннвей были довольно близки, а значит, мне стоит её избегать. Были ли у неё ещё подруги? Если да, мне нужны имена.

Я важно расправила плечи. Хмель сделал своё дело — я заметно осмелела и даже, кажется, прониклась духом авантюризма. Если уж играть роль леди Высокого дома, то с блеском и на отлично.

— О других её подругах я расскажу тебе завтра. А сейчас пора спать, Раннвей.

Больше он не называл меня Женей, и это...

Ладно, действительно пора отдыхать.

Поднявшись из-за стола, Делгарди стянул через голову рубашку, открывая моему взгляду широкие плечи, рельефные руки, крепкую, тренированную грудь. Пресс был тоже весьма неплох. Вернее, очень даже хорош. Наверное, даже слишком, потому что я вдруг почувствовала, как внутри становится жарко. Понимая, что мне это не надо, вскочила и, стянув с кровати ночную рубашку, бросилась в ванную.

— Я там переоденусь!

— Спокойной ночи, Раннвей.

Мне показалось или в голосе дракона прозвучала ирония?

Когда вернулась, он уже лежал с закрытыми глазами, завернувшись в одеяло. Шмыгнув под простыню, погасила светильник и, спустя время, поборов муки совести, наконец уснула. Крепко и спокойно.

Глава 7. Тени и искажения

Утром меня разбудил стук в дверь. Думала, это Стиг, и Эндер ему сейчас откроет. Но второго не оказалось в номере, а вместо первого мне протянул сложенный вдвое лист бумаги незнакомый светловолосый парень. На нём была форма стюарта, и в голосе звучала та же учтивость, что и у Стига.

— Просили передать, леди.

— Благодарю. — Закрыв дверь, я зевнула, всё ещё пребывая где-то между сном и явью. Развернула записку и вслух прочитала: —

Позавтракаем в ресторане. Жду тебя.

Осоловело оглядевшись, заметила очередное платье — на этот раз из охрового цвета бархата. Рядом стояли коричневые замшевые ботинки на маленьком каблучке, а на спинке стула висел изумрудного цвета жакет. Слышала, что леди в столице предпочитали яркую, контрастную одежду. Особенно замужние дамы. Яркую и богатую.

Не желая заставлять дракона ждать, быстро привела себя в порядок. Осмотрела место «клеймения», в который раз дивясь тому, что вместо уродливых порезов на коже золотились завитки, складывающиеся в непонятный символ. Одевшись и собрав волосы в простую причёску, отправилась в ресторан. В этой части дирижабля людей было немного, как и в самом ресторане. Видимо, сюда допускались только пассажиры первого класса, и при сложившихся обстоятельствах меня это радовало. Меньше людей — меньше риск нарваться ещё на какого-нибудь знакомого Раннвей. Мало ли с кем она водила дружбу...

Странно, что Эндер не заказал еду в номер, а решил позавтракать в ресторане. Вдруг снова столкнётся с Флемингами? Хотя бы сегодня хотелось избежать их общества и внимания. Я подумала об этом, сходя с левитационной платформы. Обежала взглядом зал, щедро залитый солнечными лучами. Искала дракона и таки нашла. Только не Делагарди, а Флеминга. Он тоже меня заметил и, поднявшись, позвал, приглашая за свой столик. Было поздно делать вид, что я его не увидела. Наши взгляды встретились, и я, чертыхнувшись, направилась к Лейфу.

Пока шла к нему, тоже чертыхалась, не забывая припоминать незлым тихим словом и Делагарди. Вот зачем надо было звать меня в ресторан, а самому непонятно где шляться? Выдержать оборону против Флеминга в одиночку будет непросто. Я ещё так много не знаю о Раннвей и...

Погодите-ка! А записка точно была от моего дракона, а не от чужого?

Эта мысль заставила ещё больше нахмуриться и ещё сильнее разозлиться. Потому, когда добралась до столика, за который меня так настойчиво звали, не сдержавшись, гаркнула:

— Это ты меня сюда вытащил?

Тёмные брови Флеминга поползли вверх, рискуя слиться с аккуратно зализанными набок волосами.

— И тебе доброе утро, Раннвей. Плохо спала?

— Разве я могу спать хорошо, зная, как далеко мы от земли?

Делагарди обмолвился, что Раннвей боялась высоты. Она многого боялась, и по-хорошему, мне следовало бы засунуть недовольство куда поглубже и вернуть себя в амплу тихони и трусихи.

— Точно. — Лейф улыбнулся. — Я почти забыл о твоей фобии. Вчера ты не казалась напуганной.

Потому что вчера ничего о ней не знала.

— Я стараюсь бороться со своими страхами.

Хотела уже опуститься в кресло, отодвинутое предупредительным официантом, но Флеминг вышел из-за стола и, взяв меня за руку, прижался к ней губами.

Хриплый шёпот вместе с тёплым дыханием коснулся кожи, и внутри, словно занявшиеся от искр, полыхнули чужие эмоции. Смущение, интерес и... влечение. От последнего по телу пробежала сладкая волна дрожи, но её тут же заглушили мои собственные чувства — в отличие от Раннвей, мне этот тип совершенно не нравился.

— Я скучал по тебе, Раннвей. Мы скучали.

Мы? Это он про Шанетт, что ли? Только не говорите мне, что забитая мышка-драконица участвовала в совместных с этой парочкой... хм... вольностях.

К сожалению или, может, к счастью, никаких отголосков воспоминаний в сознании не возникло. Дракон наконец перестал держать меня за руку, и я поспешила устроиться за столом.

Раскрыв меню, сказала:

— Ты так и не ответил на мой вопрос: зачем ты меня сюда пригласил? Эндеру это может не понравиться.

Флеминг глотнул кофе и только потом соизволил проговорить:

— Позавтракать с тобой хотела Шанетт, но у неё возникла проблема с платьем — пришлось переодеваться. Она отправила меня составить тебе компанию, пока не приведёт себя в порядок.

Я счастлива.

Мне хотелось извиниться и сбежать в каюту, но это было бы подозрительно. Нельзя, чтобы Флеминги думали, что я их избегаю.

— Так это правда? — спросил дракон, когда я заказала яйца пашот с беконом и тостами.

Надеюсь, приготовят так же быстро, как и вчера. Я всё проглочу и сразу отсюда уйду.

— Что именно?

— Что ты раскрыла в себе дар?

— Разве не об этом свидетельствует цвет моих глаз?

Флеминг усмехнулся. Откинувшись на спинку кресла, обвёл меня взглядом, от которого захотелось почесаться.

— Раньше я не замечал за тобой привычки отвечать вопросом на вопрос.

— Прошло четыре года, Лейф. Непростых для меня, а точнее — сложных. — Я подалась вперёд и сказала, желая расставить все точки над «ё» раз и навсегда. — Я действительно изменилась. Считаю, что прежней Раннвей нет. Она умерла.

То ли показалось, то ли Флеминг побледнел, и его смазливая красота тут же поблекла. Наверное, я бы даже спросила, что это с ним, но в то самое мгновение внутри всё как будто заледенело. Такое бывало, когда вблизи появлялась душа умершего, вот только сейчас это чувство обострилось до предела. словно я угодила в царство мёртвых и вокруг меня кружили тысячи теней. Оно было настолько сильным, пронзительным, что я почти перестала чувствовать собственное тело. Только и смогла, что обернуться, но никаких теней, к моему облегчению, в ресторане не было.

Большинство столов пустовало, ничто не нарушало спокойную атмосферу ресторана. Однако внутри продолжал расползаться лёд страха.

— Когда ты исчезла... сбежала... ты... — начал было Лейф, и я усилием воли заставила себя к нему повернуться.

— По правде говоря, мне сложно вспоминать о прошлом. О тех временах, когда я была разочарованием для отца, для мужа. Для себя.

Он открыл было рот, собираясь продолжить, но вынужден был его захлопнуть — к нам приблизился официант. Поставил передо мной тарелку с настоящим произведением искусства (кто бы мог подумать, что тосты и сваренные без скорлупы яйца могут выглядеть так

красиво!), вторую собирался поставить перед Флемингом, но неожиданно вздрогнул и уронил её вместе с подносом.

Звон разбившейся посуды смешался с удивлёнными, а то и испуганными возгласами.

Я проследила за взглядом парня и сама едва не закричала. Один из пассажиров смотрел на меня и... улыбался. Бескровные губы на бледном лице, словно слепленном из подтаявшего воска, неестественно растянулись от одного уха к другому, обнажая острые, нечеловеческие зубы. Почему-то чёрные, будто перепачканные в смоле или гнилые.

Незнакомец медленно поднялся, плавным движением пальцев сгребая столовые приборы. В сжатом кулаке блеснули нож и вилка, но ужаснуло не это, а чернота, словно грязь, соскальзывающая с контуров его тела. Чернильные густые капли упали на скатерть, поползли по её складкам, кляксой растеклись по полу и потянулись следом за странным пассажиром, когда он сделал шаг мне навстречу.

— Встань за мной, Раннвей! — Флеминг хотел выдернуть меня из-за стола, но не успел: тип с чудовищным оскалом метнулся ко мне.

* * *

Эндер Делагарди

Искажённые не появляются из ниоткуда, не возникают внезапно, и вчера всё было нормально. Будь поблизости опасность, и я бы её почувствовал. Но опасности не было...

Тогда какого харга меня едва не выворачивает наизнанку от тошнотворного, гнилостного запаха?!

Такую вонь могли источать только те, кого магия медленно убивала.

Проснувшись от этого трупного зловония, поначалу решил, что искажённый где-то рядом. Ещё не успев открыть глаза, схватился за пистолет, но, к своему облегчению, не обнаружил в каюте никого, кроме Раннвей. Девушка мирно спала, завернувшись в одеяло.

Пара минут ушла на то, чтобы собраться. Пока натягивал штаны и рубашку, прислушивался к собственным ощущениям. Зловоние исчезло так же внезапно, как и появилось. Я больше не слышал искажённого, и можно было решить, что мне всё просто приснилось, но чутьё никогда не подводило. А сейчас оно буквально вопило, требуя отправляться на поиски.

Сунув в ножны баселард, проверил пистолет — заряжен и, схватив сюртук, в последний раз взглянул на ни о чём не подозревающую «жену». Будить и пугать её не хотелось, поэтому я направился к выходу. Открыл дверь и, к своей досаде, обнаружил топчущегося у порога стюарта.

Должно быть, взгляд в тот момент у меня был уж слишком говорящим — мальчишка невольно попятился. И тут же, вспомнив, зачем явился, проговорил, робея:

— Вы просили принести утром, эйрэ...

К счастью, на «Стальном драконе» помимо ресторанов, игральных комнат и других развлечений имелись магазины готовых нарядов. В Гратцвиге моей новоиспечённой женой займутся портнихи, а пока сойдёт и это.

— Оставь в комнате, — велел стюарту, бегло оглядывая принесённую им одежду.

Стараясь не шуметь, тот осторожно прошёл в каюту.

— Живее, — поторопил его, снова возвращаясь мыслями к искажённому. Неужели действительно привиделось? Почему сейчас его не чувствую?

Дождавшись, когда Стиг выйдет, запер дверь.

— Не замечал, никто из пассажиров не вёл себя странно? Или, может, что-то слышал?

— Нет, эйрэ. Ничего из ряда вон выходящего. — Явно поняв, что я имею в виду, парень взволнованно сглотнул, а после, поколебавшись, тихо поинтересовался: — Мне стоит предупредить капитана?

— Не надо. Всё в порядке.

Пока в порядке.

Нет смысла поднимать тревогу раньше времени, тем более что искажённого я больше не чувствую. Это же надо было спутать сон с явью! Такого раньше никогда не случалось.

Я не любил ошибаться, не привык, но в этот раз, кажется, ошибся. Чувствуя себя идиотом, который просто не выспался, оттого и заподозрил то, чего на самом деле не было, стал обходить дирижабль. Обошёл каждый этаж, заглянул в каждый закуток, можно сказать, сунул нос в каждую щель. Нет, в каюты не ломился — для этого повода не было. Сколько ни прислушивался к своим ощущениям, больше не улавливал даже малейших искажений. Ни вони, ни

постепенно накрывающей тревоги, ни охотничьего азарта, который охватывал всякий раз, стоило искажённому оказаться рядом.

Кровь в жилах должна была бы уже откликнуться, дар должен был уже пробудиться. Но он спал, и мне следовало делать то же самое. Отдыхать, вместо того чтобы слоняться по дирижаблю. Хоть отдыхать на жёстком полу было непросто, но всё же лучше там, с Раннвей, чем бесцельно шляться по коридорам дирижабля.

Я повернул обратно, окончательно разочарованный в себе и в своём чутье. Следовало присматривать за девчонкой, а не убивать впустую время, но я...

Резко остановился, вдруг ощутив всё сразу: и резкий, трупный запах, и тревогу, и жажду охоты. Кровь древних драконов едва ли не вскипела в венах, когда до слуха донеслись испуганные крики, треск ломающейся мебели, звон разбивающейся посуды.

Ресторан!

До подъёмника долетел, а не добежал. Растолкав толпящихся пассажиров, тревожно переговаривающихся, прислушивающихся к доносящемуся сверху шуму, вскочил на платформу. Секунды, пока та поднималась, казались невыносимо долгими. Радовало одно, Женя в каюте, далеко от отравленного магией безумца. Главное, она не пострадает. Главное...

Мысль оборвалась, когда моим глазам открылась поистине ужасающая (и неожиданная) картина: опрокинутая на стол Раннвей и занёсшее над ней руку чудовище. Руку, в которой были зажаты сразу несколько столовых приборов. Не знаю, кого мне в тот момент захотелось убить больше: искажённого или свою горе-«супругу», непонятно какого харга оказавшуюся в ресторане.

Оставив мысли об убийстве иномирянки, я направил пистолет на искажённого.

* * *

Женя Исаева

До сегодняшнего дня я только слышала об искажённых, но никогда не видела их вживую. И лучше бы и дальше продолжала в том же духе! Разорвавшая лицо неестественная улыбка, в один миг побелевшие, словно выцветшие, радужки глаз и тьма, густой грязью стекающая с одежды незнакомца — от всего этого ужас парализовал тело.

Флеминг не успел спрятать меня себе за спину, но успел вытолкнуть из-за стола и броситься на искажённого. И я выдохнула, облегчённо, впервые за эти два дня порадовавшись знакомству с драконом. Пусть он и не ультор, но ведь и не какой-нибудь учитель музыки! Все мужчины, носители огненной крови, независимо от дара, обязаны проходить боевую подготовку, и...

И Лейф улетел в другой конец ресторана с расквашенным носом от одного единственного удара. Кто-то в ужасе закричал, кто-то заплакал, а меня по-прежнему сковывало цепями страха. И непонятно, что пугало сильнее: человек, больше похожий на одержимого каким-нибудь демоном, или чернильная грязь, бесформенной лужей растёкшаяся у него под ногами.

Почему-то именно от её вида волосы на голове вставали дыбом.

Я даже пикнуть не успела, как искажённый сцапал меня за руку, с невероятной силой рванул на себя. Попыталась выкрутиться, слабо и неуклюже, за что оказалась повалена на стол. Чудовище (назвать этого пассажира мужчиной, человеком я бы не смогла при всём желании) схватил меня за горло и занёс надо мной другую руку. В солнечных лучах, струящихся сквозь стеклянный купол, блеснула закусочная вилка, ещё одна двузубая для фруктов и для них же маленький, но острый ножичек, очень похожий на перочинный. Искажённый замахнулся, чёрная жижа, соскользнув с манжеты сюртука, капнула мне на ключицу. Кожу опалило болью, настолько внезапной и острой, словно в меня вдавили раскалённый в огне кусок металла.

Куда уж до этих ощущений «художествам» Делаярди...

Дёрнулась, что-то промычала, задыхаясь, глядя в белесые с чёрными зрачками глаза, уже отчётливо понимая, что пора прощаться. И с этим миром, и с новой жизнью, и с телом драконицы-беглянки. Не будет никаких упражнений в актёрском мастерстве, не будет никакого домика в Вальдене или Нортраме. Я стану такой же тенью, как и те, которых не видит никто, кроме зрящих.

Я...

Прогрепевший выстрел прервал моё прощание с жизнью.

Искажённый покачулся, ледяные пальцы на горле ослабили хватку. Я судорожно глотнула воздух, оттолкнула от себя монстра, надеясь, что он рухнет на пол. Но искажённый не думал падать. Пошатываясь, медленно обернулся к Делаярди.

По спине отравленного магией, становясь всё больше, расплзлось кровавое пятно. Что не помешало ему по-звериному зарычать и, покачиваясь, направиться к дракону. Смоляная лужа потянулась за ним следом, смешиваясь с кровью.

— Спрячься! — крикнул Эндер, бросив на меня один мимолётный взгляд.

И тут же сосредоточил всё своё внимание на искажённом. Подхватив юбки, я метнулась к другим пассажирам, в ужасе жавшимся к стенам. Заметила официанта, заползшего под стол, и вчерашнюю леди с собачкой, которую та сжимала так крепко, что бедная болонка имела все шансы не пережить этих объятий. Животное жалобно скулило, и его хозяйка воспроизводила близкие к тому звуки. Если честно, я бы и сама сейчас с удовольствием заскулила — настолько страшной была разыгрывающаяся на моих глазах картина.

Жаль, здесь всё ещё были в обиходе однозарядные пистолеты. Деллагарди отбросил ставшее ненужным оружие, вытащил из ножен кинжал с длинным, тонким лезвием. Рукоять обоюдоострого клинка легла в ладонь дракона, словно была продолжением его руки. Сейчас я видела того самого мужчину, что напугал меня вчера в гримерной: жёсткий, цепкий взгляд, ледяная маска вместо лица — никаких эмоций, лишь холодная сосредоточенность. Для палача искажённый был жертвой, добычей, вот только сам искажённый отчего-то жертвой не выглядел.

Он замер в паре метров от Деллагарди, склонив голову набок, как будто присматриваясь. Изучая. И продолжал улыбаться. Жутко. Безумно. Из разорванных уголков губ сочилась кровь, струясь по бледной коже, но, кажется, искажённый не чувствовал боли. Не чувствовал ничего, кроме желания причинить боль другому.

Устав примеряться к сопернику, Эндер сделал выпад, резкий и стремительный. Лезвие клинка прорезало воздух, очертив полумесяц над искажённым. Должно было вспороть ему грудь, но отравленный магией ловко откинулся назад, едва ли не встав на мостик.

Неестественная гибкость.

Невероятная ловкость.

Уже в следующее мгновение он выпрямился, рассыпая вокруг себя чернильные брызги. Его движения были настолько быстрыми, молниеносными, что воспринимались человеческим глазом, как нечто

смазанное. Миг, если не меньше, и искажённый вонзил в дракона клятые столовые приборы. С такой яростью и силой, что те прорвали и плотную ткань сюртука, и рубашку, вонзились в плечо палача.

Болонка отчаянно заскулила, а я едва не вскрикнула. На лице ультора не дрогнул ни один мускул, он даже не поморщился и тут же нанёс ответный удар. На этот раз лезвие кинжала вспороло предплечье соперника, что вызвало у того неожиданный приступ веселья.

Искажённый рассмеялся, словно ему всё это нравилось, и легко, будто играючи, выбил нож из руки Делагарди. Благо у того имелось ещё одно оружие. Ногти дракона вытянулись, становясь острыми, звериными когтями, но попытка вонзиться ими в шею чудовищного пассажира провалилась.

Тот снова сумел уклониться.

Схватка продолжалась. С переменным успехом. И если раны и порезы, которые оставлял ультор на теле искажённого, не доставляли последнему никаких неудобств (он всё так же был быстр и силён), то Эндер явно слабел.

Я и подумать не могла, что одержимые магией могут быть настолько сильными, практически неуязвимыми. Или не практически? Как сильно должно пострадать тело искажённого, чтобы он наконец угомонился?

Я так пристально следила за движениями Делагарди, за атаками монстра, что не сразу заметила, как смоляная лужа у его ног начинает обретать размытые человеческие формы. Вырастает, капля за каплей собираясь в пугающий пазл.

— Вы... вы это видите? — прошептала каким-то чужим, глухим голосом, сама не понимая, к кому обращаюсь.

— Что он проигрывает? — подал голос из-под стола официант. — Это все видят!

— Нет, я про... — Я осеклась и бросила по сторонам взгляд.

Все смотрели на дракона и искажённого, но следующую за ним чёрную тень как будто никто не видел. Её очертания были похожи на те, что были у теней, приходивших из потустороннего мира. Но если души погибших могли напугать неожиданным появлением, то эта пугала одним своим видом. Было в ней что-то жуткое, противоестественное.

Неправильное.

Она двигалась в такт движениям искажённого, повторяя каждую его атаку, каждый выпад, и продолжала расти, словно эта схватка её напитывала, придавала ей сил. Окончательно обезумев, если такое вообще возможно, искажённый вонзился зубами в руку дракона, как дикое животное. Эндер зашипел, схватил его за волосы, пытаясь от себя оторвать, и тут же чернильное нечто вцепилось в его запястье, заставляя разжать пальцы.

Двое против одного? Заранее проигранная битва. Особенно если учесть, что второго противника дракон даже не видел.

Очередной удар искажённого опрокинул его на пол. Чудовище тут же оседлало Делагарди, и я в ужасе увидела кинжал, стискиваемый серыми, словно пергаментными, пальцами ненормального.

Тень, явно обрадованная таким развитием событий, выглянула из-за спины одержимого, склоняясь над драконом, и я поняла, что если продолжу трусливо жаться к стене в роли зрителя, он умрёт. А потом погибнут и остальные.

Сколько на дирижабле человек? Скольких искажённый убьёт, пока магия не уничтожит его плоть? Или благодаря чёртовой тени будет держаться?

А ну-ка иди сюда, дорогая!

Бывало, духи так меня доставали, что я отправляла их обратно. Теням это не нравилось, не нравилось, что ими помыкают, но у меня тоже нервы не из стали. Я научилась им приказывать, когда это было надо, и сейчас стоило попытаться отвадить от дракона эту нечисть. Она, конечно, не дух умершего, а что-то тёмное, чудовищное и злое. Но терять, как говорится, всё равно нечего. Можно попробовать.

Умрёт ультор, и мы все последуем его примеру.

«Ко мне!» — приказала, яростно прорывав в мыслях.

Тень встрепенулась, и я повторила приказ, вкладывая в него всю злость, весь гнев, отгоняя прочь страх.

«Отойди от него! Прочь!!!»

Чернильная тьма... послушалась. Резко развернувшись, заскользила ко мне, оставляя после себя дорожку грязи, и на какое-то мгновение я пожалела, что привлекла её внимание. Но сделала всё правильно! Искражённый, словно растеряв боевой запал, неуверенно оглянулся. Эта заминка стоила ему жизни. Рывок — Делагарди

подался вперёд, вонзил в него когти, ломая рёбра, лишая искажённого сердца.

Я зажмурилась — тень была слишком близко, да и то, что сжимал в руке Эндер, если честно, видеть не хотелось. Глухой удар заставил открыть глаза. Искажённый рухнул на пол, изломанной, окровавленной куклой, а тень, к моему невероятному облегчению, исчезла, словно её и не было.

В тот момент впервые мелькнула мысль, что мне повезло с даром. А вот Делаярди не очень.

Отвратительная у него работа.

Глава 8. Лишняя

Из ресторана меня увели быстрее, чем я успела прийти в себя. Кто-то из персонала, но я даже не поняла кто, если честно. Всё смешалось. Лица перед глазами, голоса... Я будто уснула, а в себя пришла только в каюте, завёрнутая в одеяло. С чашкой горячего какао в руках, Стигом возле кровати и пожилым мужчиной, бортовым целителем, там же.

— С эйрэ... моим мужем, — начала тихо, когда он надо мной склонился, — всё хорошо?

— Его я ещё не осматривал, — ответил маг, сосредоточенно прощупывая моё запястье. После чего принялся водить по воздуху руками, словно обрисовывая контуры моего тела. — Он велел прежде осмотреть вас.

И вот зачем, спрашивается? Меня искажённый не кусал и вилками мне в плечо не тыкал. Не швырял по залу, как собака любимую резиновую пищалку.

— Я в порядке, — отозвалась вяло и отпила немного сладкого, горячего напитка.

— И это действительно так! — Целитель ободряюще улыбнулся. — Вы потрясены, и это нормально. Но физически полностью здоровы. Поэтому с вами я закончил, леди Делаярди, и сейчас же займусь вашим мужем. Он у меня в медотсеке. Не волнуйтесь, я окажу ему первую помощь, а в городе им займётся ваш семейный лекарь. Слышал, Йерд Браден — настоящий кудесник.

Я неуверенно пожала плечами, потому что знать не знала никакого Йерда Брадена.

— Если потребуется, — обратился он уже к стюарту, — дайте леди ещё успокоительного.

Вот почему я будто в трансе. Из-за успокаивающих капель. Покосившись на чашку с какао, поставила её на тумбочку, а Стиг тем временем проводил целителя к выходу.

— Если я могу быть ещё чем-то полезен... — сказал он, обернувшись.

Я заставила себя улыбнуться:

— Мне ничего не нужно, Стиг. Можешь идти.

Кивнув, стюарт бесшумно вышел.

То ли успокоительное было убойным, то ли мне досталась убойная доза — я так и просидела, в одеяле, обхватив колени руками, до прихода Делагарди. Когда дверь приоткрылась, вскинула взгляд и посмотрела на дракона. Раны ему перевязали, смену одежду для него забрал стюарт, и поэтому можно было сказать, что выглядел эйрэ неплохо. Но стоило вспомнить, как ему досталось от искажённого, как становилось ясно, что ничего хорошего.

— Ты как? — подала голос, всё ещё вялый, сонный.

Я вся была вялой и сонной, какой-то опустошённой, словно целые сутки без перерыва разговаривала с тенями.

— Жить буду и, хочется верить, что вполне неплохо. — Эндер приблизился к кровати, опустился рядом. — А ты?

— В шоке от случившегося. Расклеившаяся от успокоительного.

Заметила у него на шее каплю подсохшей крови, не то его, не то искажённого. Подалась было, чтобы стереть, но в последний момент себя одёрнула.

— У тебя тут... на шее... Кровь... — Показала на своём примере, где именно, и дракон потёр кожу, стирая напоминание о случившемся.

— Никогда раньше не видела искажённых?

— Слава богу, нет. — Одно лишь упоминание об отравленном магией безумце заставило поёжиться. — Они всегда такие... агрессивные? И такие сильные...

— Не всегда, но чаще всего — да. Зависит от многих условий. Что и сколько приняли и как сильно магия повлияла на тело или разум. У Лувиса Келлера, этого искажённого, — тихо уточнил Эндер, — оказалось задето и то, и другое.

— Но почему он напал именно на меня? — Я подтянула одеяло, стягивая вместе края: от разговора об искажённом мороз бежал по коже, снова стало холодно. — Я раньше его даже не видела!

— Лейф рассказал, как всё началось. Вы находились к нему ближе всех. Искажённые интуитивно выбирают тех, кто слабее. Из вас двоих он выбрал тебя.

И всё из-за Шанетт, у которой зудело в одном месте — так хотелось со мной позавтракать. А сама даже не пришла.

— Мне не стоило покидать каюту. Думала, это ты позвал меня в ресторан, а оказалось — леди Флеминг.

— Я знаю. — Пройдясь по мне взглядом, Делагарди поднялся. — Её там даже не было, но именно на неё целителю пришлось потратить добрые полчаса — Шанетт билась в истерике. Ты же даже слезинки не проронила, хотя тебе досталось больше всех.

— Ну, во-первых, больше всех досталось не мне, а тебе, — заметила справедливости ради. — Во-вторых, как уже сказала, я под успокаивающими каплями. И, если честно, в ресторане мне очень хотелось заползти под стол к официанту и начать скулить как собачка той пожилой дамы. Надеюсь, она всё-таки пережила её объятия...

Взяв на себя обязанности Стига, дракон начал складывать в сумку вещи, а я продолжала сидеть на кровати и наблюдала за его спокойными, уверенными движениями. Ведёт себя так, словно и не было никакого нападения, он не ранен и вообще чувствует себя прекрасно.

— Ты имела полное право и скулить, и прятаться под столом, — пошутил он, не прерывая своего занятия.

— Имела, и ещё какое! — подтвердила я, снова возвращаясь в такие ужасные воспоминания. — Особенно когда грязь под ногами искажённого стала обретать форму и пыталась тебя убить.

Делагарди замер с рубашкой в руках. Обернувшись, нахмурился и спросил с явным недоумением в голосе:

— Ты это про что, Женя?

Я замешкалась, прежде чем ответить, и мысленно себя отругала. А ну как решит, что я полезная для его работы аномалия и станет таскать меня с собой на задания. А мне и одного «общения» с

искажённым хватит на тысячу ночных кошмаров. Спасибо, больше не надо.

Или ещё хуже — доложит о моей способности видеть не пойми что своему начальству и уже то пожелает меня использовать. А может, вообще сдаст на опыты...

Делагарди продолжал стоять с рубашкой в руках и ждал. Смотрел на меня своими невероятно яркими зелёными глазами, в которых отчётливо читалось: не отстану, пока не скажешь правду.

Вздыхнув, коротко описала то, то видела:

— С искажённого как будто что-то... стекало. Какая-то чёрная жижа, я бы так её назвала. Впоследствии она сформировалась в нечто эфемерное, тёмное и злое. На тень похожее... Казалось, это именно она управляет Келлером.

О том, что мне хватило ума её позвать, рассказывать не стала. Опять же чтобы лишний раз не искушать Делагарди. Я согласилась на роль жены, а не охотницы за нечистью. Пусть лучше считает, что сам справился.

Это ведь он у нас всесильный дракон, а я слабая бесполезная попаданка.

Судя по нахмуренному выражению лица палача, о тенях-кукловодах он прежде не слышал. Я уже настроилась на допрос с пристрастием, когда Эндер неожиданно выдал:

— Думаю, нам стоит придумать тебе какой-нибудь... безопасный дар. Никто не должен знать, что ты зрящая. Тем более зрящая со столь странной особенностью.

От сердца сразу отлегло, хоть успокаиваться, возможно, ещё было рано. Вряд ли он просто забудет о том, что я видела. Уверена, мы к этому разговору ещё вернёмся.

— Что-то простое и не привлекающее внимание. Например, как у Шанетт, — задумчиво продолжал Делагарди.

— А какой у неё дар? — с интересом спросила я, пытаюсь отвлечься от тревожных мыслей.

— Дар возрождения, — ответил Эндер и наконец сложил рубашку, а точнее попросту, скомкав, запихал её в саквояж.

Я тихонько присвистнула:

— И это ты называешь простым даром? Я слышала, на что способны реставраторы!

Так, кажется, называли тех, кто обладал способностью возвращать к жизни.

Дракон снисходительно улыбнулся:

— Едва ли Шанетт можно назвать реставратором. Она хоть и не пустая, дар в ней проявился, но слабый, едва выраженный. Да, она может «оживить» букет завядших цветов или «продлить жизнь» куску хлеба, но на что-то большее и важное она не способна. — Он приблизился к окнам, за которыми облака постепенно редели, истаивали, открывая глазам поля и всё ещё зелёные перелески, жёлтые ленты дорог и черепичные крыши домов. — Возможно, прилагай она больше усилий, из неё вышло бы что-нибудь стоящее, но Шанетт из тех дракониц, которые предпочитают лёгкую, беззаботную жизнь. Всё, что её волнует — это балы, скачки и дамские клубы.

Выходит, леди Флеминг у нас заядлая тусовщица.

Он хотел ещё что-то добавить, но в дверь постучали. Явился Стиг сообщить, что «Стальной дракон» начинает готовиться к посадке. Ещё немного, и мы будем в Гратцвиге.

— Готова? — спросил Эндер, когда со сборами было покончено.

Я надела жакет, натянула перчатки, оглядела каюту, желая удостовериться, что ничего не забыла.

— Если честно, не особо. Как думаешь, как воспримет возвращение тёти Эдвина?

— Она будет счастлива, — с уверенностью заверил Делгарди, поправляя узел шёлкового платка на шее, чтобы смотрелся идеально.

Он весь выглядел идеально и ничто не напоминало о недавней схватке.

* * *

Должно быть, успокоительное ещё действовало, потому что дирижабль я покидала в состоянии транса. В нём же садилась в уже поджидавший нас паромобиль, которым управлял шофёр Делгарди, встретивший меня круглыми от изумления глазами.

— Вечером соберём слуг и всё расскажем, Вернер, — пресёк любые возможные вопросы Эндер и добавил, посмотрев на меня: — А сейчас скорее домой. Моей жене нужно отдохнуть после долгой дороги.

Почтительно поклонившись, водитель закрыл за нами дверцу машины и вернулся на своё место. Пока ехали, я чувствовала, как

внутри меня возрастает волнение, комком собирается в горле, камнем давит на сердце. Сейчас бы я не отказалась от новой порции капель или ещё лучше — какого-нибудь крепкого снотворного.

Дома у всемогущего меня ждала не только незнакомая «племянница», но и вся его прислуга. Которая знала настоящую Раннвей. Настоящую хозяйку.

Я настолько увлеклась своими переживаниями, всё усиливающейся тревогой, что совсем не уделила внимания столичным пейзажам. Впрочем, сейчас мне действительно было не до Гратцвига и не до его красот. Потом... Как-нибудь потом...

— Вот мы и дома, любимая, — подавшись ко мне, непривычно мягко сказал дракон, когда машина въехала в распахнутые ворота. Вроде и тихо сказал, но судя по тому, как Вернер чуть повернул голову, его услышали.

Понятно, для окружающих у нас всё замечательно. Любим друг друга без памяти, слепо обожаем.

Домом оказался огромный белокаменный особняк, угнездившийся в конце тихой, зелёной улицы. Улицы, полной таких же красивых особняков, цветущих садов и неопишуемой роскоши.

Здесь всё было красиво.

И рыжеволосая девочка, сбежавшая по ступеням крыльца и бросившаяся к машине, тоже была очаровательна. Идеально вписывалась в окружающий антураж в своём светлом чуть ниже колен пышном платье.

Она подлетела к нам со счастливой улыбкой на губах, и когда Эндер вышел из машины, повисла у него на шее, искренне радуясь его возвращению.

— Я ждала тебя ещё вчера! — немного капризно заявила она, когда дракон, крепко прижав её к себе, отстранился, и тут же пожаловалась: — Без тебя мисти Ливен совсем распоясалась — столько всего поназадавала! Я все выходные просидела за книгами, и то не всё сделала. А ещё...

Я продолжала сидеть в машине и там бы, наверное, и осталась. Но Вернер (вот уж услужливый!) распахнул передо мной дверцу. Осёкшись, Эдвина резко обернулась. Радость в её глазах погасла.

Секунда, другая, и с губ девочки сорвалось резкое:

— Что она здесь делает?!

Мы с Эндером опешили, и неизвестно, кто больше. Судя по растерянному выражению лица дракона, он действительно искренне верил, что Эдвина будет мне рада. Ну просто вне себя от счастья.

На деле же оказалось, что она была вне себя от ярости.

— Эдвина... — начал было Делагарди.

Но девочка капризно его перебила и впилась в меня злым взглядом:

— Зачем она вернулась?! Что тебе от нас нужно?!

Краем глаза я заметила, что на подъездную дорогу, замощённую мелким камнем, вышли две девушки в форменных чёрных платьях и белоснежных фартуках. Привлечённые криками младшей Фармор, горничные с явным интересом следили за происходящим.

— Эдвина, пожалуйста, успокойся, — попросила я, устав изображать из себя немую.

— Иначе у тебя снова заболит голова? — Она сжала руки в кулаки, словно уже готова была на меня наброситься. — Ты ведь никогда не любила мой голос. Ты меня никогда не любила! Зачем сейчас вернулась?!

— Хватит!

Окрик принадлежал не мне, а Делагарди. В одном этом коротеньком слове было столько холода, столько стали, что пыла у Эдвины заметно поубавилось. Она закусил губу и поморщилась, словно у неё только что в боку резко закололо.

— Ранней вернулась домой. К семье, — ровно продолжил дракон. Спокойно, безэмоционально, но у меня всё равно по коже побежали мурашки. — Вернулась к тебе и ко мне. Перестань показывать характер и поприветствуй свою тётю как надо.

Кулаки она так и не разжала. Сощурившись, сделала шаг навстречу и... от души плюнула мне в ноги.

— Нет у меня тётки. Она умерла много лет назад. Когда бросила нас!

Сказав всё, что собиралась сказать, она развернулась и помчалась куда-то за дом. Исчезла быстрее, чем мы с Эндером опомнились. Может быть, он бы и бросился её догонять, но лично у меня продолжать общаться с маленькой хамкой не было никакого желания. Делагарди, впрочем, тоже остался и с досадой захлопнул дверцу паромобиля.

— Проклятье!

Я посмотрела на сконфуженного шофёра, явно жалевшего, что стал свидетелем столь эмоциональной сцены семейного воссоединения. Перевела взгляд на «мужа», белого, если не сказать пепельного от гнева, и попыталась немного разрядить обстановку:

— Поговорим, когда успокоится. Не трогай пока её.

Поколебавшись, дракон нехотя согласился:

— Ты права. Отложим разговор до вечера.

Он посмотрел куда-то перед собой. Проследив за его взглядом, я увидела спешащего к нам пожилого мужчину в чёрном элегантном костюме и белой рубашке. Добавить ему бабочку, и можно смело отправлять в ресторан или театр.

— Леди Делагарди! — воскликнул он и, кажется, собирался схватиться за сердце, но тут же совладал со своими эмоциями и, став ещё сдержаннее Эндера, степенно поклонился: — Рад вашему возвращению, леди.

В ноги мне не плюёт — уже замечательно. Есть чему порадоваться.

— Бальдер, проводи леди Делагарди в мои покои.

Возмутиться я не успела. Поймав мой взгляд, дракон с улыбкой продолжил:

— И пока она будет отдыхать, подготовьте её. — Он жестом подозвал не решавшихся приблизиться к нам горничных, возвысил голос: — Полин и Минна займутся твоими вещами, дорогая, и принесут тебе обед. Я ненадолго отлучусь в управление. Увидимся вечером.

— А к лекарю тебе не надо? — спросила я тихо, когда он ко мне приблизился.

— Лекарь подождёт. — Он приобнял меня, лишь на пару мгновений, но и их оказалось достаточно, чтобы я напряглась и снова испытала страх Раннвей, смешанный с моим... не страхом. Каким-то другим чувством, которому я пока не могла подобрать название. Да и не пыталась. Как уже сказала: мне это не надо.

Ощувив тёплое прикосновение губ к виску, лёгкое и мимолётное, поспешила отстраниться, и взглядом дала понять дракону, что на такую игру на публику мы не договаривались.

Никаких поцелуев и объятий.

— Отдыхай, Раннвей.

— В твоей кровати, — зачем-то ляпнула я и снова почувствовала горячее дыхание у виска.

Уловила смешинки в чуть хриплом голосе:

— Уверен, моя кровать тебе понравится. До встречи за ужином, дорогая.

Бросив на меня последний взгляд, Делагарди вернулся в машину. Вернер поспешил занять место водителя, а я осталась с неким Бальдером и двумя молоденькими горничными, удивлённо хлопающими глазами.

* * *

Эндер Делагарди

С Эдвиной бывало непросто, но я научился справляться с ребёнком, который незаметно, словно по волшебству, превратился в подростка. Уже почти девушку... Порой капризную, порой своенравную, но в то же время добрую и отзывчивую с теми, кого она любила. Яркая, смелая, иногда даже слишком — это точно было у неё от матери. Терес всегда была полной противоположностью Раннвей.

Прошлой Раннвей...

Я нахмурился, поймав себя на том, что снова думаю о фальшивой жене, вместо того чтобы сосредоточиться на насущной проблеме — отношениях Жени с девочкой. Как же хотелось избежать «военных действий»...

Эдвина любила воевать. В основном с гувернантками, незаметно сменяющими друг друга. Прошлая ушла две недели назад, и ушла — это ещё мягко сказано! Сбежала, даже не попросив рекомендаций. Нынешняя, судя по настрою младшей Фармор, тоже долго не протянет. А значит, придётся снова озаботиться поисками воспитательницы и надеяться, что девочка не станет вести себя точно так же с Раннвей.

Вспомнив разыгравшуюся у меня на глазах отвратительную сцену, мрачно усмехнулся. Стоит опасаться, что против Жени в ход пойдёт самая тяжёлая артиллерия. А ведь я действительно верил, что Эдвина обрадуется возвращению тёти. Наивный! Или слепой... Даже не предполагал, что её так сильно ранило исчезновение Раннвей четыре года назад.

Оставалось надеяться, что у моей «жёнушки» крепкие нервы и неисчерпаемое терпение.

К сожалению, капризы Эдвины были не единственной головной болью. Я был бы рад забыть об искажённом, который чуть не отправил меня на тот свет. Был бы рад вычеркнуть из памяти слова иномирянки о странной тени, но проблема от этого не исчезнет. Что отразить в отчёте? Рассказать о некоей сущности, управлявшей искажённым? Сам я её не видел, а говорить правду о зрящей с уникальным талантом мне не выгодно. Она нужна мне, но стоит Экебладу узнать о её способностях, и даже моё положение не поможет девочке.

Нет, не сейчас. Пока я в ней нуждаюсь, никаких теней-кукловодов в отчётах.

К тому же Женья могла ошибаться. Её чуть не убили, на её глазах искажённый чуть не уничтожил меня, а потом и я добавил, как вишенку на торте, — вырванное сердце чудовища. От такого что угодно может померещиться.

Да даже без всяких эфемерных кукловодов эта девушка могла заинтересовать управление. Способность видеть умерших, говорить с ними — редкий дар. Продолжи Женья выступать в театрах, и рано или поздно ею заинтересовались бы. Скорее рано, чем поздно. Она бы получила работу, на которую была бы вынуждена согласиться — зрящих выгодно использовать в расследованиях.

Вот только век зрящих недолог. Изо дня в день пропускать через себя боль, страх, мучения жертв убийств — даже самые сильные быстро сдавали. Те двое зрящих, с которыми я пересекался по долгу службы, вот уже который год лечатся в госпиталях для умалишённых. И неизвестно, вернутся ли когда-нибудь хотя бы к нормальной жизни, не то что на службу.

Иномирянку такая работа быстро подкосит. А потому надо придумать ей простую, скучную способность, которая у сплетниц вроде Шанетт не вызовет ничего, кроме зевоты.

— Приехали, эйрэ.

Голос Вернера вернул меня в реальность.

— До вечера свободен, — отпустил я водителя, выходя из паромобиля, и предупредил: — Заберёшь меня в семь.

— Слушаюсь, эйрэ.

Машина зашелестела колёсами по мостовой, а я направился к серому трёхэтажному зданию — Главному следственному управлению Кармара. Экеблад наверняка захочет меня видеть. И отчёт, уверен,

потребуется сегодня же. Интересно, труп уже привезли? И когда Свен за него возьмётся?

Была ли тень или Жене просто померещилось, но с искажённым было явно что-то не так. Оставалось надеяться, что вскрытие поможет понять, что, харг побери, с ним случилось.

Глава 9. Всё тянется из прошлого

Женя Исаева

— Леди желает принять ванну?

Я рассеянно кивнула, даже толком не понимая, о чём меня спрашивают. Мысли были заняты другим: как прожить год в доме, в котором меня ненавидят? Как будет вести себя Эдвина? Чего от неё можно ожидать? Почему-то, когда сюда ехала, представляла племянницу Делагарди нежной чудесной девочкой, тихой и вежливой. Увы, явь не имела ничего общего с мечтами.

— Извольте обедать в своих покоях или в столовой? А может, на террасе?

Конечно же, здесь есть терраса. И вполне возможно, что не одна. Пока поднималась наверх, следуя за дворецким, успела отметить богатое убранство дома, высоту потолков и размеры хрустальных люстр. А сколько же в них висюлек...

— Леди...

Я встрепенулась и посмотрела на Бальдера:

— Согласна на всё.

— На обед в комнате, столовой и террасе? — с сомнением уточнил он, явно задаваясь вопросом, как леди собирается обедать в нескольких местах одновременно.

— В комнате, — улыбнулась ему, в ответ почему-то получив удивлённое выражение.

Может, Раннвей никогда никому не улыбалась? Или считала, что её улыбки — роскошь, которой прислуга недостойна? Надо будет расспросить о её поведении с домочадцами Делагарди.

Сделав себе пометку в памяти, последовала за степенно вышагивающим дворецким по широкому коридору. Не знай я, где нахожусь, и могла бы запросто решить, что в музее. На стенах, затянутых светлой шёлковой тканью, было столько картин, сколько, наверное, висюлек в люстре на первом этаже. Хотелось остановиться и рассмотреть каждую. Это я про картины, а не хрустальные капли.

Особенно меня заинтересовали портреты, но я запретила себе обращать на них внимание. Позади бесшумно семенили Полин с Минной. Не хочу, чтобы со стороны казалось, будто леди Делагарди здесь никогда не бывала.

— Слуги сейчас же займутся вашими покоем, леди, а Минна с Полин пока что займутся вами, — останавливаясь возле одной из дверей из тёмного, покрытого лаком дерева, проговорил Бальдер.

На этот раз я не сдержала удивления. Прозвучало так, словно я кукла, которую было велено привести в порядок и нарядить.

Следующие слова дворецкого удивили ещё больше:

— По приказу эйрэ ваши вещи сохранили, хоть, как по мне, их следовало выбросить... Точнее, отдать на благотворительность, — добавил он, растягивая губы в некоем подобии улыбки, отчего морщины вокруг голубых тусклых глаз собрались некрасивыми пучками. — Вам они вряд ли пригодятся, мода ведь так быстротечна... Прошло немало времени.

— Я сама решу, что делать со своей одеждой, — сощурившись, ответила я и взглядом указала на дверь, давая понять, что стоять здесь до полуночи не собираюсь.

— Покои эйрэ, — церемонно объявил дворецкий, словно впуская меня в святая святых.

На самом же деле это была просто комната. Просторная, если не сказать — огромная, поделённая на несколько зон. В глубине в алькове располагалась кровать, по сравнению с которой ложе в каюте дирижабля можно было назвать узкой койкой. В другом конце возле камина обнаружили два кресла и столик с шахматной доской. Фигуры были расставлены, словно ждали, что ими вот-вот сыграют. Имелся здесь и книжный стеллаж, а рядом на комод горделиво возвышались графины с бутылками. Понятно, всё самое важное всегда под рукой. Или, скорее, в бокале... Надеюсь, эйрэ не злоупотребляет своей коллекцией.

Стеклянные двери вели на французский балкон и ещё несколько, деревянных, уводили неизвестно куда. Спрашивать, что за ними находится, я, понятное дело, не стала. Сделала вид, что осматриваюсь, просто чтобы понять, что здесь за четыре года поменялось.

— Распоряжусь насчёт обеда. — Дворецкий поклонился, но, как мне показалось, небрежно, без особой учтивости.

А может, я себя накручиваю? Реагирую предвзято после выступления Эдвины?

— Если забыли, что и где находится, Полин с Минной подскажут, — добавил Бальдер, уходя. Хотя, честное слово, лучше бы не добавлял. — Помнится, вы и в былые времена были здесь нечастой гостьей.

Почувствовав, как раздражение вспыхивает с новой силой, хотела уже спросить, что, чёрт возьми, происходит, но дворецкий, шельмец, уже успел закрыть за собой дверь. Едва не зарывав, повернулась к служанкам. Если и они начнут показывать характер, придётся вспомнить о своём. Характере. И положении в этом доме.

— Скорее наберите воду! — бросила требовательно, больше не в силах сдерживать раздражение.

— Сейчас всё сделаем, леди, — одновременно проговорили девушки и дёрнули к дверям.

Проводив их мрачным взглядом, я вернулась к знакомству с покоями Делагарди. Скользила взглядом по незнакомой обстановке и злилась на Эвину, Бальдера, дракона. Последний мог бы и предупредить, что домоправитель — любитель поязвить, а племянница обожает концерты.

И вот что теперь со всем этим делать?

* * *

Пока служанки возились в ванной, я всё-таки выяснила, что скрывалось за оставшимися дверями. За одной находилась просторная гардеробная, за другой — ещё более просторная гостиная с балконом, плотно прилегавшим к точно такому же. Стеклянные двери, что вели на него, были распахнуты. Я бы и не обратила на это внимания, если бы не громкие голоса, заставившие прислушаться:

— Интересно, где он её нашёл? И как уговорил вернуться... — звучало звонкое девичье сопрано.

— А с чего это он должен был её уговаривать? — послышался второй голос, более низкий и звучный, преисполненный сарказма. — Она ведь ему жена, а значит, обязана повиноваться.

Может, ноги ему ещё по утрам целовать и усыпать лепестками роз дорогу?

— А мне казалось, он вздохнул с облегчением, когда она пропала, — снова заговорила первая.

— Я тоже так считала, — согласилась вторая. — И даже... — понизила голос, едва ли не до шёпота, отчего мне пришлось подойти к краю балкона, — сам поспособствовал её исчезновению. Говорят же, что покойный Фармор навязал ему свою пустышку, и хозяин искал способ от неё избавиться.

— Помню-помню, ходили по Гратцвигу такие слухи, и...

— Леди, ванна готова.

Я обернулась и с досадой посмотрела на замершую у балкона Полин. Черноволосая девушка стояла, скромно потупив взгляд, и всем своим видом показывала, какая она образцовая горничная.

— Спасибо, — совладав с собой, подарила ей улыбку, и служанка несмело улыбнулась мне в ответ.

Ну хоть не копирует поведение дворецкого, и то хорошо. Голоса в соседней комнате стихли: видимо, нас услышали. Хотелось бы знать, кто эти сплетницы. Понятно, что кто-то из прислуги, но вот кто именно... А ещё было бы замечательно выяснить, что ещё знают служанки об отношениях Эндера и Раннвей.

В ванне расслабиться не получилось. Пока отмокала в горячей воде, укрытой пенными облаками, думала о болтовне сплетниц. Поспособствовал исчезновению... Вздохнул с облегчением... Может, Раннвей не просто так его боялась, и мне тоже стоит опасаться? Мы знакомы всего два дня и знакомы — это ещё громко сказано. На самом деле Эндер Делагарди для меня — чужак, угрозами втянувший в непонятную авантюру. Что, если Раннвей действительно пропала с его подачи, а вернул он её, то есть меня в её теле, не ради Эдвины, а из каких-нибудь других побуждений, далёких от благородных?

Кто он? Заботливый опекун или корыстный мерзавец? Он разлучил меня с Кастеном, даже не задумываясь, что я по этому поводу чувствую. Даже ни разу не поинтересовался, как я! Мало ли, вдруг переживаю из-за разлуки, страдаю... Нет, я не была влюблена в Толя в полном смысле этого слова, но испытывала к нему самые тёплые чувства. Скорее, дружеские, но была не против однажды стать его женою.

Вот только теперь мужчины, который поддерживал меня и помогал в самые трудные времена, рядом нет. Зато есть непонятный

дракон с непонятной племянницей, в довесок к которым идёт наглая прислуга. Один ёрничает мне прямо в лицо, другие сплетничают за спиной.

Спасибо хоть Минна, высокая голубоглазая девушка с пшеничного цвета косой, вела себя, как и Полин, безукоризненно. К ним пока претензий не было. Хотя ничто не помешает им точно так же судачить обо мне на кухне. И ладно бы только на кухне, но наверняка же здешняя прислуга будет обсуждать леди Делагарди с прислугой из других домов — так и до их хозяев сплетни доберутся. Мне это совсем не нужно. Не нужно, чтобы за мной следили все кому не лень, а потом обсуждали каждый мой шаг в каждом особняке Гратцвига.

Я выбралась из ванны, когда вода уже почти остыла. Приблизившись к зеркалу, приоткрыла халат, обнажая плечи и ключицу. До сих пор помнила, как пекло кожу, когда меня коснулась тьма той жуткой сущности. Но ни тогда, ни сейчас никаких следов на теле видно не было, словно мне просто почудилось, и не было никакой грязи, стекающей с тени.

А может, не было и тени.

Тряхнула головой, прогоняя глупое предположение. Эфемерное нечто я видела так же чётко, как и любого другого духа. Для меня все они были реальны, и эта зараза, к сожалению, тоже.

В комнате меня уже ждал обед. Несколько тарелок под серебряными крышками, откупоренная бутылка вина и графин с водой. Бутылку я сразу отодвинула, к воде настороженно принялась, впрочем, как и ко всему остальному. Мало ли, каких сюрпризов можно ожидать в этом доме... Вода ничем не пахла, а от блюд исходили такие ароматы, что инстинкт самосохранения тут же выключился. С завтраком у меня не сложилось, зато обед оказался восхитительным! Еда буквально таяла во рту и вызывала желание продолжать есть, не останавливаясь. Даже настроение немного поднялось, и когда в комнату постучалась Минна сказать, что мои покои готовы, я встретила её улыбкой и бодрим:

— Отлично! Не терпится вернуться в родные стены.

— Если леди желает, я могу провести.

Отказываться не стала, так как понятия не имела, где обитала Раннвей. Оказалось, что под боком у мужа. Разговор служанок, который я случайно подслушала, произошёл как раз в будуаре

Раннвей, в котором сплетницы наводили порядок. Здесь, как и в покоях Деллагарди, имелась гардеробная, спальня и ванная. Только комнаты хозяйки дома были оформлены в светлых тонах. Мебель из светлого дерева, более изящная, с блестящей обивкой и витиеватыми ножками, кровать с горой шелковых и бархатных подушек, нежнейшие занавеси на окнах. В вазах стояли свежесрезанные цветы, к аромату которых примешивался тонкий аромат саше. В гардеробной уже развесили мои вещи: те, с которыми приехала. Больше здесь ничего не было. Разве что несколько коробок со шляпками и обувью. По всей видимости, старые вещи Раннвей с чердака ещё не спускали.

— Если вам ещё что-нибудь угодно... — начала было Минна, следовавшая за мной тенью.

— Угодно, — кивнула я, отрывая взгляд от шляпных коробок. — Я хочу поговорить с прислугой. Передай Бальдеру, чтобы собрал всех в холле.

— Слушаюсь, леди. — Изобразив книксен, служанка исчезла за дверью.

* * *

Первым, кого увидела, ступив на лестницу, был дворецкий. Лицо невозмутимое, но в глазах холод. Такой пронизывающий и колкий, что захотелось поёжиться. Ёжиться я не стала, вместо этого расправила плечи и стала неторопливо спускаться, оглядывая челядь. Людей в холле собралось немало. Одних лишь горничных насчитала целую дюжину. Зачем столько — непонятно. Зато ясно, что чем больше слуг, тем меньше шансов хранить семейные тайны за закрытыми дверями.

Рядом с Минной стояла крупная женщина, почти такая же высокая, как и Бальдер. Хотя последний укорачивал себе рост, сильно сутулясь. Видимо, прожитые годы давили на плечи. Сколько ему? Наверняка больше шестидесяти. Дама с формами очевидно заправляла кухней — я заметила следы муки у неё на юбке. Рядом, явно смущаясь, жался молоденький парень, почти мальчик. Скорее всего, её помощник — в руках мальчишка почему-то держал половник. Может, решил захватить с собой на случай, если придётся отбиваться от хозяйки? Так я не кровожадная. И вряд ли таковой была Раннвей.

Я остановилась на нижней ступени и, обведя взглядом собравшихся, с улыбкой сказала:

— Думаю, моё возвращение уже ни для кого не секрет.

— Такое сложно держать в секрете... — пробормотал дворецкий.

Может, позаимствовать у поварёнка половник? Чтобы кое-кого хорошенько треснуть!

— С некоторыми из вас я ещё не знакома, а потому нам стоит познакомиться. Другим, — выразительно покосилась на этого бормочущего, — не помешает напомнить, кто хозяйка в доме. Бальдер, будьте любезны, представьте мне всех новеньких.

К счастью, новеньких оказалась добрая половина горничных, а значит, с прошлой Раннвей они не были знакомы. В их число входили и Полин с Минной, что тоже радовало.

— ...ну а Ильву, Тиу, Санну, Свею и Эстель вы, полагаю, помните, — назвал имена последних служанок Бальдер, и те по очереди согнули колени и опустили взгляды.

Я кивнула, делая вид, что, конечно же, всех помню и знаю, а потом тихо поинтересовались:

— Кто убирался сегодня в моих покоях?

— Санна и Эстель, ваша светлость, — так же тихо ответил дворецкий и слегка нахмурился: — У вас к ним претензии?

— Никаких претензии. Наоборот, потом поблагодарю за усердие.

И аккуратно расспрошу о гулявших четыре года назад по столице сплетнях. О Раннвей и эйрэ.

В штате дракона имелся второй водитель, два конюха, садовник и сторож. Все они служили ещё при Раннвей, а потому Бальдер только бегло назвал их имена, толком не представив. Решил, что я помню каждого.

— Ещё с недавних пор у нас работает мисти Ливен, гувернантка, но у неё сегодня выходной, — добавил дворецкий и посмотрел на меня так, словно прислугой здесь была я. — У леди будут ещё распоряжения? Если нет, позвольте им вернуться к работе.

— Одну минуту, — остановила я уже собравшегося удрать домоправителя. — Я понимаю, что моё возвращение стало для всех неожиданностью и понимаю, что такие... события... вызывают массу эмоций. Но прошу держать свои эмоции при себе, равно как и языки. Я не потерплю обсуждение моей жизни за этими стенами. Да и в этом доме находите другие темы для разговоров. Уверена, никто из вас не хочет остаться без работы.

После моих слов Эстель густо покраснела, Санна — побледнела. Другие тоже заметно напряглись, явно проникшись предупреждением. Вот и отлично! Жаль, Бальдер не разделял моего мнения, и проникаться моими словами отчего-то не спешил.

— Не уверен, что эйрэ с вами согласится. Хорошую прислугу не так-то просто найти. Поэтому не стоит разбрасываться отличными кадрами. Я сам нанимал каждого! — закончил он не без гордости.

А я возразила:

— Прислугу, распускающую о хозяевах слухи, едва ли можно назвать хорошей. И в первую очередь болтовню о себе... и обо мне... не потерпит эйрэ. Надеюсь, этот вопрос можно считать закрытым.

Слуги закивали, явно не желая конфликтовать с хозяйкой. Один дворецкий выглядел так, словно уже сам подумывал о том, чтобы вооружиться половником. Собирался уйти, но я снова остановила.

— Бальдер, ещё минуту. — Дождавшись, когда он развернётся и подойдёт ко мне, продолжила: — Не знаю, может, в силу возраста, но вы, кажется, так пока и не вспомнили, что я леди Высокого дома и вы служите мне точно так же, как и моему мужу.

— Всё так и есть, ваша светлость, — поклонился он без грамма почтения.

Я нахмурилась:

— Тогда почему у меня такое чувство, что вы в меня готовы плюнуть?

По морщинистому лицу дворецкого скользнула не то улыбка, не то усмешка:

— И у кого из нас проблемы с памятью? Леди... — Он всё-таки ушёл, и что-то мне подсказывало, что никакие угрозы его не остановили бы.

Не знаю, на что он намекал, но гнаться за ним, чтобы докопаться до сути конфликта, я не стала. Увы, я понятия не имела, из-за чего ополчился на Раннвей дворецкий. Не спрашивать же напрямую, что это за концерты. Мысленно выругавшись, поспешила наверх, правда, обернулась на середине лестницы. Вдруг появилось чувство, что мне в спину вонзается чей-то взгляд. Но холл пустовал. А ощущения...

Всё из-за чёртового дворецкого!

* * *

Эндер Делагарди

В прозекторской было темно, если не считать одинокой лампы под потолком. Лепестки пламени под хрупкой оболочкой искрились, дрожали, облизывали, черня, стекло. Уже давно следовало бы почистить плафон, но Свена Шультена, штатного патологоанатома, едва ли беспокоило, что единственный источник освещения в его подземной камерке почти не давал света. В темноте Шультен видел лучше кошки или, скорее, тысячи котов — это был один из его даров. Благодаря второму он и связал свою жизнь с судебной медициной: Свен не просто досконально знал человеческое тело, он мог обнаружить в нём малейшие дефекты.

Правда, в отличие целителей, тех, что обладали даром ощущать, улавливать в людях недуги, он не мог засечь болезнь в живом теле. Зато отлично «налаживал контакт» с трупами. Вот и сейчас он суетился возле Келлера с энтузиазмом ребёнка, получившего в подарок на день рождения долгожданную игрушку.

— Что с ним не так? — спросил я, устав сверлить взглядом спину согнувшегося над покойником Шультена.

— Если не считать вырванного сердца и раскученной грудной клетки, то всё отлично, — бордо отозвался тот. На мгновение оторвавшись от трупа, что-то пробормотал себе под нос и заскрипел грифелем карандаша по листку блокнота.

— Ты прекрасно понимаешь, о чём я. Этот искажённый был другой. Он чуть не сделал мою жену вдовой.

Шультен не обратил внимания на слова про Раннвей, хотя всё управление с утра гудело, обсуждая счастливое возвращение леди Делагарди. Но Свена сейчас заботил только покойник, а всё остальное было несущественным и значения не имело.

Я оторвался от стены и шагнул ближе, невольно поморщившись от трупного запаха, смешанного с запахом хлора, формалина и харг его знает, с какими ещё растворами и веществами. Впрочем, даже когда здесь трупов не было, вонь всё равно оставалась. Она протравила всё помещение и, кажется, самого Шультена.

Наверное, поэтому так до сих пор и не женился. Какой мисти понравится ощущать в своём доме эти тошнотворные миазмы и каждый вечер слушать «захватывающие» истории про работу патологоанатома. А других тем для разговоров для Шультена, казалось, не существовало.

— На первый взгляд искажённый как искажённый, — наконец удосужился обернуться ко мне Свен. Устало потёр переносицу, после чего пожевал губами и добавил: — Но я проверил его кровь — в ней не было огненной крови, уж прости за тавтологию.

— То есть как это не было? — Я приблизился к кушетке, и Свен поспешил прикрыть грудь покойника, явно перепутав меня с впечатлительной девицей и забыв, кто это с ним сделал.

— А вот так, — хмыкнул Шультен. — Что бы он ни принял, огненной крови в том пойле не было. Это точно не «Драконья эссенция», не «Божественный нектар» и не «Жидкое пламя».

Так назывались запатентованные зелья, разрешённые в Кармаре и других государствах. Все они были изготовлены на основе огненной крови, которая и способствовала появлению дара. Или убивала. А без этой составляющей не могло быть и магии.

— Может, он просто мало принял? — растерянно предположил я, всматриваясь в резкие, заострившиеся черты лица мертвеца.

— Да хоть бы и каплю, я бы всё равно увидел, — уверенно заявил патологоанатом. — К тому же ты чуть не погиб, а значит, принял он достаточно.

Или просто оказался слишком восприимчив к неизвестной дряни.

Я продолжал скользить взглядом по телу Келлера, знакомство с которым едва не стоило мне жизни. Почему я так поздно его почувствовал? Почему не поднял тревогу сразу, как только поднялся на борт дирижабля?

Но вчера вечером я не ощущал искажений. Их просто... не было.

— А, ещё кое-что. Вот здесь. — С этими словами Шультен приподнял руку покойника и указал на внутренний сгиб локтя, подёрнутый багряным узором вен. Они бугрились под тонкой, будто пергаментной кожей, своим узором напоминая паучьи тенёта. — И на другой руке тоже. Не знаю, что он себе вколол, но оно чуть его не убило. Ещё до того, как его убил ты.

Свен улыбнулся, явно оценив собственную шутку, а меня вдруг забросило в воспоминания семилетней давности. Дождливый вечер, сырой, промозглый, мрачный.

Обычный для осени вечер, закончившийся страшной трагедией.

Я собираюсь сесть в кэб, чтобы отправиться домой, но Нильс нагоняет. Хватает за руку, вынуждая развернуться, и я раздражённо

бросаю:

— Что?

— У тебя есть минута? — шевелит он губами и нервно озирается, словно опасаясь, что за нами наблюдают.

Я смотрю в светло-голубые глаза Польмана и вижу в них страх. Но почему-то мне не передаётся это чувство, я как и при каждой нашей встрече испытываю раздражение.

Когда-то мы были друзьями. Когда-то он был моим напарником. Но его свадьба с Терес не могла не повлиять на наши отношения. Я отпустил её — в мои планы не входило заводить себе жену-мученицу, а вместе с ней потерял и друга.

И напарниками мы быть перестали.

— То дело, что я вёл со Стенбоком в прошлом году... — его голос почему-то звучит неестественно хрипло. — О девушке-искажённой, которая, по словам её родителей, якобы ничего не принимала... У них не было средств ни на «Божественный нектар», ни на «Драконью эссенцию», ни уж тем более на «Жидкое пламя». И её нигде не регистрировали.

— Но искажённой она всё же как-то стала, — говорю я и бросаю монету, чтобы дождался. Начинает накрапывать дождь, и мне совсем не хочется таскаться под этой моросью по улицам города в поисках экипажа.

— Стать-то стала, но мы со Стенбоком так и не смогли узнать, как. А пару недель назад... — Нильс снова оглядывается и, снова обнаружив никого у ворот управления, хрипло продолжает: — У той девушки на шее проступали багровые вены. Мейст Шанц после вскрытия сказал, что эта одна из возможных деформаций, хоть я таких раньше не видел. Правда, у меня и опыта мало, и я тогда успокоился. А сейчас...

Шанц работал в управлении до Свена, и когда-то, наверное, лет сто назад, был неплохим патологоанатомом. Но с возрастом стал не только хуже слышать, но и хуже соображать. К счастью, его сменил Шультен пять лет назад.

— Ты что-то собирался сказать про пару недель назад, — напоминаю я Нильсу и чувствую, как за шиворот заползает холодная капля. За ней ещё одна и другая.

— Да, говорил! — спохватывается бывший напарник, а потом взволнованно продолжает: — Я встретил мальчишку, обычного чистильщика обуви, и знаешь, что у него увидел?

— Багровые вены?

— Именно! Сначала решил, что показалось — они были не такие, как у той мисти... Я бы сказал, не так сильно выраженные, но я стал за ним присматривать.

— И что? — Несмотря на неприязнь, которую испытывал к Польману, я заинтересовался. Даже морось, стремительно переходящая в дождь, больше не раздражала.

Только, возможно, самую малость сам Польман.

— И ничего! — с досадой отзывается Нильс. — Я несколько дней за ним следил, ждал, когда искажения начнут проявляться, но он вёл себя нормально, а вчера, когда юнец чистил мне обувь, я не заметил у него на руке никаких следов взбугрившихся вен.

И вот он снова меня раздражает.

— Тогда не понимаю, в чём проблема. Парень здоров — и это замечательно. — Я распахиваю дверцу кэба, намекая, что нам пора прощаться.

Но Нильс явно не собирается закругляться.

— Я не сдержался, стал его расспрашивать. Он испугался, я видел это по его глазам, но упрямо повторял, что не понимает, о чём я. А сегодня... его на углу Угольной улицы больше не было. Хотя до этого каждый день там работал.

Польман был слепо влюблён не только в Терес, но и в свою работу, и порой слишком увлекался. Тогда я подумал, что мальчишку он допрашивал с не меньшим увлечением, чем до этого за ним следил. Не удивительно, что паренёк испугался и решил больше не показываться на одной из центральных улиц Гратцвига.

— Нильс, мне пора, — говорю я, но Польман вместо того чтобы наконец отвязаться, впивается пальцами в рукав моего пальто.

— Мне кажется, за мной следят. — Его глаза болезненно блестят. — Я уже второй день чувствую сверлящий спину взгляд. У меня плохое предчувствие, Эндер.

— Ты говорил со своим напарником? — я невольно хмурюсь.

Польман мрачно усмехается:

— Он назвал меня параноиком, посоветовал успокоиться и перестать работать внеурочно. Ещё и высмеял, мол, я испугался какого-то мальчика! Но я испугался не его, а... — Он резко качает головой, словно отмахивается от собственных слов. — Ладно, вижу, ты думаешь то же самое, что и Стенбок. Но я не параноик, просто... Извини, что побеспокоил.

Он убегает быстрее, чем я успеваю что-либо ответить. Убегает так, словно за ним гонится стая харгов или толпа искажённых. Я сажусь в кэб, делая себе пометку в памяти: найти завтра Нильса и подробно расспросить его о чистильщике. Пусть опишет паренька. Возможно, мне удастся что-то узнать.

Но разговора не состоялось. Той ночью в доме Польманов случился пожар. Погибли оба: и мой бывший напарник, и моя бывшая невеста. К счастью, Эдвина гостила у матери Нильса, иначе бы не избежала страшной смерти.

— Эндер, ты меня слышишь?

Я качнул головой, возвращаясь в прозекторскую, и вопросительно посмотрел на Шультена.

— Я говорю, что если ещё что-нибудь найду, обязательно тебе сообщу.

— Спасибо, Свен, — пробормотал я, с трудом вытягивая себя из мутного облака воспоминаний. — Буду благодарен за любую зацепку.

Управление я покидал с тяжёлой головой и не менее тяжёлыми мыслями. О прошлом, о настоящем, о непонятном будущем. Надеюсь, у Жени день прошёл лучше, чем у меня. А ещё я надеялся на спокойный вечер.

Но, как вскоре выяснилось, мои спокойные вечера закончились два дня назад.

Глава 10. Ра-а-анве-е-ей...

Женя Исаева

Остаток дня прошёл спокойно. Меня никто не трогал, не колот словами, не портил настроение непонятными намёками и ехидными замечаниями. Не знаю, какая кошка пробежала между Бальдером и Раннвей, но если он не перестанет, придётся рассказать Делагарди.

Чтобы убить время (да и скорее освоиться), я решила познакомиться со своим новым временным домом. Взяла Полин и, заявив, что желаю своими глазами увидеть, что здесь поменялось за

четыре года, отправилась бродить коридорами замка. Ну то есть особняка, но размерами он ничем не уступал маленькому замку.

На одном лишь втором этаже я насчитала девять спален и двенадцать ванных, будуар герцогини, мой, то бишь, гостиную герцога — другими словами, Эндера. Также здесь располагалась комната для курения и игровая. Первую имел право посещать только эйрэ, вторая могла быть интересна одной лишь Эдвине. Да и то, как оказалось, не слишком-то.

— Мисти Эдвина в последнее время почти не играет и редко здесь бывает, — сказала Полин, закрывая дверь в настоящий девичий рай. Каких игрушек там только не было... Особенно меня впечатлили фарфоровые куклы в роскошных нарядах. Я бы сама в такие с удовольствием играла, и плевать, что уже давно не маленькая. — Теперь она с большим удовольствием наряжается сама, чем наряжает своих кукол.

Эндер сказал, что Эдвине скоро исполнится тринадцать. Тот возраст, когда прощаешься с детством и постепенно вступаешь в юношество. Ещё немного, и Эдвина забудет сюда дорогу. Зато вполне может потребовать для себя ещё одну комнату, только уже для нарядов и украшений. Из того, что узнала от служанок и увидела сама, пришла к выводу, что Эндер девочке ни в чём не отказывал. Любая её прихоть исполнялась сразу же, будто по щелчку пальцев.

— А как у неё обстоят дела с учёбой? — спросила я, заглядывая в следующую комнату — одну из гостевых спален.

— Мисти Эдвина очень способная девочка, — похвалила наследницу Фармор горничная. — У неё отличная память и весьма... хм... богатая фантазия. — Полин бросила по сторонам взгляд, словно желая удостовериться, что нас никто не подслушивает, а потом тихо произнесла: — Но она ленился. И... не привыкла слушаться. Наверное, из-за этого ни одной гувернантке так и не удалось найти к ней подход, а их за то время, что я здесь, поверьте, было немало. Она... — Полин осеклась и, неожиданно побледнев, прижала пальцы к губам. — Ох, простите меня, леди Делгарди! Не следовало мне говорить такое о мисти Эдвине. Она же... Она же ваша племянница!

Я покачала головой и мягко ей улыбнулась:

— Всё хорошо, Полин. Наоборот, я благодарна тебе за искренность. Это одно из качеств, которые я превыше всего ценю в

окружающих меня людях. Поэтому я бы хотела, чтобы ты и дальше говорила мне только правду, какой бы она ни была.

— Так и будет, леди. Обещаю, — зардевшись, пробормотала служанка.

Из холла можно было попасть в гостиную и в зал для приёмов. Также из него в глубь дома уводили два коридора. В одном крыле располагалась кухня, подсобные помещения и комнаты для прислуги. В другом — столовая, хозяйский кабинет и библиотека. Я бы с удовольствием задержалась в последней (давно не встречала такого книжного богатства!), но незаметно подошло время ужина. А точнее, время переодеваний.

Понятия не имею, почему нельзя поесть в том платье, в которое была одета сейчас, но этикет обязывал принарядиться. Бросив последний взгляд на книжные стеллажи, тянущиеся до самого лепного свода, я отправилась наверх, а переодевшись и собрав волосы в причёску, спустилась в столовую.

Вовремя. Дракон уже вернулся и теперь восседал во главе длинного стола. За таким спокойно могли бы трапезничать человек двадцать, если не больше, но накрыт он был на три персоны. При виде меня Делгарди поднялся и отодвинул стул по правую от него руку.

— Добрый вечер, любимая. Как прошёл твой день?

Я вздрогнула. Уж больно непривычно было слышать такое обращение. Мой бывший муж (и самая большая ошибка моей жизни) называл меня так до свадьбы. И ещё пару раз во время медового месяца. А потом ему надоела лживая маска любящего, заботливого мужчины, и я узнала настоящего Игоря.

— Раннвей...

Я встрепенулась, прогоняя из памяти ненавистный образ, и постаралась улыбнуться новому мужу. К счастью, временному и фальшивому.

— День прошёл отлично. А каким был твой? Любимый...

Дракон дёрнул бровью, уловив в моём голосе иронию. Ну правда, не называть же мне его так, одаривая ласковым взглядом! На это мы не договаривались.

— Утомительно, — лаконично описал он последние несколько часов и жестом предложил садиться.

Заняв место за столом, я с удовольствием подумала о том, что ужин наверняка будет таким же вкусным, как и обед, и хотя бы это должно было поднять мне настроение.

Правда, и минуты не прошло, как оно испортилось.

— Где Эдвина? — обратился к одной из служанок Эндер. Кажется, её звали Ильвой. Милая девочка лет семнадцати, скромная и застенчивая.

— Мисти Эдвина сказала... что у неё нет аппетита. — Служанка опустила взгляд.

— Она точно именно это сказала? — мгновенно помрачнев, уточнил Делагарди.

— Она... — Девушка взволнованно закусила губу.

— Говори, Ильва, — холодно потребовал эйрэ.

И служанка призналась:

— Мисти Эдвина сказала, что не... сядет за один стол с леди Делагарди.

Я мысленно усмехнулась. Судя по тому, с какой осторожностью Ильва подбирала слова, Эдвина в выражениях не стеснялась. И очень сомневаюсь, что отзывалась обо мне, как о леди Делагарди.

— Бальдер! — прорычал дракон, и дворецкий в одно мгновение нарисовался в столовой, будто до этого стоял рядом и подслушивал. — Приведи Эдвину. Немедленно! И передай, если не захочет прийти сама, её сюда принесут.

— Слушаюсь, эйрэ, — проговорил дворецкий. Поклонившись, бесшумно исчез за дверью.

За столом воцарилась мрачная тишина. Ильва вжалась в стену, не решаясь ни уйти, ни приблизиться к столу. Еда на огромных серебряных блюдах выглядела более чем аппетитно, вот только после заявлений избалованной девчонки аппетита больше не было.

— Может, я поем у себя?

— Ты видела её сегодня? — одновременно со мной спросил Делагарди. На моё предложение он, кажется, даже не обратил внимания.

— Только когда мы приехали. Я обошла весь дом, но Эдвина мне на глаза не попадалась.

— Ты также собирала слуг. — Он посмотрел на меня в упор, и непонятно, то ли поощрял мою инициативу, то ли был недоволен.

— Я ведь хозяйка. Имею на то право.

И, к слову, раз уж я хозяйка... Поманила Ильву и попросила налить мне вина. Не поем, так хоть нервы полечу. Чует моё сердце (и все остальные органы тоже), Эдвина мне их ещё не раз попортит.

— Рад, что ты так быстро освоилась... Раннвей, — сказал дракон, наблюдая за тем, как тонкая багряная струйка собирается на дне бокала кровавой лужицей.

Не знаю, откуда взялось это сравнение, но оно напомнило об утреннем происшествии. О схватке и искажённом, оставшемся без сердца. О крови, залившей пол ресторана.

Стоило только это представить, и желание лечить нервы тоже пропало.

— Что стало с этим... Келлером? — вспомнила я имя погибшего. Точнее, убитого, но лучше я буду называть его погибшим. Чтобы лишний раз не вспоминать, что рядом со мной сидит ультор.

Палач.

— Тело забрали в управление. Будет проводиться расследование, — снова не стал блистать красноречием эйрэ.

— И кто его будет проводить? Ты?

— Ульторы работают в паре со следователями. Мой напарник, Рейер Таубе, возвращается завтра из отпуска. Вместе мы выясним, как Лувис Келлер стал искажённым.

— Разве тех, кто покупает эликсиры, не регистрируют? Не наблюдают за ними?

— Обычно — да, но случаются и досадные исключения вроде этого, — обтекаемо ответил Эндер и велел служанке разлить по тарелкам суп.

Из его ответов стало ясно, что он не любит говорить о работе и подпитывать свою жену новой информацией явно не намерен. Меня так и подмывало спросить о тени, о его предположениях, что это вообще может быть такое, но, во-первых, мы были не одни, а во-вторых, своим присутствием нас решила почтить мисти Эдвина.

Девочка вошла в столовую в сопровождении дворецкого. К моему удивлению, она не выглядела ни злой, ни даже насупленной.

Улыбнулась Делагарди, удостоила меня коротким, быстрым взглядом, после чего опустила по левую руку от опекуна.

— Как прошёл твой день, Эдвина?

— Я занималась. Готовила домашнее задание на завтра, — голос как у кроткого ангела и взгляд такой же. Если бы не видела её утром, решила бы, что это очарование просто не способно злиться.

— Молодец, — похвалил воспитанницу Эндер и как ни в чём не бывало принялся за еду, не удосужившись поинтересоваться, с какой такой радости она не собиралась есть со мной за одним столом.

Беря пример с дракона, я тоже разложила на коленях салфетку, взяла ложку и снова ощутила короткий, но острый взгляд девочки. Правда, та тут же опустила глаза в тарелку, сделав вид, что ничто, кроме крем-супа, её в данный момент больше не интересует.

— Как твои успехи в истории Кармара? — продолжил интересоваться обучением девочки Эндер.

— Мы почти закончили изучать предания о Чёрной Матери и Пепельной деве.

С некоторыми преданиями и я была знакома. Например, о Пепельной деве по имени Найва и её старшей сестре Майвор, которую впоследствии и называли Чёрной Матерью. Считается, что это из-за неё драконы не способны перевоплощаться. Из-за её проклятия, которое она наложила на всех Перерождённых после того, как один из них похитил прекрасную Найву.

— Отлично. А что с географией? — отвлёк меня от мыслей о преданиях голос Делагарди. — Знаю, ты не любишь этот предмет, но знание мира так же важно, как и любые другие.

— География скучная. — Эдвина забавно поморщилась, после чего со вздохом произнесла: — Последние несколько уроков мы изучали карту Дрелора.

Эндер удовлетворённо кивнул. Глотнув вина, задал очередной вопрос:

— Как, кстати, твой дрелорский?

— Мисти Ливен говорит, что я делаю успехи.

Я в разговоре участие не принимала и чувствовала себя здесь, мягко говоря, лишней. Пока ела, почти не ощущая вкуса пищи, украдкой поглядывала на Эдвину. У неё были такие же волосы, как у меня: длинные, густые, насыщенного медного цвета с алыми

проблесками. А вот глаза совсем другие: светлые, прозрачно-голубые. И очаровательные ямочки на щеках, которые появлялись всякий раз, стоило ей хотя бы немного улыбнуться.

Вот только наследница Фармор почти не улыбалась. Разве что утром, когда увидела Делагарди. И ровно до того момента, когда увидела меня.

— Ты, наверное, уже и не помнишь, но Раннвей отлично музицирует, — зачем-то вспомнил эйрэ о моей земной профессии. Взглянул на меня и перевёл взгляд на напряжённо замершую Эдвину. — Она могла бы тебя многому научить. Правда, любимая?

Я нехотя кивнула и заметила, как девочка побледнела. Тонкие пальцы схватили и сжали рукоять ножа для рыбы с такой силой, словно она готова была на меня с ним наброситься. Или на Эндера... За столь вопиющее, по её мнению, предложение.

Сделав над собой усилие, Эдвина разжала пальцы и дрожащим от ярости голосом процедила:

— Я лучше позволю обучать себя жабе, чем буду принимать уроки от Раннвей!

Вот, значит, как... Сидеть за одним со мной столом мы не желаем, музицировать вместе тоже. Что это? Обида от того, что Раннвей исчезла, или нечто большее?

Разрядившаяся было обстановка снова накалилась. Будь Эдвина на самом деле моей племянницей, и я бы сказала ей пару ласковых. Но сколько бы ни хорохорилась, я была чужой в этом доме. Я здесь не хозяйка и эта девочка мне тоже чужая.

Перевела взгляд на Делагарди, безмолвно спрашивая, как он поступит.

Эйрэ не стал нервничать, не стал заводиться. По крайней мере, внешне остался невозмутимым, и голос его звучал спокойно:

— Раз это то, чего ты хочешь, Эдвина, значит, так тому и быть. Бальдер, — он подозвал притаившегося в дальнем углу дворецкого. — Позаботься о том, чтобы к утру к нам доставили жабу, и чем крупнее, тем лучше. Посадим её за рояль рядом с Эдвиной, и я лично прослежу, чтобы ни одна из них не сдвинулась с места, пока урок не закончится.

Ого, он и такое может? В смысле зачаровать бедную амфибию. Или ещё что похуже придумает? Например, пришпилит её чем-нибудь

к сиденью стула... Я поморщилась и Эдвина тоже. Не знаю, о чём думала она, беспокоилась ли о ни в чём не повинном создании, как я, но было видно, что идея эйрэ ей не по нраву.

— Ты это серьёзно? — наконец выдохнула она, явно не веря, что её опекун способен на нечто подобное.

— Я также серьёзен, как и ты, Эдвина. Если тебя не устраивает Раннвей, будешь заниматься с жабой.

Девочка задохнулась от негодования. Безмолвного, потому что дерзить в адрес опекуна она не отваживалась. Это неожиданной тёте можно говорить всё, что ползет в голову. Но не дракону.

Решив, что на сегодня семейных концертов с меня достаточно, я поднялась.

— Пожалуй пойду. Уже поздно, устала...

И прочее, прочее.

Делагарди потянулся ко мне, чтобы коснуться моей руки. С трудом подавила дрожь, которая появлялась всякий раз, когда мы соприкасались кожа к коже. Тут же пробуждался страх Раннвей и ещё что-то... совершенно иное.

— Останься. Илма приготовила твой любимый черничный пирог с мороженым.

Любимый? Тряхнула головой и тут же себе напомнила, что всемогущий продолжает играть на публику. Ничего не имею против черничных пирогов, тем более с мороженым, но моими любимыми они никогда не были.

Вся эта забота и нежности для прислуги, Женя. Только для прислуги.

И выбрось из головы всякие глупости!

Высвободив руку из драконьих пальцев, опустилась обратно.

— А вот Эдвине уже пора. — Он перевёл взгляд на воспитанницу, и девочка вспыхнула.

— Но я ещё не доела! И... и пирог? — жалобно посмотрела она на Эндера.

— Сегодня останешься без пирога. В наказание за отвратительное поведение. Надеюсь, ты скоро придёшь в себя.

— И приму ту, что бросила нас? Никогда! — Она вскочила, едва не опрокинув стул. — Я никогда ей не была нужна! И ты тоже!!! — Метнув в меня, как боевой снаряд, злой взгляд, вылетела из столовой.

Вот и поужинали. В тихом семейном кругу.

Угу.

С видом, словно ничего не случилось, Делагарди сосредоточился на стейке, я же продолжила ковыряться ложкой в супе.

— Она успокоится, — заметив, что, в отличие от него, я не веду себя так, будто ничего не случилось, сказал эйрэ. — Просто... ей надо привыкнуть.

— А тебе надо с ней поговорить. Если она не рада возвращению тёти, то должна хотя бы порадоваться тому, что благодаря мне её не отдадут двоюродной бабке.

Дракон отложил столовые приборы и, промокнув губы салфеткой, бросил её, скомканную, на стол.

— Змея сумела расположить к себе Эдвину.

— То есть она не против переехать к Левенштернам?

Взглянув на молчаливых Бальдера и Ильву, последние несколько минут успешно изображавших истуканы, дракон поднялся.

— В силу возраста Эдвина многого не понимает. Да и не знает. Мне совершенно не хочется говорить ей, что в доме Данны ей может грозить опасность. — Выйдя из-за стола, он протянул мне руку и прошептал чуть слышно: — Предлагаю продолжить этот разговор за подписанием договора. — И уже громче дворецкому: — Бальдер, десерт подашь в мой кабинет.

И снова мурашки по коже, когда мою руку сжимают сильные пальцы. Снова беспричинное желание отстраниться, оказаться как можно дальше.

И одновременно... как можно ближе.

ТЬфу ты!

В кабинете я взяла себя в руки, выбросила из головы всё лишнее: и мысли о своих странных ощущениях, и те, что были о чужом ребёнке. Опустившись в кресло у письменного стола, сказала:

— Я готова читать. Где договор?

— Что-нибудь выпьешь? — вопросом на вопрос ответил Делагарди, наполняя свой бокал крепким напитком. Насыщенного тёмного цвета, такого же тёмного, как и ореховое дерево, из которого была сделана вся мебель в кабинете. И стеллажи, и подставка для глобуса с материками, морями, океанами, так похожими на земные, и вместе с тем совершенно другими.

Тоже чужими.

— Чтение жизненно важного для меня документа никак не совместимо с крепкими напитками.

— Всё ещё не доверяешь? — усмехнулся Делагарди.

— Предпочитаю оставаться с ясным умом. Для своего спокойствия.

Воткнув стеклянную пробку в графин с алкоголем, дракон подошёл к столу.

— Как знак? Никаких удобств не доставлял?

— А должен был? — настороженно вскинулась я.

— Нет, но я предпочитаю уточнить. Для своего спокойствия, — с иронией повторил он. Взяв со стола чёрную кожаную папку, протянул мне. — Читай, Женья.

— Раннвей, — поправила его и стала внимательно скользить взглядом по строчкам, вчитываясь в каждое слово.

Эйрэ сдержал слово и прописал в договоре всё, о чём мы договаривались. Никаких романтических отношений и уж тем более — интимных. Никаких, по сути, для меня обязанностей, кроме выходов в свет, где нам обоим придётся играть на публику. Эндеру строить из себя счастливого мужа, к которому вернулась обрётшая дар жена. Мне — исполнять роль тётушки, заботящейся о взбалмошной племяннице. Только один пункт заставил нахмуриться и вонзиться в Делагарди мрачным взглядом.

— Что это такое?

— Где? — невинно переспросил «благоверный».

— Здесь. — Я ткнула пальцем в несколько строк, написанных широким, размашистым почерком. Ткнула и зачитала вслух: — В случае возникновения непредвиденных обстоятельств действие соглашения может быть продлено на срок, оговорённый обеими сторонами. Что значит: продлено? Год — это и так немало!

— Этого не случится, — склоняясь над креслом, в котором я сидела, ответил Делагарди. Пробежался по договору взглядом, словно желая удостовериться, что я ничего не напутала, а потом добавил: — Года будет достаточно, чтобы Эдвина раскрыла в себе несколько даров или хотя бы один.

— Но что, если она окажется такой же, как Раннвей?

Вот тебе и непредвиденное обстоятельство.

Я обернулась к Делагарди и сразу поняла, что сделала это зря. Он ещё не успел выпрямиться, не успел отстраниться, и моё лицо оказалось в... эмм... неприличной близости от его. Мои губы были слишком близко к его губам, на которых почему-то и задержался предательский взгляд. После чего скользнул ниже: на чёткую линию подбородка с ямочкой, на шею... Верхние пуговицы рубашки были расстёгнуты, шейный платок он развязал, едва переступив порог кабинета. А губы...

Нет, не стоит возвращаться к губам.

Отвернулась и услышала тихий, но твёрдый голос дракона:

— Эдвина пошла в мать. С раскрытием даров сложностей не возникнет, поэтому этот пункт в договоре — чистая формальность.

— Формальность, которую придётся убрать, — выставив из головы всё лишнее, непреклонно заявила я.

И мысленно выдохнула, когда он выпрямился.

— Ты опять ставишь мне условия, Женя, — теперь в голосе Делагарди, до этого немного хриплом, почти мягком, звенела сталь.

— Условие. Одно. Которое тебе придётся принять.

— Придётся? — переспросил он коротко, отчего мурашки побежали по коже.

И уже не понятно, кто волновался сильнее: я или прошлая хозяйка этого тела.

— Придётся, — тем не менее повторила твёрдо, добавив в голос холодной решимости. — Иначе можешь воплощать в жизнь все свои угрозы, но и Эдвина здесь не останется, отправится раскрывать дары в дом двоюродной бабки.

Если бы взглядом можно было, как сигаретой, оставлять на коже ожоги, я вся уже покрылась бы волдырями. Не удержавшись, повела плечами в тщетной попытке стряхнуть внимание Делагарди. Куда там! Он всё ещё стоял сзади, но я всем телом ощущала, как он скользит по мне взглядом, заставляя каждый нерв дрожать от напряжения, а страх собираться в горле терпким, солёным комом.

Дракон не спешил с ответом, и когда я наконец услышала его ровный, холодный голос, невольно вздрогнула:

— Хорошо, Женя, — почему-то сделал ударение на моём имени. — Завтра получишь исправленный договор и, надеюсь, мы

наконец с этим покончим.

— У меня точно такие же надежды.

Он отошёл, и я поспешила подняться.

— Спокойной ночи, ваша светлость, — не стала задерживаться, сразу направилась к дверям, продолжая чувствовать на себе тяжёлый, мрачный взгляд.

— Спокойной ночи, Женя, — снова назвал он меня по имени, хотя обещал больше так не делать.

Оставалось надеяться, что остальные обещания он всё же сдержит, и через год я покину этот дом спокойно, без проблем и военных действий.

У лестницы меня поджидали Полин с Минной. Стоило мне приблизиться, как обе изобразили по книксену, после чего Полин дежурно начала:

— Если леди будет угодно, мы наберём ванну и...

Спасибо, уже накупалась.

— На сегодня отбой. — Я с трудом подавила усталый зевок (и ужин, и знакомство с договором оказались весьма выматывающими), а поняв, что только что сказала, поправилась: — Можете быть свободны.

— Но как же? — захлопала глазами Минна. — Мы поможем вам подготовиться ко сну, а потом...

Почитаете леди сказку на ночь? Подоткнёте одеяло?

Мне очень хотелось остаться одной, и с раздеваниями проблем никогда не возникало. Я давно привыкла к здешней одежде, меня ничуть не напрягали ни корсеты, ни крючки на корсажах, ни даже панталоны и многочисленные завязки.

— Как-нибудь в другой раз. — Улыбнувшись удивлённым служанкам, я отправилась наверх, наслаждаясь тишиной, полумраком, мягким звуком своих шагов.

Покой.

Не спеша дошла до комнат герцогини, бросая усталый взгляд на стены, на многочисленные портреты былых представителей Высокого дома Делагарди. Остановившись у своих дверей, невольно покосилась на те, что вели в покои эйрэ, после чего тряхнула головой и юркнула в спальню.

Здесь тоже было тихо, спокойно, а свечи на туалетном столике и у кровати добавляли обстановке уюта, настраивали на отдых и

успокаивали. В окна струился лунный свет, и я не стала их зашторивать. Никогда не любила спать в кромешной тьме, ещё с детства. Почему-то казалось, что в темноте таятся чудовища, и даже став старше, не смогла избавиться от детских фобий.

Только сняв одежду, поняла, насколько устала. С трудом заставила себя заглянуть в ванную, после чего поспешила к такой манящей кровати. Парчовое покрывало уже убрали, как и лишние подушки и валики. Откинув лёгкое, почти невесомое одеяло, я забралась в кровать, задула свечи и некоторое время просто лежала, наслаждаясь прохладой шёлковых простыней; тонким, витавшим в комнате, цветочным ароматом; стекавшим с подоконников на пол серебряным мерцанием. Лежала и вспоминала всё, что произошло за минувший день. Так и уснула, думая обо всём сразу и ни о чём конкретном. В нежных шёлковых объятиях, на мягчайшей перине. И наверное, проспала бы до самого утра, если бы не боль, вдруг ужалившая ключицу.

Казалось, кожу присыпали раскалённым углём. Я задохнулась в беззвучном крике, распахнула глаза и почувствовала, как рваной раной пульсирует место несуществующего ожога.

Я ведь не обжигалась. Я...

Застыла, услышав тихие, протяжные звуки, складывающиеся в слова:

— Ра-а-анве-е-ей... Ра-а-анве-е-ей...

Звуки, пробирающие до озноба.

Едва различимый шорох сверху. Вскинула взгляд и окончательно заледенела. В дальнем углу, закрывая собой лепной кант, что-то таилось. Тёмное, жуткое, бесформенное.

— Ра-а-анве-е-ей...

Тьма вздрогнула, шевельнулась, расплываясь по потолку чернильной лужей, а потом поползла, цепляясь за свод липкими щупальцами, устрашающе медленно подбираясь к кровати.

— Ра-а-ан... ве-е-ей...

Меня затопило страхом. Таким, что заставляет чувствовать себя беспомощнее наворожённого. Таким, от которого теряешь голос, и тело перестаёт слушаться. Я продолжала лежать, приподнявшись на локтях, и единственное, что слышала — это лихорадочный стук сердца в груди и имя, своё-чужое имя, звучащее в тишине жутким напевом.

Несколько тёмных капель, отделившись от тени, скользнули по завиткам люстры. Тихий перезвон хрустала — это качнулись хрупкие висюльки. Глухое шипение — капли упали на ковёр, оставляя жжёные проплешины.

— Мойя-а-а... Мойя-а-а Ра-а-анве-е-ей...

Тень поползла дальше, неумолимо приближаясь. Казалось, стоит закрыть глаза, и она исчезнет. А может, я проснусь, вырвусь из оков безумного сна, но ни проснуться, ни зажмуриться не получалось. Я неотрывно следила за своим ожившим кошмаром.

Тьма приближалась, передвигаясь на паучьих лапах. Ещё несколько мгновений, несколько отчаянных ударов сердца, и она зависла надо мной, парализованной страхом.

Не сразу поняла, что щёки обжигают слёзы. Я плакала, беззвучно, не способная издать не единого звука.

Ущипнуть бы себя.

Проснуться...

Ещё один миг, ещё один удар, и тень зависла надо мной летучей мышью. Не знаю, где только взяла силы отодвинуться. Вжалась в спинку кровати и всё-таки зажмурилась.

Сразу стало тихо, словно меня забросило в бесконечный вакуум. Вот только бояться я не перестала. Выдохнула, приказывая себе успокоиться. Собрав в кулак остатки храбрости, приоткрыла глаз.

И разразилась в крике, который и сама не слышала.

Она было рядом, совсем близко. Склонилась надо мной, закрывая собой всю спальню, весь мир, заставляя захлёбываться ужасом и беззвучным плачем.

Нависла и жадно прошипела:

— Моя!

Глава 11. Враги и друзья

Утро началось с тихого стука в дверь, которая спустя минуту осторожно приоткрылась.

— Ваша светлость...

Моя светлость нехотя разлепила один глаз.

— Эйрэ просил передать, что желает с вами завтракать.

А я желаю, чтобы меня не дёргали с утра пораньше со всякими драконьими завтраками.

— Который час, Полин? — спросила сонно, с трудом открывая второй глаз.

В комнате было светло, косые лучи заливали пол и пушистый ковёр зефирного цвета. Скользили по мебели, согревая светлое дерево, подсвечивали шторы, которые я вчера не стала задёргивать.

— Начало одиннадцатого, леди, — ответила служанка, и я со вздохом откинула одеяло.

Странно... Обычно я ранняя пташка, просыпаюсь без всяких будильников и уж точно не дрыхну до позднего утра. Даже когда ложусь поздно. Но сейчас было такое чувство, словно на плечи положили по слитку золота, и к ресницам прицепили тоже что-то очень тяжёлое. Я бы с удовольствием задёрнула шторы и провалилась обратно в сон. Ещё хотя бы на часок, а лучше — до полудня...

— Что мне передать его светлости? — напомнила о своём присутствии девушка.

С трудом подавив зевок, я поднялась и направилась в ванную:

— Передай, что скоро спущусь. — Заметив, что Полин открыла рот, собираясь что-то сказать, и примерно представляя, что именно, быстро добавила: — Одевать меня не надо, сама справлюсь.

Кивнув, девушка мышкой скользнула в коридор, а я неповоротливым медведем ввалилась в ванную комнату. Тело казалось тяжёлым, словно я сама стала слитком золота. Правда, отражение в зеркале ясно давало понять, что никакая я не золотая девочка, а скорее невыспавшееся чучело. Волосы венчали голову ржавым птичьим гнездом, под глазами круги, кожа бледная, без намёка на нежный румянец, который я так часто наблюдала на лице Раннвей.

— Одним словом, ужас, — подвела итог и стала умываться, надеясь, что прохладная вода с лепестками роз поможет хотя бы немного взбодриться.

В спальню возвращалась проснувшейся, но всё ещё в виде чучела. Плюхнувшись в кресло перед туалетным столиком, схватилась за расчёску, собираясь придать волосам более-менее приличный вид, и едва не задохнулась от страха, когда из зеркальной глади, вдруг подёрнувшейся рябью, на меня выскочило нечто туманообразное.

Я вскрикнула, расчёска улетела на пол, а серое облако, недовольно всколыхнувшись, опустилось на туалетный столик и, обретя знакомые очертания, с обидой поинтересовалось:

— Что это ты, милая, с утра такая дёрганая? Никак не признала старушку Вильму? Сколько меня не было? Пару дней? Вид у тебя, моя хорошая, такой, словно привидение увидела. — Она тихонько засмеялась. — Хотя о чём это я? Я ведь и есть привидение! Как твои дела?

— Неделю, — тихо уточнила я, подбирая с пола расчёску. — Мы не виделись неделю. И ты меня напугала!

Старушка хмыкнула:

— Ты, девонька, не первый день замужем, точнее — не первый день зрячая, а ведёшь себя так, словно я — единственная тень, которую ты повстречала. Плохо спала?

Вильма пододвинулась ближе, загородив собой зеркало, хотя то всё равно просматривалось сквозь полупрозрачную пожилую даму.

Зрящие не способны призывать души без содействия их родных. Только родственники или те, с кем у умерших при жизни сформировалась крепкая эмоциональная связь, могут притянуть тень в этот мир. Чувства живых своего рода магнит для покинувших землю. Такие, как я, видят и слышат духов, но не призывают. И сами духи тоже не появляются. Вильма — исключение. Её никто не звал, по крайней мере, никто из тех, кто ко мне обращался, не просил отыскать этот божий одуванчик. Она сама однажды явилась ко мне и с тех пор время от времени навещает.

Я слышала о неуспокоенных душах, застрявших в мире живых. Зачастую это либо жертвы преступлений, которые так и не были раскрыты, либо те, над кем не проводился погребальный обряд. Вильма не помнит, как она умерла, ничего не знает о своих родных. Не представляет, откуда родом и что её держит в мире живых.

— Жень-а-а? — Старушка пощёлкала полупрозрачными пальцами возле моего лица. — Ты, часом, не заболела, душа моя? Вон какая бледненькая, да и исхудала заметно. Почти такая же прозрачная, как я, стала. — Она снова рассмеялась, довольная своей шуткой, после чего, бросив по сторонам быстрый взгляд, уже серьёзно спросила: — Расскажешь, что это за место и что ты здесь делаешь?

— Выдаю себя за ту, кем на самом деле не являюсь.

— А разве ты не этим последние три года занималась? — с хитрой улыбкой заметила Вильма, имея в виду, что и имя, и тело мне не принадлежали.

Изначально. Теперь-то они мои и расставаться с ними я не собираюсь.

— Теперь всё стало ещё сложнее.

Пока расчёсывала волосы, а потом одевалась, рассказала о выступлении в театре, знакомстве с палачом и обо всём отсюда вытекающем. Вильма слушала, не перебивая, хоть и было видно, что молчание даётся ей с трудом. Она любила поболтать и, всякий раз, возвращаясь из, как она выражалась, «кругосветного путешествия», взахлёб рассказывала обо всём, что видела.

Это от неё я узнала о живописном Вальдене и маленьком, тихом Нортраме с его бесконечными холмами и зелёными пастбищами. Слушая рассказы Вильмы, я загорелась мечтой когда-нибудь перебраться жить в один из этих заморских краёв. Планировала с Кастеном, но теперь получается, что придётся одной.

Ну ничего.

— Вот ведь дурень, — подвела итог Вильма, имея в виду моего бывшего жениха-друга. — Это же надо было додуматься — выступить в театре! Ещё хорошо, что тебя этот ультор заметил. А мог бы кто-нибудь из законников предложить-навязать службу в следственном управлении.

— Так всё-таки предложить или навязать? — застёгивая крючки корсажа, спросила я.

Старушка мрачно усмехнулась:

— С твоими талантами у тебя не осталось бы шанса на отказ, душа моя.

Проплыв по комнате белёсым облаком, Вильма опустилась в кресло. Закинула ногу на ногу, поправила свою и без того идеальную причёску-ракушку, подёргала эфемерную серёжку с не менее эфемерным бриллиантом. Обычно тени не имеют чётких очертаний, лишь иногда в размытом сгустке тумана можно различить черты лица умершего. Но Вильме удаётся, уж не знаю как, обретать человеческие формы. Да, как и остальные тени, она кажется сотканной из марева, но это марево зачастую имело чёткие очертания.

Высокая стройная фигура, красивые благородные черты лица, которое не смогли испортить даже морщины в уголках глаз и у рта. У Вильмы была идеальная осанка и достойная подражания манера держаться. Правда, в иные моменты, словно забывая о том, что жизнь

свою она завершила в весьма преклонном возрасте, старушка становилась похожей на подростка. Было в ней что-то беззаботное, сумасбродное. Что-то шальное.

— Кто бы мог подумать... Теперь наша Вейя-Женя — леди Высокого дома. Раннвей Деллагарди-Фармор... — Оставив в покое серёжку, старушка принялась задумчиво потирать подбородок. — А знаешь что? Мне нравится! Ты, девочка, достойна и такого титула, и такого мужчины.

Заплетая волосы в косу, я покосилась на Вильму:

— Титул временный, и никакие мужчины, тем более палачи, мне не нужны.

— Никак не похоронишь прошлое, Женя, — пришла к непонятным для меня выводам Вильма. — А пора. Уже давно пора... То, что тебе не повезло в первом браке, не означает, что всё повторится.

— Во-первых, это не мой брак, и я здесь просто играю роль. А во-вторых... — Я завязала ленту на кончике косы. — Прощлое я похоронила. Уже давно. Вместе с прошлой собой.

— Ну-ну... — пробормотала она. Придирчиво оглядев меня с ног до головы, хитро сощурилась: — А что эйрэ сказал про новый гардероб? Украшения? Ты, конечно, будешь прекрасна даже в мешке из-под картошки, но женщине твоего статуса нужна красивая одежда.

— Он что-то говорил про портних, — рассеянно ответила я. Мысли уже перетекли к грядущему завтраку. С Эдвиной и... Деллагарди. И от них, этих невольных мыслей, почему-то пересохло в горле, а на бледное лицо Раннвей наконец вернулся румянец.

— Вот и правильно. Вот и замечательно... Он мне уже заранее нравится! — потёрла в предвкушении ладони старушка. — Помогу тебе выбрать ткани и определиться с фасоном. Я только из Вокрэйна, а там сейчас в моде такие шляпки! И платья у них что произведения искусства. Ты знала, что павлиньи перья отлично смотрятся не только в головных уборах, но и на юбках?

Готова поспорить на что угодно, при жизни Вильма была заядлой модницей и тусовщицей. Она обожала театры, выставки, музеи. Частенько заглядывала в дамские клубы, а иногда совала свой призрачный нос и в мужские. Правда, потом жаловалась, что у них там тоска смертная и совершенно нечего делать, кроме как смотреть, как

местные джентльмены хлещут крепкие напитки и читают газеты, но всё равно продолжала к ним наведываться.

Я также была почти уверена, что Вильма принадлежала к знатной фамилии. Ну а называть её стала так, потому что, когда увидела впервые три года назад, она словно заведённая бормотала: Вильма, Вильма...

Тогда она ещё не понимала, что умерла и стала призраком.

— Ты иди, милая, спускайся вниз, а я пока с домом познакомлюсь. Ну и, конечно, в столовую загляну, погляжу на твоего дракона-мужа.

Под «знакомлюсь» явно подразумевалось тщательное исследование каждой комнаты.

— Сильно не усердствуй, — улыбнулась старушке и отправилась на завтрак в обществе «дракона-мужа» и «племянницы».

Ещё подходя к лестнице, услышала, как по дому разнёсся звон механического звонка. Кто-то с явным нетерпением дёргал за шнурок, заставляя колокол в холле истерично дёргаться, звонить снова и снова.

— И кому с утра пораньше неймётся, — донеслось до меня недовольное ворчание Бальдера.

Я замерла в нерешительности, а потом стала уверенно спускаться. Мне здесь не от кого прятаться.

— Бальдер, что такое?! — разнёсся по холлу капризный женский голос, прозвучавший ещё громче колокола. А колокол звучал весьма громко. — Я под вашей дверью чуть в мумию не превратилась! Где все? Эндеру уже давно следовало бы сменить прислугу!

— Искренне сожалею, что не превратились, — невозмутимо ответил дворецкий, и я невольно улыбнулась.

— Тебя стоит рассчитать в первую очередь, — выцедила женщина, а вскинув взгляд на лестницу, расплылась в счастливой улыбке: — Раннвей, дорогая! Значит, это правда!

— Леди Данна Левенштерн-Фармор, — церемонно объявил дворецкий, после чего добавил, переведя взгляд на меня: — Полагаю, что это по вашу душу, леди. — И снова вернул его на гостью: — Желаете яду или, может, снотворного? Я настоятельно советую первое, но буду рад угостить вас хотя бы вторым.

Лицо нежданной родственницы побагровело. Казалось, она сейчас или лопнет от злости и возмущения, или начнёт метать глазами

молнии, а может, плюнет огнём в дворецкого. Не даром же драконица.

— Раннвей! И ты это допускаешь? — скинув Бальдеру на руки бархатную пелерину, Данна решительно устремилась к лестнице. — Он со всеми гостями ведёт себя так вопиюще нагло?!

Без понятия.

— Вы в моём сердце занимаете особое место, леди, — вякнул от двери домоправитель, получив в ответ раздражённый взмах руки в атласной перчатке.

— Это правда, милая? Ты вернулась с даром? — неожиданно переключилась на другую тему Данна, сделав вид, что о существовании Бальдера она просто забыла. Глаза женщины, не то светло-серые, не то блекло-зелёные, сверкнули от нетерпения.

Было видно, её большое волновал мой новоявленный дар, чем поведение дворецкого.

— Да, тётя. Всё это время я искала себя, свою силу, и наконец нашла, — сказала я то же самое, что говорил Эндер Флемингам. Думаю, это с их подачи «тётя» уже в курсе, что племянница вернулась не пустышкой.

— Одна новость лучше другой! — заявила Левенштерн, правда, как мне показалось, без особой радости и энтузиазма. — И что же ты, дорогая, в себе раскрыла?

От ответа меня избавило появление Эдвины. Девочка слетела с лестницы, на которой я по-прежнему стояла, не желая спускаться к Данне. Сбегая вниз, Эдвина как бы невзначай меня задела. Так, что я чуть не покатила по ступеням прямо к ногам Левенштерн.

— Осторожней!

Если Эдвина меня и услышала, то виду не подала. Сделала вид, что натолкнулась на вазу или на какую-нибудь подставку, перед которой не стоит извиняться. Ну кто извиняется перед неодушевлённым предметом?

— Бабушка Данна! — Маленькая нахалка сердечно обняла родственницу, а та, вместо того чтобы расплыться в улыбке, скривилась.

— Я же просила, Эдвина, так меня не называть. Просто «Данна» мне больше нравится.

Наверное, я бы на её месте тоже была недовольна. Леди Левенштерн выглядела отлично: на лице ни единой морщинки, а в

густых мелко вьющихся волосах — ни намёка на седину. Ну какая из неё бабушка?

Одета она была со вкусом и элегантно: в тёмно-синее платье с турнюром. Воротник-стойку, отделанный кружевом, украшала золотая брошка, в ушах сверкали бриллианты, а на левом запястье, ослепляя блеском камней, красовался сапфировый браслет.

Лёгкий румянец на щеках, едва заметная помада на тонких губах, вуаль из пудры и лёгкий шлейф цветочного аромата, который я ощутила, когда всё-таки к ней спустилась.

— Извини ба... Данна, — Эдвина быстро поправилась и посмотрела на леди глазами ангела. — Больше не буду.

Женщина удовлетворенно кивнула.

— Ты заметила, Раннвей, какая из нашей Эдвины растёт красавица? — Она ласково потрепала девочку по щеке. — Так похожа на маму... Будем надеяться, что и даров в ней раскроется столько же, сколько было у Терес. Не хотелось бы, чтобы мой покойный брат — да прибудет с ним Великий Дракон — и на том свете испытал разочарование. Ему хватило разочарований и в этом, — добавила она, ввинчиваясь в меня взглядом.

Мне непрозрачно намекали, кто для Хеймера Фармора был в этом мире разочарованием.

— Уверена, так и будет, — ответила я, переведя взгляд с Данны на льнущую к ней Эдвину.

Не то чтобы я вдруг записалась в её болельщицы, но слова Левенштерн вызвали раздражение. Вроде и обнимает девочку, по голове мягко поглаживает и при этом всем своим видом даёт понять, что ни сколько не сомневается: Эдвине не светит наследство Фарморов.

— Эдвина, ты рада возвращению Раннвей? — медово разулыбалась гостья.

Девочка громко фыркнула, изо всех сил показывая, что она ко мне испытывает.

— Ещё как рада, — ответила я за язву. — И моему возвращению, и тому, что теперь ей не придётся покидать ставший родным ей дом.

Эдвина удивлённо захлопала ресницами, словно слышала о переезде впервые в жизни.

— Но... — растерянно пролепетала она.

А Данна жёстко произнесла, глядя мне прямо в глаза:

— Боюсь, Раннвей, тебя не было слишком долго. Ты и раньше была не в состоянии заботиться о чужом ребёнке, а после стольких лет отсутствия... — Она дёрнула тонкой, похожей на полумесяц бровью и смерила меня взглядом, в котором читалось: не справишься. — Этот год для Эдвины очень важен. Рядом с ней должна быть опытная драконица, наставница. Мать. У меня трое детей, — не без гордости заметила Левенштерн. — Младшей, Кикки, уже исполнилось четырнадцать. Её раскрытие должно было начаться в прошлом году, но мы решили подождать. Из-за Эдвины. Чтобы девочки уже вместе занимались и открывали в себе силу.

Эдвина смотрела на нас широко распахнутыми глазами. В тот момент мне захотелось стукнуть Делагарди. А если бы мы с ним не встретились и ему бы пришлось отдать ребёнка? Мог бы хотя бы предупредить её, что такое возможно. Подготовить.

— Бабушка, но я не хочу... — начала взволнованно девочка.

Я её перебила:

— Уверю вас, тётя, я в состоянии позаботиться о племяннице.

— Ты всегда была такой болезной, — не сдавалась Левенштерн.

— Я уже давно не болею, — холодно встретила её взгляд, в котором с каждой секундой концентрировалось всё больше злости. — И стану для Эдвины помощью и поддержкой. Вам же, напротив, лучше сосредоточиться на своей дочери и на раскрытии её силы. Вы нужны Кикки, а у Эдвины есть я.

Не знаю, кого мои слова удивили больше: «тётю» или «племянницу». Теперь уже обе хлопали глазами, а я тем временем гадала, как выпроводить Левенштерн и при этом не показаться негостеприимной хозяйкой.

Положение спас Делагарди, который наконец соизволил появиться.

— Леди Левенштерн, мы вас не ждали.

Он показался из коридора, уводящего в его кабинет. За спиной у дракона маячил Бальдер.

— В этой семье у всех плохо с манерами? — наморщила свой припудренный носик леди.

Мы с Эндером переглянулись, и он с усмешкой заметил:

— О плохих манерах свидетельствует привычка появляться без приглашения. Обычно вы так и делаете, леди Левенштерн.

Короткое замешательство Данны перетекло в праведные возмущения:

— А что я, по-твоему, должна была делать?! Сидеть дома, зная, что моя единственная(!) племянница вернулась? Можно сказать, воскресла из мёртвых! Конечно же, я сразу к вам помчалась, так не терпелось увидеть Раннвей, своими глазами удостовериться, что это не просто сплетни: девочка жива и здорова.

— Никто не записывал Раннвей в покойники, — невозмутимо парировал эйрэ.

— Да ну! — хмыкнула Левенштерн. — Все уже давно решили, что Раннвей погибла. Сначала сбежала от мужчины, которого боялась до умопомрачения — это все видели, а после, неприспособленная к самостоятельной жизни, наложила на себя руки. Об этом писали...

— Эдвина, иди в столовую. Мы сейчас подойдём, — прервал Эндер словесный поток и так посмотрел на воспитанницу, что та сразу исчезла, словно нежный цветок, сдутый резким порывом ветра. Мгновение, и дракон перевёл взгляд на Левенштерн: — Не знаю, что ты читаешь, Данна, где собираешь эти глупости, но у нас с Раннвей всё было хорошо, а теперь станет ещё лучше.

Дёрнув уголком губ в слабом подобии улыбки, она неожиданно коснулась моей руки, и... меня затопило тёплыми, светлыми эмоциями Раннвей. Чувство было такое, будто в одночасье перенеслась к морю, и теперь стояла, подставляя лицо ласковым лучам солнца, нежному бризу, с наслаждением вслушиваясь в шум прибоя. Идиллия. Кажется, прошлая хозяйка этого тела любила Данну или как минимум была к ней привязана.

— Бедное дитя. Ты пыталась спасти себя и... не смогла, — прошептала она. — И я тоже не в силах тебе помочь...

— Тебе пора. — В голосе дракона льда было больше, чем на всём Северном полюсе.

Отстранившись, Данна бросила на него холодный взгляд:

— Не имею ни малейшего желания оставаться в доме, где сами стены протравлены притворством. Ты, Эндер, только делаешь вид, что заботишься об Эдвине, испытываешь нежные чувства к Раннвей. На

самом же деле тебя интересует лишь состояние Фарморов. Ты корыстный, хитрый...

— Леди давно смотрелась в зеркало? — напомнил о себе дворецкий, и щёки Данны, и без того уже налившиеся румянцем, приобрели свекольный оттенок.

В то время как на лице дракона не осталось ни кровинки. Пусть он и старался казаться невозмутимым, было видно: слова Левенштерн задела что-то у него внутри.

— Высокому дому Делагарди не нужны чужие наследства, — заметил эйрэ.

— Я говорю не о деньгах. — Данна хищно сощурилась. — Ты потому и ухаживал за Терес, а когда та предпочла тебе другого, сразу переключился на Раннвей. Когда же стало известно, что Хеймер не собирается ничего оставлять дочери-пустышке, но готов признать внучку, взялся за Эдвину. Я тебя, ультор, насквозь вижу!

— Бальдер, проводи гостью, — кажется, дракон окончательно потерял терпение — на скулах уже отчётливо просматривались желваки, а на шее яростно пульсировала тёмная жила.

Что же касается меня, я уже давно потеряла нить разговора. Что вообще происходит?

Кто бы мне ещё объяснил всё...

— С удовольствием, — мгновенно оживился дворецкий и ринулся к Левенштерн. — Леди, прошу. Если надо будет, я помогу.

Фыркнув, Данна взглянула на меня в последний раз, смерила полным не то презрения, не то ярости взглядом Делагарди и, гордо задрав подбородок, направилась к выходу.

— Пойдём, Раннвей, — мрачно бросил Эндер.

Я последовала за ним в столовую, продолжая пропускать через себя слова Данны и чувства Раннвей.

Многое из того, что она сказала, заставляло задуматься и вызывало кучу вопросов. Раннвей пыталась себя спасти? От чего? Или... от кого? От Делагарди? Почему она боялась мужа и испытывала самые тёплые чувства к тёте, а на меня Данна, наоборот, произвела, скажем так, не самое приятное впечатление. Что же касается Эндера... Я и сама пока не понимала, какое впечатление он на меня производит и какие вызывает... хм, эмоции. В идеале, путь лучше вообще ничего не вызывает.

У нас договор, по сути рабочий контракт. Он для меня работодатель, а я не признаю служебных романов.

На последней мысли я запнулась и до боли себя ущипнула. Какие служебные романы?! Ты что несёшь, Женья?!

Вполне возможно, что от этого мужчины вообще следовало держаться подальше, хоть подальше, увы, уже поздно. Что за разговоры о наследстве? Если дракону не нужны деньги, тогда что? И нужно ли вообще что-то? Делагарди утверждает, то корыстная змея у нас Данна, а Эдвина — единственная для неё преграда на пути к наследству Фарморов.

Вот только... стоит ли верить Делагарди?

Глава 12. Опасения

Завтрак прошёл в напряжённом молчании. Не уверена, что кто-то из нас троих наслаждался едой или хотя бы ощущал её вкус. И рогалики, и булочки с клюквой, и миндальные пирожные в любое другое время подняли бы мне настроение, но сейчас я была поглощена вопросами, которые после визита Данны появились у меня к дракону.

Эдвина тоже почти ничего не ела. То ли не была сладёной, то ли и её неожиданный визит родственницы оставил в растрёпанных чувствах. Что же касается Эндера, тот быстро отгородился от нас газетой, которую ему церемонно на подносе вручил Бальдер, поэтому понять, какие чувства обуревают господина ультора, было невозможно.

Жаль, мне газеты не дали. Я бы тоже сейчас чем-нибудь ото всех отгородилась. Особенно от взглядов Эдвины. Думала, мои слова станут первым шагом к нашему пусть и не сближению, так хотя бы к относительному миру, но девочка смотрела на меня так, словно готова была распять. Прямо здесь и сейчас пригвоздить к стене ножами да вилками.

Картина со мной, пригвождённой к шёлковым обоям, оказалась настолько живой и яркой, что я невольно вздрогнула и настороженно покосилась на десертную вилку в руках Эдвины.

— Всё в порядке, любимая?

Уйдя в свои мысли, я не заметила, что дракон уже успел отложить газету и теперь пристально за мной наблюдает.

— Всё замечательно, — улыбнулась в ответ с натяжкой.

А Делагарди добавил, бросив взгляд на мою тарелку:

— Ты почти ничего не ела.

— Позже поем. Что-то нет аппетита.

— Тогда, — он одним глотком допил кофе, — предлагаю сейчас закончить то, что мы не успели вчера. Скорее всего, вернусь домой поздно.

Я кивнула и поднялась следом за драконом.

— Хорошего тебе дня, Эдвина. — Он быстро поцеловал девочку в макушку, после чего добавил: — Постарайся не огорчать мисти Ливен. Не хотелось бы искать ей замену, тем более что найти замену учительнице с такими блестящими рекомендациями будет непросто.

В ответ чудесная девочка лишь мрачно кивнула, и я поняла, что мисти Ливен ещё не раз её стараниями огорчится. Бедняжка... Мы с ней ещё не познакомились, но я заранее ей сочувствовала и сопереживала.

В кабинете сразу взялась за контракт и, к счастью, осталась им довольна.

— Можем подписывать.

— Хвала Великому Дракону, — явно ёрничая, отозвался палач.

Обойдя стол, достал из ящика чернильницу, открыл её, после чего извлёк из футляра небольшой нож, своим тонким лезвием очень похожий на канцелярский. Уверенно и ловко, словно каждое утро этим занимался, уколол себе палец, а когда капля крови утонула в чернилах, вытер лезвие платком и протянул миниатюрный кинжальчик мне.

— А кровь... зачем? — спросила я, облизав вдруг ставшие сухими губы.

После случившегося на дирижабле вид даже крошечной ранки вызывал у меня чуть ли не приступ паники.

— Чтобы наш договор был не просто бумажкой. Так ни ты, Женя, ни я не сможем отступить от его условий.

Превозмогая дурноту, я уколола указательный палец и выдавила в янтарного цвета чернильницу одну алую каплю. И сразу сунула палец в рот.

Делагарди хмыкнул:

— Я хотел предложить платок, но да ладно. — Обмакнув в «кровавых» чернилах кончик пера, поставил на бумаге размашистый росчерк.

Я стояла с пальцем во рту и, ощущая на языке солоноватый привкус, с интересом наблюдала, как багряного цвета краситель, искрясь и сверкая, высыхает на бумаге, становится обычной чёрной росписью.

Никаких тебе кровавых подписей. Всё чинно и благопристойно.

— Что будет, если один из нас всё же нарушит договор?

— Тому, кто это сделает, станет плохо, — будничным тоном ответил Эндер, словно я спрашивала о прогнозе погоды, а он предупреждал, что сегодня будет облачно.

— Насколько плохо? — уточнила настороженно.

— Лучше тебе не знать, Женя, — сказал он, протягивая мне перо. — Да и зачем? Ни ты, ни я не отступимся от своего слова.

Перо я всё-таки забрала, после чего тоже расписалась. А что оставалось делать? Не пасовать же в последний момент. Да и кто мне это позволит... Наверное, глупость, но чувство при этом было такое, будто заключаю сделку с демоном и вместо года жизни отдаю ему душу.

— Рад, что с формальностями наконец покончено, — сказал «демон», пряча договор в сейф, угнездившийся за книгами в стеллаже.

А я буду рада, когда будет покончено со всеми загадками и недомолвками.

Неотрывно глядя на Делагарди, поинтересовалась:

— Что имела в виду Данна, когда говорила, что ты охотишься за наследством Фарморов?

— Ничего такого, что стоило бы твоего внимания, — попытался отмахнуться от разговора Делагарди.

Но отмахнуться не вышло.

— Позволь мне самой решать, что стоит моего внимания, а что нет. — Я скрестила на груди руки и посмотрела на него с вызовом. — Такие ответы вызывают ещё больше вопросов и заставляют задуматься, а нужен ли Эдвине опекун или ей будет лучше с родственниками.

Наверное, последнее говорить не стоило. От взгляда дракона, колючего, острого, по спине пробежал мороз. Или, скорее, под кожей начали вырастать ледяные колючки. Не самые приятные ощущения. Ещё немного, и начну испытывать к нему те же чувства, что испытывала Раннвей.

— Об этом тебе уже точно думать не стоит, — резко отчеканил он.

Понятно, не моего ума дело. Может, и так, но отступить я не собиралась. Встала перед Деллагарди, загородив собой дверь, и, не прерывая зрительного контакта (хотя, если честно, с удовольствием бы прервала), сказала:

— Я всё ещё жду ответа.

Он закатил глаза, всем своим видом показывая, как ему не нравится такая «жена».

— Иногда я жалею, что ты не Раннвей.

Ну да, та наверняка лишний раз рот открыть боялась.

В очередной раз ужалив меня взглядом, он с раздражением проговорил:

— Сегодняшняя сцена — одна из многих никчёмных попыток Данны лишить меня опеки над ребёнком. Она выдумала, что я якобы охочусь за древней реликвией Фарморов, спрятанной харг его знает где в их родовом имении. Или под именем.... Версии разнятся, и есть ли в них хотя бы доля правды, я не представляю. Да мне это и неинтересно.

— Что за реликвия? — заинтересовалась я.

Дракон усмехнулся:

— В том-то и дело, что никто даже смутно не представляет, что она из себя представляет. Это может быть статуэтка, а может, и украшение. Картина, шкатулка, оружие... Кто что только ни выдумывал.

— И что в ней такого особенного?

Откинув крышку карманных часов, «муж» бросил быстрый взгляд на циферблат, после чего сунул их обратно в карман жилета, серого, расчерченного тёмно-синей клеткой.

— Считается, что этот предмет, что бы он из себя ни представлял, способен вернуть его обладателю, потомку Перерождённых, способность превращаться в дракона. А с ним и многочисленные... «бонусы». — Он замолчал, как будто о чём-то раздумывая, а после всё же продолжил: — Если верить легенде, счастливый обладатель наследия Фарморов уподобится Великому Дракону, обретёт силу, о которой уже давно никто не слышал. А с ней — неуязвимость, долгие годы жизни. И под годами жизни я подразумеваю не сотню лет, а много, много больше.

— Звучит заманчиво, — задумчиво пробормотала я. — Я бы от такой чудо-реликвии точно не отказалась.

— У каждой медали есть обратная сторона. — Он стянул со спинки кресла сюртук, давая понять, что наш разговор окончен. — Я бы не хотел жить сотни лет, хороня, снова и снова, тех, кто мне дорог. Да и оборот, если верить древним хроникам, доставлял нашим предкам невыносимую боль. А главное, я уже давно вышел из возраста, когда верят в сказки, и копать в старье Фарморов не собираюсь.

— То есть ты действительно всё делаешь ради Эдвины? Бескорыстно? Она ведь тебе никто!

И снова я ляпнула явно что-то не то. Он едва не зарычал в ответ на моё заявление. Не знаю, как сдержался, и вместо рычания лишь холодно выцедил:

— Она дочь Терес и Нильса. Она уже давно стала моей дочерью. Скажи, в той прошлой жизни у тебя были дети?

Сердце словно кольнуло иглою.

— Не было, — проронила чуть слышно, невольно вспоминая о наших с Игорем неудачных попытках.

Проблемы со здоровьем были у меня, и муж не уставал меня этим попрекать. Не то чтобы он так ждал ребёнка... Просто ему нравилось делать мне больно, снова и снова задевать за живое, напоминая о моём бесплодии.

И этот туда же.

Напоминает.

— Тогда тебе не понять, что это такое: быть родителем, растить ребёнка. Неважно, своего или чужого. — Очередной прицельный удар, от которого теперь уже мне хотелось зарычать. — Если бы ты была матерью, Женя, тебе бы не пришло в голову спрашивать, почему я не хочу отдавать Эдвину Данне.

— Мы с Кастеном планировали и семью, и детей. Но ты всё испортил! — не сдержавшись, выпалила я. Выскочила из кабинета, желая оказаться как можно дальше от этого «отца года».

Не пришло бы в голову спрашивать...

— Мне не пришло бы в голову спрашивать, если бы ты относился ко мне, как к исполнительнице главной роли в этом спектакле, а не как к бутафорическому дереву на заднике сцены, — процедила раздражённо и почувствовала, как ультор взял меня за локоть.

Дёрнула рукой, ускорила шаг.

— Тише... Раннвей. Не все комнаты в этом доме защищены звуконепроходимым пологом. Уж точно не коридоры.

Ну конечно! У него и комнаты под магическими пологам, и на всё готов ответ. Вот только ответы эти приходится вытягивать клещами.

— Это мне знать не стоит, туда лезть не надо. Не спрашивать, не интересоваться. Слепо доверять и со всем соглашаться! — продолжала я распалаться.

Умом понимала, что не надо — откуда ему было знать о моих проблемах и несбывшихся надеждах, но всё равно злилась.

— Тогда ты будешь идеальной, — ухмыльнулся этот... недодракон и, как ни в чём не бывало, привлёк меня к себе и коварно поцеловал в щёку. — Хорошего тебе дня, любимая.

«А тебе — препаршивого».

В холле крутился Бальдер и одна из служанок. Это для них был поцелуй и ласковые пожелания. Борясь с желанием потереть щёку, проводила дракона мрачным взглядом и отправилась к себе.

Интересно, Вильма слышала наш разговор? Или полог защищает и от любознательных духов? Может, она будет не такой лаконичной, как господин ультор, и объяснит мне, что это за реликвия такая и почему она должна храниться у Фарморов.

Эндер Делагарди

На утреннее собрание я, как ни спешил, всё равно опоздал. И благодарить за это стоило ведьму Левенштерн. Хотя я и сам тоже молодец! Должен был предугадать, что она примчится сразу, как только узнает о возвращении племянницы. Змея и примчалась. Точнее, снова вползла в мой дом в надежде укусить, ужалить побольнее и, увы, с этим ничего нельзя было поделать. Я не мог запретить ей навещать Эдвину, а теперь ещё буду вынужден терпеть её возле Жени.

При мысли о девушке раздражение вспыхнуло с новой силой. Нет, на девчонку я не злился — на её месте тоже задавал бы вопросы. Но вот Данну с удовольствием отправил бы к харгам. Придушил стерву голыми руками!

Уже не первый год Левенштерн наполняла Кармар сплетнями обо мне и Раннвей. Якобы я женился на младшей Фармор из-за харговой

сказки. Иногда к этим рассказам приплетались и богатства Фарморов, но если кому и было нужно их состояние, так только Левенштернам.

Данна любила красиво одеваться, обвешивать себя и дочерей дорогими цацками. Её муж, Рангель, любил ставки, шлюх и напитки покрепче. Желательно всё вместе и ежедневно. Бокс, скачки, пари — годилось всё, что разжигало в крови адреналин. Его знали в каждом подпольном клубе Гратцвига, где проводились ставки на тотализаторе, а о его долгах слагали легенды. Похлеще той, что любила повторять Данна высшему свету.

Наследство Фарморов им было жизненно необходимо, но чудовище и корыстный ублюдок здесь я.

— Вернер, скорее! — раздражённо поторопил я водителя, заметив, как машина медленно, словно мы на прогулке, тащится вверх по улице. — Ты там уснул, что ли?

— Почти приехали, эйрэ, — отозвался шофёр и крепче сжал пальцы на стальном руле паромобиля. Чувствовал, что я не в духе, и тоже нервничал. — Выжимаю из этой лошадки все силы.

— Выжимай усерднее, — бросил я и снова, сам того не желая, вернулся мыслями к Левенштерн и её лжи.

Данна сделала всё, чтобы в Кармаре поверили: на Раннвей я женился из-за наследства. Деньги и перспектива отыскать древнюю реликвию — вот что двигало коварным эйрэ. Никто не верил в мою внезапную любовь и желание породниться с пустышкой. Да это и понятно. Мои чувства к Раннвей были далеки от светлых и романтических, и я не собирался строить из себя нежно влюблённого. Иногда я и сам не мог понять, что к ней испытываю.

Жалел ли её? Несомненно. Кроме Терес у неё больше никого не было. Хеймер младшую дочь не любил, а возможно, что и ненавидел. И не стеснялся показывать это на протяжении всей своей жизни.

Уважал ли я свою жену? Вряд ли. Раннвей была слишком слабой. В драконице, с даром или без, должен быть стержень. Раннвей же была бесхребетной.

Порой она меня раздражала, а иногда казалось, что я её презираю. Недостойное эйрэ чувство, но... Мне навязали этот брак. Мне навязали запуганную, никчёмную девицу, которая с подачи Хеймера Фармора стала частью моей жизни.

Когда она исчезла... Стыдно признаться, но я испытал облегчение. Мне было жаль Раннвей и в то же время...

Ей не было места в моём сердце.

Тогда я ещё не понимал, что ребёнок, которого мне, по сути, тоже навязали, станет мне дочерью. Пусть Эдвина и не моей крови, но я люблю её как родную.

И не отдам лживой суке.

— Приехали, эйрэ, — радостно возвестил Вернер.

Радовался он тому, что уже через каких-то пару минут моя хмурая физиономия исчезнет из его поля зрения. Обычно я отправлял водителя домой, а если в течение дня требовалось передвигаться по городу, пользовался рабочей машиной.

— Заедь на обратном пути в ювелирную к Мэйферу, заberi украшения, которые я выписал для её светлости.

— Слушаюсь, эйрэ, — кивнул водитель и закрыл за мной дверцу паромобиля.

На лестнице у входа в управление курил Рейер. При виде меня напарник затушил сигарету, вдавив окурочок в каменный поручень, и, оттолкнувшись от перил, двинулся навстречу.

— Ты опоздал, — сообщил он с улыбкой. — Экеблад долго психовал.

— Из-за того, что я не приехал на совещание?

Обычно к концу рабочей недели характер главы управления, Арильда Экеблада, становился чуть менее скверным, чем был в начале. К сожалению для нас, сотрудников управления, неделя только начиналась.

— Скорее, из-за твоей счастливо возвратившейся жены. Боится, что теперь ты будешь посвящать ей время, которое мог бы посвятить своей бессменной любовнице — работе.

— Мне на всё хватит сил. Читал мой отчёт?

— И твой, и Шультена, — кивнул Рейер. Потянулся к карману за очередной сигаретой. Достав из портсигара, задумчиво покрутил папиросу между пальцами, а потом, видимо, передумав курить, заложил за ухо. — Не знаю, чем ты занимался всё утро... Хотя могу представить! С такой-то красавицей, как твоя супруга. — Он похабно ухмыльнулся, но под моим взглядом быстро опомнился и уже совсем

другим тоном продолжил: — Я выяснил, где жил и работал наш покойник. Откуда будем начинать с ним знакомиться?

— С дома, — ответил я и невольно вспомнил, чем занимался всё утро со своей красавицей-супругой.

Сначала отгонял от неё ведьму, а после... смотрел ей в глаза и видел, как в них зарождается недоверие и страх. Иногда казалось, что Раннвей меня боится, хоть я и не давал поводов.

Не хотелось бы, чтобы это чувство овладело и Женей.

Глава 13. Эдвина против всех, и все против Эдвины

Женя Исаева

— И что ты о нём думаешь?

Вильма появилась в спальне почти сразу же, не успела я закрыть за собой дверь. Просочилась сквозь стену, осмотрелась, словно размышляла, а там ли, куда собиралась, она оказалась. Заметив меня, просияла озорной улыбкой, явно предвкушая задушевный разговор с новоиспечённой хозяйкой особняка Делагарди.

Впрочем, никакой хозяйкой я себя здесь не ощущала. Скорее, приبلудной кошкой, заточённой в красивую клетку коварным драконом.

— Краси-и-ивый, — протянула старушка, отвечая на мой вопрос. Бесшумно опустившись на край кровати, застеленной заботливыми служанками, прикрыла глаза и блаженно заулыбалась. — Весь из себя импозантный, суровый, властный. М-м-м... — Стрельнув в меня хитрым взглядом, доверительно добавила: — Мне всегда нравились такие мужчины. Уверенные в себе, самодостаточные. А этот ещё и дракон впридачу!

— Вильма! — прикрикнула я на призрака.

Честно говоря, надеялась, что она расскажет мне что-нибудь полезное о Делагарди, а не вот эти все дифирамбы... То, что красивый, и сама знаю. Но оно мне... без надобности!

Мысленно прикрикнув и на себя (на всякий случай; чтобы в голову не лезло всякое лишнее), спросила у старушки:

— Как думаешь, он действительно заботится о девочке или действует из каких-то других побуждений?

— Без понятия, — безразлично передёрнула она плечами и снова вернулась к интересующей её теме: — А какой у него голос... Аж

мурашки по коже! Это я в хорошем смысле, — уточнила спешно, после чего томно выдохнула: — Такой тембр, такая сила... И этот взгляд: цепкий, пронизывающий. А эти губы...

Невольно представила и губы, и взгляд, и дракона в целом. Представила и едва справилась с порывом запустить в Вильму подушкой.

— Пожалуйста, сосредоточься. Ты слышала, о чём мы с ним говорили в кабинете?

— Нет, — с оттенком досады вздохнула старушка. — Туда, сколько ни пыталась, проникнуть не смогла. И слышать ничего не слышала. Чуть голову о стену не расшибла, так к тебе... к вам рвалась, милая, — пожаловалась она и, дёрнув ногой в маленьком, будто детском, башмачке, сказала: — Библиотека тоже для меня закрыта, как и спальня этой девчушки. В комнату для курения не пробраться, а главное — даже одним глазком не взглянуть на покои Делагарди!

Последний факт явно вызывал у призрачной дамы сильнейшую досаду. Она ещё активнее задёрнула ногой и чаще завздохала, всем своим видом показывая, мол, где это видано запечатывать чарами всё самое интересное и важное.

Представив ультора в пижаме и бесцеремонно наблюдающую за ним Вильму, невольно хмыкнула и тут же нахмурилась:

— Но в мои покои ты без проблем проникла. Почему на них нет никакой магической защиты?

— Дак это же очевидно! — воскликнула старушка. — Тогда твой благоверный не сможет за тобой следить, — сказала просто, а у меня от её простых слов едва челюсть не скрежетнула. — Он явно из тех мужчин, которые предпочитают всех и всё контролировать. А ты для него незнакомка. Чужачка. За тобой он точно будет присматривать.

Присматривать, значит... Будет стоять под дверью, приложив ухо к пустому стакану, и слушать? Кого, если я здесь одна? Ну, почти одна. Но о Вильме никто не знает и пусть так будет и дальше.

— Только не проси его об охране, ладно? — подняла она на меня синие, непривычно яркие для возраста, в котором умерла, глаза. — Кого тебе здесь опасаться? Некого. А я, если наложит чары, больше не смогу к тебе являться. И это будет...

Вильма не договорила. Взгляд её стал понурым, а глаза (я готова была поклясться) заблестели от подступающих слёз. Никогда не

видела, чтобы духи плакали, но эта старушка — исключение из всех возможных правил. Уверена, при желании она вполне сможет разреветься, а мне совсем не хотелось её расстраивать. Как и терять единственного близкого человека. Ну то есть духа.

— Хорошо, не буду, — успокоила свою подружку, и та сразу воспрянула духом.

Расцвела улыбкой, бодро проплыла по спальне, а обернувшись, с нетерпением поинтересовалась:

— Ну так о чём вы говорили? Давай, признавайся!

Слушая о загадочной реликвии, Вильма тихонько хмыкала и поглаживала родимое пятнышко на шее в виде полумесяца. Она всегда так делала, когда о чём-то размышляла.

Стоило мне умолкнуть, как привидение задумчиво пробормотало:

— Знаешь, я вроде слышала об этой легенде, но вот что именно... — Горько вздохнуло и снова, проплыв по спальне, опустилось на край кровати. Вильму всегда расстраивали эти провалы в памяти, злило, что она вроде что-то и знает, но это что-то как будто пряталось под пластами вакуума.

— Ничего страшного. Думаю, узнать о ней будет не проблема, — попыталась успокоить старушку.

А та вдруг оживлённо всколыхнулась:

— Но я точно знаю, почему этот артефакт, или что оно вообще такое, приписывают Фарморам!

— Вспомнила?

— Как бы не так! — хмыкнула Вильма и с воодушевлением зачастила: — Недавно мне довелось послушать одного зануду-мейста. Ты же знаешь, что я иногда навещаю в эти их мужские клубы. Осмотреться, убить время... Так вот, я только сейчас сообразила, что тот зануда как раз и обсуждал со своим приятелем Фармором!

— И о чём же они говорили? — Опустившись в кресло возле туалетного столика, я с интересом посмотрела на Вильму.

— Если коротко: о родовом древе этого Высокого дома. Якобы Фарморы берут своё начало от Пепельной девы. Той самой девицы, что была похищена драконом, с которым у неё потом случился ребёнок. Это из-за неё нынешние драконы и являются лишь блёклой тенью своих могущественных предков. Так что вполне логично, что, если и существует способ вернуть им вторую ипостась и все связанные

с нею способности, то искать его стоит у потомков Найвы. Во как! — Вильма вскинула вверх призрачный палец и с довольным видом добавила: — Всё запомнила. Ничего не забыла.

— Но разве Найва не сгорела вместе с младенцем?

Кастен рассказывал, что в Гратцвиге даже есть статуя, возведённая в честь этой девушки: пленница дракона с младенцем на руках и рассыпающиеся вокруг них хлопья пепла. Говорят, она сделана настолько искусно, что кажется, будто не из камня высечена, а действительно собрана из крупиц пепла.

— Вроде бы она пыталась сбежать от него вместе с ребёнком, и дракон, охваченный яростью, сжёг их.

— Не-е-ет, — покачала головой Вильма. — Сжёг он только её. Вернее, огнём окатило обоих, но пламя не коснулось драконёнка. Это нынешние всемогущие боятся огня, как и обычные люди. И правильно делают! Помнится, говорили мейсты в клубе и о последних Фарморах. Говорили ли? — Она на секунду нахмурилась, вспоминая, и тут же бойко добавила: — Да, точно! Сестра Раннвей как раз и погибла в огне, можешь себе представить?

Я могла. Вот только не очень хотела. Эндер рассказал о смерти Терес, вскользь, и я была благодарна, что обошёлся без подробностей.

По коже пробежал мороз, стоило вспомнить о страшной гибели старшей Фармор и её мужа. Терес была драконицей, но огонь всё равно её уничтожил.

— Драконы стали уязвимы из-за проклятия Чёрной Матери?

— А то, — кивнула старушка. — Говорят, Майвор была самой могущественной ведьмой, когда-либо живущей на земле. А кто-то утверждает, что она — земное воплощение матери-природы. Некоторые и вовсе называют её богиней, вселившейся в сестру Найвы, чтобы лучше узнать своих созданий, прожить одну человеческую жизнь. Любовь Майвор к этой девочке была настолько сильной, что, когда её похитили, а потом сожгли, она отдала всю свою силу, а с ней и жизнь, чтобы лишить драконов могущества. Из всемогущих и неуязвимых они превратились в тех, кого мы знаем сегодня. — Вильма тихонько хмыкнула. — Они лишь номинально всемогущие, на самом же деле многие из них такие же, как и обычные люди. Например, Раннвей, которую все считали слабой пустышкой. Ты знала, что её покойный отец, Хеймер Фармор, ненавидел её за это? За отсутствие

силы. Нет? Но это ещё не всё, милая. Он винил девчущку в смерти жены. Роды были тяжёлыми, леди Фармор вскоре скончалась. Но ребёнок-то в чём виноват? А ещё...

Вильма осеклась и, пробормотав радостно-взволнованное: «Приехала!», слетела с кровати, метнулась к окну. Просунула голову сквозь стёкла, расчерченные на мелкие квадраты светлыми рамами, и тут же разочарованно выдохнула:

— Нет, кажется, не портниха. Где папка с эскизами? А где образцы тканей? Ленты, кружева, пуговицы... Кто ж является к леди с пустыми руками!

Я приблизилась к окну и увидела, как по мощёной дороге к дому спешит миниатюрная девушка. В ридикюле, что сжимала в руках, едва ли могли поместиться эскизы и образцы тканей. Одета она была в чёрную юбку в складку, строгий жакет и блузу.

— Скорее всего, это гувернантка Эдвины, мисти Ливен, — пробормотала я, рассматривая темноволосую девушку.

Словно почувствовав мой взгляд, она подняла голову. Я машинально отпрянула от окна, хотя могла бы просто кивнуть ей и улыбнуться. Но поздно, девушка уже успела подняться на крыльцо, а вскоре дом наполнил звон колокола.

— Жаль, я думала, это портниха, — ответила Вильма и, просочившись в окно, отправилась не то знакомиться с садом, не то дожидаться вызванную драконом модистку.

Модисток, к слову, оказалось две, и у каждой было по паре помощниц. Они прикатили вскоре после гувернантки и полностью оправдали ожидания моей полупрозрачной приятельницы. Мистис Стина привезла с собой, как она выразилась, лучшие ткани во всём Кармаре. Правда, явившаяся следом за ней мистис Мерит на это заявление пренебрежительно фыркнула, после чего гордо заметила, что она единственная во всей столице выписывает ткани из самого Ладейла. Понятия не имею, где это и что это, но Вильма в ответ на её слова восторженно захлопала в ладоши.

Честное слово, как маленький ребёнок.

Нахлопавшись, принялась довольно потирать руки:

— Вот это я понимаю мужская забота. Одна такая тряпочка, — указала она на отрез перламутрового шёлка, — знаешь сколько стоит?

Хотя нет, лучше тебе не знать. Не буду тебя пугать!

Ответить ей я не могла, иначе портнихи решили бы, что у счастливо возвратившейся леди Делагарди не хватает в голове шурупов и винтиков. Поэтому старалась не обращать на Вильму внимания, а уделять его портнихам, но игнорировать тень было непросто.

Вильма трещала как заведённая:

— Ладейл славится своими тканями на весь мир! К слову, ладейловские шелка и парча весьма капризны, но если уметь с ними обращаться... Скажи, что хочешь платье из вот этого богатства! — потребовала она, явно не желая выпадать из образа капризной девчонки. — А ещё из вон той ткани, этой и... Ах, куда она прячет мой золотистый муслин?! Ну что за спешка?!

Преисполненная возмущением, Вильма подлетела к помощнице мистис Стины — молоденькой девушке, аккуратно сворачивающей отрез ткани, которая мне не понравилась. А может, понравилась... Если честно, я уже плохо соображала, что здесь происходит, и была согласна на что угодно.

Весь будуар забросали отрезами ткани, которые одна за другой тыкали мне под нос портнихи и их помощницы. Кофейный столик был завален эскизами платьев, но я понятия не имела, чего мне хочется. Точнее, имела — чтобы меня скорее оставили в покое. На кой харг мне дюжина бальных платьев и столько же для приёмов? Костюмы для конных прогулок, блузы и юбки, бельё, ночные сорочки, корсеты и турнюры — кажется, мне собиралисьшить тряпок на каждый день грядущего года. Один раз надела и хватит, можно выбрасывать.

Пустые, бестолковые траты.

— Мне столько не надо, — попыталась заикнуться, отчего обе портнихи, не сговариваясь, одновременно, схватились за сердце.

— Леди!

— Ваша светлость!

— Ваше положение...

— Ваш статус!

— Обязывает и вменяет...

— Вот только ещё одно платье!

— А как вам эта юбка? Нравятся рюши?

— Соглашайся, милая. Соглашайся на всё, иначе не отстанут, — посоветовала Вильма и, снова просочившись сквозь пышногрудую модистку Стину, отчего та непроизвольно вздрогнула, стала разбираться, что она ещё не успела достать из своего саквояжа: — О, кружавчики! Мне нравится...

Всё стало совсем плохо, когда прикатил Вернер с горкой бархатных футляров и заявлением, что это мне от эйрэ подарок. Портнихи, которые уже вроде как собирались отчалить, сразу оживились.

И всё началось сначала...

— Надо бы глянуть, подойдут ли украшения к выбранным тканям.

— И с фасонами тогда уже точно определимся.

— Ах, как красиво!

— Умерские сафиры? Просто невероятно!

— А это правда жемчуг из Клодана?

«Дракона — убить, портних — разогнать», — пришла я к выводу спустя минут пять после того, как Вернер сбежал. Бальдер, умный и счастливый человек, сюда даже не совался. Только забегала служанка подать чаю. Но лучше бы, конечно, принесла какой-нибудь убойной наливки. Чтобы я могла всё это вытерпеть.

Собиралась уже выйти из образа леди и спровадить этих трещоток, когда дом наполнился громким женским визгом. Голоса сразу смолкли, я бросилась в коридор, радуясь, что появился повод сбежать от блюстительниц кармарской моды.

Добежав до классной комнаты (именно там минуту назад визжали, а теперь, кажется... плакали?), толкнула дверь и застала неожиданную картину. Опасалась увидеть, что с Эдвиной что-то случилось, но та была в порядке. Чего нельзя сказать о её гувернантке. Последняя почему-то обнаружилась не за учительским столом, а на нём. Крутилась и прыгала, как цапля, и при этом ревела так, словно её пытали.

— Снимите его с меня! — заметив меня, прорыдала она. — Пожалуйста! Умоляю!!!

— Кого снять? — растерянно спросила я, скользя по девушке внимательным взглядом.

Молоденькая. Лет двадцати, не больше. Хрупкая, миниатюрная, даже ниже меня ростом. Если не вглядываться в лицо, вполне сойдёт за

девочку-подростка. Разве что очки в тёмной грубой оправе и коричневатая помада на губах придавали мисти Ливен возраста.

— Чудовище! — выпалила она и снова завертела головой, пытаясь заглянуть себе за спину.

Я подошла ближе, чтобы посмотреть туда же, но девушка вертелась юлой, мешая осмотру.

— Крыса! — наконец вытолкнула она из себя вместе с рыданиями. — На меня запрыгнула крыса!

— А минуту назад вы утверждали, что это была мышь, — подала голос из-за парты Эдвина.

То ли девочка не боялась грызунов, то ли появление мыши-крысы в классной комнате для неё не было сюрпризом — она выглядела скорее довольной, чем удивлённой, словно сама запустила сюда, как выразилась гувернантка, чудовище.

— Ай! — Мисти Ливен подпрыгнула на столе. Со стороны казалось, будто она одновременно отбивает чечётку и танцует ламбаду. Пусть это и выглядело комично, но желания улыбнуться у меня не возникло. — Она укусила меня! Болит! Как же больно-о-о...

Она снова попыталась извернуться, но я успела схватить её за руку. Легонько сжала пальцы и спокойно, но твёрдо сказала:

— Мисти Ливен, на вас ничего нет. Поверьте, я бы заметила даже самую крохотную мышку, не говоря уже о крысе.

Девушка вздрогнула и перевела на меня заплаканный взгляд.

— Но я... я её чувствовала. Она забралась мне под блузу! Она...

— Вы чувствуете её и сейчас? У вас действительно что-то болит?

Шмыгнув носом, гувернантка неуверенно покачала головой, словно сомневалась в собственных ощущениях.

— Вот и хорошо. — Я удовлетворённо кивнула. — Тогда спускайтесь и позвольте мне помочь осмотреть вашу одежду.

Всхлипнув, она осторожно спустилась сначала на стул, а потом спрыгнула на пол. К тому времени к нам уже успели присоединиться «зрители»: Бальдер и портнихи. Вильма, не имевшая доступа к классной комнате, маячила в коридоре.

— Бальдер, пусть в гостиную подадут чай и пирожные, — распорядилась я, беря мисти Ливен под руку. А проходя мимо, тихо добавила: — Вместе с успокоительным.

Портнихам же предложила продолжить в другой раз.

Кивнув, дворецкий вышел из классной комнаты, вежливо попросив мастериц следовать за ним. Те явно были не прочь задержаться, но делать нечего — пришлось прощаться. Спустившись вместе с гувернанткой в гостиную, я закрыла двери и внимательно её осмотрела, хотя и так было ясно, что никакой мыши на ней нет, и вряд ли какому-нибудь грызуну хватило бы смелости запрыгнуть на человека.

— Всё в порядке. — Я ободряюще улыбнулась заплаканной воспитательнице. — Никаких чудовищ на вас не обнаружено.

— Извините меня, ваша светлость, — всхлипнула она и опустила взгляд, словно её одолевало чувство стыда. — Вы, должно быть, считаете меня сумасшедшей.

Когда выходила из классной комнаты, поймала взгляд Эдвины, преисполненный торжества, заметила довольную усмешку на губах. Тут явно не гувернантка сошла с ума, а избалованная девчонка что-то учудила. Чем-то приманила грызуна? Возможно. Надо будет попросить Бальдера расставить ловушки по дому.

— Я не считаю вас сумасшедшей, — подарила ей ещё одну мягкую улыбку, после чего указала на изящный диванчик, обитый блестящим бархатом. — Присядем?

Кивнув, мисти Ливен опустилась на диван, я устроилась в таком же нарядном кресле. Скользнула взглядом по пышному букету в вазе, что стоял на столике рядом, вдохнула аромат розовых и лиловых хризантем, а потом сказала:

— Померещиться может всякое. Я, например, очень боюсь пауков и, когда была подростком, видела их в каждом углу и в каждой щели. Они мне повсюду мерещились.

— Но мышь мне не привиделась, — пробормотала гувернантка. Вздохнула резко, будто ей не хватало воздуха, после чего продолжила и, пока говорила, нервно мяла ни в чём не повинную юбку: — Я только начала проверять домашнее задание мисти Эдвины по географии, только раскрыла тетрадь, как увидела это... омерзительное существо! — Она поморщилась так, словно в мире не было ничего ужаснее мелкой норушки. — Оно шмыгнуло по столу и — как прыгнет на меня! Я так испугалась! Пыталась сбросить эту дрянь, но чувствовала, как она ползёт по мне, пытаюсь пробраться под одежду.

Это был такой кошмар! — Она содрогнулась всем телом. — Давно мне не было так страшно.

Отворилась дверь, пропуская служанку с подносом, заставленным тарелочками и чашками. Не спрашивая, я сразу добавила в чай несколько капель успокоительного и подала чашку учительнице.

— Благодарю вас, — слабо улыбнулась девушка.

Пододвинув к ней тарелку с пирожными, я завершила:

— Мы обязательно озаботимся этой проблемой, и в следующий раз в классную комнату не проскочит даже комар.

Увы, шутку мою не оценили. На тонких губах гувернантки не промелькнуло даже тени улыбки.

Придерживая блюдце одной рукой, а в другой — чашку, мисти Ливен с тяжёлым вздохом сказала:

— Боюсь, я больше не смогу к вам приходить. Простите меня, ваша светлость, но... — Она замялась, на пару мгновений, а сделав глоток, продолжила, с явной осторожностью подбирая каждое слово: — Мисти Эдвина очень умная, сообразительная девочка, но я ей не нравлюсь. Оттого нам тяжело находить общий язык. Мне кажется, будет лучше, если эйрэ подберёт для неё кого-то другого, с кем девочке будет комфортно.

Судя по тому, что уже успела о ней узнать, этой чудовищной девочке ни с кем не комфортно. Если уж с этим робким ангелом (а именно такой мне виделась нынешняя гувернантка) она не смогла подружиться, то и других воспитательниц постигнет такая же участь. Тем более что мисти Ливен не первая учительница, сбегаящая из этого дома.

— А если я поговорю с Эдвиной? Эйрэ хорошо о вас отзывался, и мне бы не хотелось, едва с вами познакомившись, сразу прощаться. Давайте не будем торопиться.

Слово за слово, и мне всё-таки удалось уговорить учительницу не увольняться. Постепенно она расслабилась, перестала смущаться, и мы неплохо пообщались за успокоительным с чаем и сладким. Эта девушка мне, определённо, нравилась: умная, воспитанная, милая. Вот чего не хватает Эдвине?

Чего не хватало мне, так это приятного общения, а значит, никаких увольнений!

Отпустив гувернантку (сегодня она уже была не в состоянии продолжать занятия), я вернулась в гостиную и попросила служанку, составлявшую на поднос чашки:

— Приведи, пожалуйста, мою племянницу.

Пришло время нам с ней пообщаться.

Эдвина появилась спустя минут двадцать, когда я сама уже собиралась за ней отправиться. Вошла в гостиную с таким недовольным видом, словно её сюда на привязи тащили. Упёрлась в меня взглядом, скрестила на груди руки и со скупающим видом спросила:

— Ну, что тебе от меня нужно?

Я встретила её взгляд максимально спокойно и постаралась, чтобы и в голосе не звучало лишних эмоций.

Что тебе от меня нужно?

— Надо будет попросить мисти Ливен уделять больше внимания занятиям по этикету. Очевидно, что у тебя в этой области пробелы.

Точнее, один сплошной пробел.

— Разве она не уволилась? — Наследница Фармор демонстративно поморщилась, всем своим видом показывая, что надеялась больше никогда не видеть гувернантку.

— Нет, и не уволится. Её выбрал Эндер, она понравилась мне.

— Ну и что, что понравилась? Ты здесь ничего не реша... — набрав в лёгкие побольше воздуха, начала было вредная девчонка.

Я её перебила, спокойно, но твёрдо:

— Я здесь хозяйка, а ты моя племянница. Я несу за тебя ответственность, и твои поступки...

— Поздно же ты вспомнила о своей ответственности! — выпалила она, и снова в её глазах отразились злость и обида, как тогда, когда впервые меня увидела.

— Что ты с ней сделала? — вернулась я к инциденту с учительницей. Теперь мой голос звучал резко и требовательно — я начинала терять терпение. — Где нашла мышь?

— Не понимаю, о чём ты. — Опустив голову, Эдвина мазнула туфелькой по ворсу ковра. Раз, другой, явно не желая смотреть мне в глаза.

— Я могу допустить, что в доме завелись мыши, но они будут бегать от людей, а не набрасываться на них. Поэтому спрашиваю ещё

раз: что ты сделала, чтобы так напугать бедную учительницу? И не пытайся отнекиваться, — добавила в голос стали. — Ты отсюда не выйдешь, пока не признаешься!

Нервно тряхнув руками, Эдвина вскинула на меня взгляд. Раскаянья от неё я не ждала; скорее, очередных обид и упрёков, а может, злости, но девочка неожиданно улыбнулась, довольно, с издёвкой:

— Он тебе не рассказал?

— Рассказал о чём?

Я нахмурилась, а Эдвина довольно хмыкнула:

— Значит, не доверяет. Значит, ни во что не ставит. Как раньше! — Светло-голубые глаза сверкнули торжеством и злорадством. — Я помню, как шептались слуги. Когда ты только сбежала.

— Я не сбежала...

— Бальдер тебя терпеть не мог. Как и половина горничных! — заявила она с явным удовольствием. — Разве что мистис Илма жалела. Хрупкую, нежную леди... Но она каждую приبلудную кошку жалеет. Всех подкармливает и...

— Эдвина, хватит!

— Ты всегда нас ненавидела, — сжимая пальцы в кулаки, прошипела девочка. — Его. Меня. И мне не понятно, почему вы сейчас изображаете любовь и счастье?!

— Ради тебя и изображаем! — не выдержав, процедила я. Собиралась оставаться спокойной, собиралась повоспитывать чужого подростка, но это, как оказалось, совсем непросто.

Если не сказать — невозможно.

— Или ты забыла об утреннем визите леди Левенштерн? — Поднявшись с кресла, я подошла к девочке. — Мы делаем всё, чтобы ты осталась с нами. И хотя бы за это тебе стоит быть благодарной!

Эдвина сощурила глаза:

— Мне не за что тебя благодарить. Не за что любить! Всё, что ты наговорила бабушке... Ложь! Враньё!!! Ни за что не поверю в твою показную заботу. Тётя! — Последнее слово она почти выплюнула и сразу бросилась к выходу.

Я её опередила. Упёрлась ладонью в дверь, и та, едва приоткрывшись, тут же с треском захлопнулась.

— Я не разрешала тебе выходить. — Словами не передать, сколько сил мне потребовалось, чтобы голос снова звучал спокойно. Хотелось кричать, но вместо этого я сдержанно продолжила: — Твоё поведение неприемлемо. Не только по отношению ко мне, но и к мисти Ливен. За выходку с гувернанткой будешь наказана.

— Посадишь возле меня жабу? — съязвила нахалка, напоминая об угрозах дракона, которые так и остались всего лишь угрозами.

— Закрою до ужина в классной комнате. Наедине с учебниками, которые ты так «любишь». А если мисти Ливен ещё раз на тебя пожалуется или что-то её напугает, ты из той комнаты больше не выйдешь. И сегодня снова останешься без десерта! — припечатала строго, после чего, приоткрыв дверь, позвала дворецкого.

Я, конечно, неоригинальна, но и опыта в воспитании детей у меня не было. Правда, судя по выражению лица наследницы, для неё всё это было в новинку. И второй вечер без сладкого, и день в четырёх стенах в компании нудных, по её мнению, учебников.

— Но дядя... — закинулась было она, хлопая в изумлении ресницами.

— Эндер больше не станет закрывать глаза на твои выходки, Эдвина. Никто в этом доме.

Дуясь и поджимая губы, она дышала тяжело и громко, напоминая маленький взбешённый паровозик. А когда я попросила явившегося на мой зов дворецкого проводить её в классную комнату, капризно топнула ногой, словно это могло чудесным образом изменить моё решение.

— Узнаю, что её выпустили, будет сидеть взаперти до выходных, — пригрозила я напоследок и кивнула Бальдеру, чтобы перестал стоять истуканом и проводил её на второй этаж. Кажется, дворецкий был удивлён не меньше малолетней бунтарки.

Её что, вообще никогда не наказывали?

Эдвину увели, я вернулась в гостиную, в которую уже успела проникнуть Вильма.

— Вот и поговорили... — вздохнула призрачная старушка.

— Что-то мне уже не хочется никаких детей, — устало заметила я.

А про себя добавила: и никаких мужей тоже. Особенно таких, у которых тайна на тайне и тайной погоняет.

Он тебе не рассказал?

Не рассказал!

Сегодня у меня уже второй раз возникает мысль об убийстве дракона. А ведь это только первый официальный день нашей «семейной жизни».

Боюсь, до последнего глава Высокого дома Делагарди просто не дотянет.

Глава 14. Кто вы, мейст Келлер?

Эндер Делагарди

Мой нынешний напарник, как и Нильс Польман, не был драконом, но благодаря «Жидкому пламени» сумел обзавестись одним очень интересным даром. И весьма полезным в нашем деле.

— Меня много не бывает, — с довольной физиономией любил повторять Рейер.

И хоть у меня на этот счёт было иное мнение, но...

Но дар его действительно был полезным.

Правда, пользовался он им даже когда в этом не было необходимости. Например, пока допрашивали домработницу покойника, Рейер, оставаясь со мной визуальной проекцией, отправился «гулять» на второй этаж. Не думаю, что мистис Ингвер не позволила бы нам осмотреть дом, но он всё равно решил «раздвоиться»: обыскивал комнаты и параллельно слушал мой разговор с экономкой.

Пребывая в уверенности, что в кресле у камина действительно сидит мой напарник, почтенная мистис рассказывала о своём работодателе, не забывая при этом усердно шмыгать носом и подносить платок к покрасневшим глазам. Не знаю, что её расстраивало больше: смерть Лувиса Келлера или внезапная потеря работы.

— Он был хорошим, — оценила она хозяина, в очередной раз вытирая слёзы. — Требовательным — да, а порой и слишком придиричивым. Но в целом — хорошим.

— И к чему же он обычно придирился?

— Мейст Келлер любил чистоту и идеальный порядок. Чтобы листочек к листочку и нигде не пылинки.

Рейер аккуратностью не отличался, а во время обысков этот его изъян становился очевидным. Боюсь, поднявшись на второй этаж,

мистис Ингвер обнаружит то, что так не любил покойный хозяин — бардак.

Словно в подтверждение моих мыслей наверху что-то гроыхнуло, и я поспешил заверить удивлённо примолкшую женщину:

— Это на улице. Продолжайте...

Замешкавшись, мистис Ингвер всё-таки продолжила.

Из её слов выходило, что Лувис Келлер был одиноким нелюдимым холостяком. Она никогда не видела, чтобы он приводил к себе домой какую-нибудь хорошенькую мисти. А друзья, если всё же таковые имелись, в гости к нему не ходили. Вредных привычек за ним также не наблюдалось — Келлер скрупулёзно следил за своим здоровьем. Не то потому что слишком себя любил, не то из-за того, что страдал от многочисленных аллергий.

— Он был очень переборчив в еде. Очень, — рассказывала экономка то периодически кивающей, то поощрительно улыбающейся проекции Рейера.

Ну и мне, разумеется.

— Ещё животных терпеть не мог. Не потому что был злым — опять же аллергия. Если где-то поблизости появлялась кошка, он тут же начинал чихать и покрывался красными пятнами.

И при этом рискнул обзавестись магией?

— Что вам известно о его родных?

Мистис Ингвер развела руками:

— Только то, что где-то за океаном живёт его троюродный брат. Кажется, в Умере... — она нахмурилась и дёрнула за край платка. — Нет, точно не помню... — Вздохнув, чуть слышно добавила: — Наверное, ему и отойдёт дом и всё содержимое банковской ячейки. Насколько мне известно, больше у мейста Келлера ничего не было.

— В каком банке у него ячейка? — Я сделал ещё одну пометку в блокноте.

— Да в том же, в котором и работал.

— Ключ от неё он хранил дома?

— Не знаю, — женщина неуверенно пожала плечами. — Он лишь раз о ней обмолвился. А я вам рассказала.

Где бы ни находился ключ, без ордера нам им не завладеть и уж тем более не воспользоваться. Без нужных бумажек в банковское

хранилище даже не стоит соваться. Ордер получить возможно, но потребуется время. По крайней мере, сегодня узнать, что хранил в ячейке искажённый, точно не выйдет.

Но в Королевский банк Кармара, место службы господина Лувиса, мы всё же решили заглянуть. Быстро пообедав в первой попавшейся забегаловке, поехали в деловой центр столицы, где и находился один из крупнейших банков мира.

— Не складывается картинка, — задумчиво проговорил Таубе, постукивая по сиденью паромобиля пальцами. Он явно остался недоволен обыском дома. Не обнаружил ничего, кроме идеального порядка, которым хвасталась пожилая служанка. — Келлер шугался кошек, боялся лишний раз съесть яблоко и при этом рискнул принять дрянь неизвестного происхождения, чтобы обзавестись силой? Одно с другим не вяжется!

Я кивнул, соглашаясь с напарником.

— Возможно, его заставили. Кто и зачем, а главное, что он принял — надо будет выяснить.

— Это дело становится всё интереснее, — пробормотал Рейер, а когда машина остановилась, первым из неё выскочил.

Поднявшись по каменной лестнице, снизу и сверху увенчанной статуями не то драконов, не то горгулий, мы вошли в здание банка.

Просторный зал, идеально круглый, как колесо паромобиля, встречал нас приглушёнными голосами немногочисленных посетителей и служащих. Лучи солнца, струясь сквозь стеклянный купол, заливали помещение мягким осенним светом, отблесками скользили по мраморному полу и стенам.

Поймав первого попавшегося клерка, мы попросили провести нас к директору, мейсту Браге. Тот, к счастью, был на месте, в своём кабинете. Толстый и низкорослый, он на удивление прытко поднялся с кресла и поспешил нам на встречу.

— Эйрэ... — пробормотал почтительно и немного нервно, скользнув взглядом по нашивке на моём сюртуке, после чего перевёл взгляд на Рейера. — Мейст...

— Таубе, — коротко улыбнулся напарник. — Рейер Таубе. Уделите нам немного внимания?

— Конечно, конечно, — пробормотал директор банка и тоже заставил себя улыбнуться. Получилось вымученно и скупно. — Могу я

предложить вам что-нибудь выпить? — спросил он суетливо. — Дрелорский коньяк? Или, может, нортрамский виски? Есть ещё...

— Кофе, — продолжая улыбаться, словно давнему приятелю, перебил его Рейер. — Сами понимаете, на службе никаких виски и никаких коньяков.

— Конечно, конечно, — снова проямлил директор. Велев секретарю принести кофе, вернулся за стол. Тяжело опустился в большое кожаное кресло со спинкой высотой чуть ли не в два его роста и предложил нам устраиваться напротив. — Чем я могу помочь? Желаете открыть счёт в нашем банке? Или, может, воспользоваться хранилищем? Наши сейфы оснащены семиступенчатой магической защитой и...

— Думаю, вы прекрасно знаете, зачем мы здесь, — прервал я поток ненужной болтовни и в упор посмотрел на Браге.

Нервно сглотнув, тот выхватил из нагрудного кармана платок, чтобы вытереть проступившую на лбу испарину, хотя я бы не сказал, что в кабинете было жарко.

— Честно говоря, хотел бы не знать, — тихо ответил он и устало откинулся на спинку своего трона. Ну то есть кресла. — О случившемся на борту «Стального дракона» не написал только ленивый.

К сожалению, это было так. Первые полосы крупных и мелких изданий сегодня пестрели заголовками о Лувисе Келлере.

— Такой удар по репутации банка... Такой удар, — сокрушенно пробормотал Браге. — Мейст Келлер... он ведь не абы с кем работал. Его клиентами были очень, очень высокопоставленные люди. И драконы, — добавил он весомо. Нервно вздрогнул, когда дверь приоткрылась, впуская секретаря с подносом в руках.

— Расскажите нам о мейсте Келлере. — Подавшись вперёд, чтобы взять чашку, попросил мой напарник. — Каким он был?

Немного подумав, Браге проговорил:

— Келлер был ответственным, образцовым сотрудником. Умный, старательный, всегда пунктуальный. За десять лет службы не пропустил ни одного рабочего дня. Он не мог похвастаться крепким здоровьем, но это никак не отражалось на его работе. И когда утром мне доложили, что он пропустил встречу с очень важным клиентом, я сразу понял: случилось что-то плохое. А потом эти харговы

газеты... — Выдохнув, Браге нервно потёр платком лоб, погладив им напоследок блестящую, будто наполированную, лысину.

— Нам нужен список его клиентов и имена сотрудников, с которыми он общался, — сказал я, примерно представляя реакцию директора банка.

Тот поёрзал в кресле. Дёрнул уголками губ в попытке улыбнуться, но улыбки не получилось.

— Можете переговорить со всеми сотрудниками банка — вдруг кто-то что-то про него знает. Правда, Лувис Келлер почти ни с кем не общался... А вот список клиентов я, к сожалению, предоставить не смогу. Это конфиденциальная информация. — Взглянув на меня, он тут же отвёл глаза и пролепетал: — Как уже сказал, клиенты мейста Келлера — не последние люди в королевстве. Они явно не имеют никакого отношения к его безумию. Поверьте! И уж точно не обрадуются, если их имена, хотя бы косвенно, будут связаны с именем искажённого.

— Значит, нам придётся вернуться с ордером, — заметил я, получив в ответ тяжёлый, траурный вздох.

Пара секунд молчания, и директор продолжил сокрушаться:

— Такой удар по репутации банка... Вот чего ему не хватало? Зачем вдруг понадобилась магия? Жил же себе спокойно. Хорошая, достойная работа. Хороший доход. И тут на тебе — стал искажённым!

Нам так и не удалось добиться от директора имён клиентов Келлера, равно как и открыть арендованную им ячейку. Обыск кабинета тоже ничего не дал. Браге позаботился о том, чтобы к нашему приходу все маломальски важные документы из него исчезли.

Единственное, что привлекло наше внимание — это портсигар с эмблемой столичного мужского клуба «Кармарское пламя».

— Откуда он у него? — Рейер повертел в руках золотой аксессуар, какие презентовали каждому члену клуба вместе с набором дорогих клоандских сигар. — Туда ведь входи только тебе подобные снобы.

— Я не сноб.

Таубе чуть слышно хмыкнул:

— Ты — дракон, а это одно и то же. Но наш покойник драконом не был. И даже одарённым не стал. И тем не менее вот он — драконий портсигар.

— Надо будет заехать в клуб, — сделал я себе пометку.

— Я с тобой! — вызвался Рейер.

— Туда тебя даже с ордером не впустят, — напомнил я, и Таубе недовольно фыркнул.

— Мне нельзя, а ему, получается, было можно.

— Мы не знаем, откуда у Келлера портсигар. Но обязательно выясним.

Ещё один вопрос в копилку загадок, окружавших господина Лувиса.

Допрос сотрудников банка закончился уже вечером. Закончив с последним клерком, мы сразу отправились в управление, отчитались Экебладу, после чего он долго отчитывал меня, как мальчишку, за опоздание на утреннее совещание. Домой я возвращался уставший, голодный и злой. Разговор с начальником основательно испортил настроение. Надеялся, хотя бы дома смогу провести время спокойно, но, кажется, с появлением в нём Жени о покое теперь оставалось только мечтать.

— Она что сделала? — переспросил я дворецкого, который, не успев забрать мой сюртук, огорошил известием — новоиспечённая леди Делагарди заперла племянницу.

— Закрыла мисти Эдвину в классной комнате до самого вечера, — повторил Бальдер, заставив меня мысленно выругаться.

— Где моя жена?

— После ужина леди изволили отправиться к себе, — ответил дворецкий, перекидывая через руку мою одежду.

На второй этаж я поднялся за считанные секунды и ещё быстрее оказался в её спальне. Может, и стоило постучаться, но после «общения» с Экебладом было сложно держать себя в руках.

Наказала Эдвину...

А меня, драконова тьма, почему не спросила?!

Оглядев полутёмную комнату, обернулся на звук скрипнувшей двери — девчонка вышла из ванной, вытирая полотенцем медные пряди, а заметив меня, замерла. Я тоже замер, невольно пройдясь по ней взглядом, и в который раз поймал себя на мысли, что мне нравится то, что я вижу.

Глава 15. О старых фотографиях и постельных подарках

Женя Исаева

Остаток дня пролетел незаметно. После того как Вильма отправилась, как она выразилась, прошвырнуться по Гратцвигу, я решила, что пришло время для небольшого расследования. Не смогу жить спокойно, пока не разберусь в прошлом леди-драконицы. С какой такой радости дворецкий её ни во что не ставит? Да и остальные слуги, из «стареньких», тех, что служили здесь ещё при Раннвей, тоже ведут себя так, словно каждый раз, стоит мне попасться им на глаза, их одолевает желание плюнуть в меня или проклясть. Они, конечно, сдерживаются, стараются быть невозмутимыми, но я буквально каждым нервом ощущала враждебность, исходящую от прислуги.

Спросить Делгарди? Я, конечно, спрошу, но где гарантия, что получу ответы. Он явно не привык быть откровенным, а может, просто мне не доверяет. И это понятно, он меня почти не знает. Я вот тоже не считаю его чудесным и милым, но мы теперь в одной упряжке. В его же интересах сделать так, чтобы никто не заподозрил, что я ненастоящая Раннвей.

Первым делом попросила Полин и Минну проводить меня на чердак. Именно туда, по словам Бальдера, хранились вещи исчезнувшей герцогини. Ожидала увидеть пыльное помещение с низкими покатыми сводами, но чердак оказался на удивление чистым и просторным. Только на перекрестьях оконных рам немного облупилась краска да в дальнем углу под потолком поблескивали в солнечных лучах паучьи тенёта, заставившие меня невольно вздрогнуть.

Приказав себе не обращать на паутину внимания, стала разбираться в вещах Раннвей. Одежда меня не интересовала, а вот коробку с чёрно-белыми, немного пожелтевшими от времени фотографиями я попросила отнести в спальню. Были здесь и письма, написанные убористым, почти каллиграфическим почерком. Заметив в конце первого подпись «Твоя Терес», я сунула послания обратно в коробку с намерением прочесть их сегодня же.

— Ваша светлость, уже смеркается, — подала голос Полин, терпеливо дожидавшаяся, когда я закончу копаться в «своём» прошлом. — Принести сюда лампы?

— Не стоит. — Я огляделась по сторонам в надежде заметить ещё что-нибудь интересное, а вместо этого снова зацепилась взглядом за

паутину и попросила, указывая на причину своего беспокойства: — Уберите её. Вернусь сюда завтра.

На вечер «развлечений» точно хватит.

Оказавшись у себя, отпустила служанок, зажгла поярче керосиновую лампу. Устроившись в кресле, стала одну за другой доставать из коробки старые фотокарточки. Вернее, они не были такими уж старыми, но для меня, рождённой в конце двадцатого века, всё это было ветошью. Даже прожив в новом мире столько времени, я так пока и не смогла с ним полностью ассимилироваться.

Почти на всех фотографиях были запечатлены Терес и Раннвей. На некоторых — юными девушками, на других — молодыми, очаровательными женщинами. Раннвей была очень похожа на старшую сестру, с одной лишь разницей: Терес на всех фотографиях держала спину прямо и взгляд у неё был такой же — прямой, уверенный, твёрдый, в то время как её младшая сестра, казалось, стремилась стать меньше и незаметнее, и взгляд на многих фото пугливо отводила.

Была здесь и фотография Терес с совсем ещё крошечной Эдвиной и приятным молодым мужчиной. Я решила, что с Нильсом. Они идеально смотрелись вместе: леди-драконица с малышкой на руках и её супруг — красивый, статный, с открытой улыбкой. Было горько смотреть на них и вспоминать, что их жизни отнял чёртов пожар.

На последней фотокарточке было запечатлено много людей: наряженные леди, нафранченные джентльмены. Жаль, ни одно из фото не было подписано и понять, где и в каком году было сделано это, не представлялось возможным. Должно быть, уже после тайного замужества Терес, потому что старшей Фармор и её мужа на фото я не обнаружила. Зато нашла леди Левенштерн и Раннвей, а в немного размытых, сероватых чертах лиц с краю с трудом узнала чету Флемингов. Белокурая Шанетт казалась ещё совсем девочкой... Сущий ангел, само очарование.

Рядом с ней стоял высокий широкоплечий мужчина, по виду ровесник Флеминга. Готова была поклясться, что никогда его раньше не видела, но почему-то, стоило лишь зацепиться за незнакомца взглядом, как меня окатило дрожью. Не ледяной и противной, какую, бывает, вызывает страх. Нет, это было что-то другое... Пьянящее, будоражащее, хмельное... Тяжело вздохнула, чувствуя, как дрожь

становится жаром, опаляющим грудь, плечи, бёдра, и нервно вздрогнула, когда в дверь постучали.

— Ваша светлость, ужин подан, — сказала Минна, и я, с трудом заставив себя вернуть фото в коробку, отправилась ужинать. И пока ела, читала письма.

Все были от Терес Раннвей, и из них я узнала о леди Делагарди больше, чем удосужился сообщить мне лорд ультор. Кажется, он и сам толком не знал свою жену, не представлял, чем и как она живёт. Переписываясь с сестрой, Терес пыталась её поддержать, но, кажется, выходило плохо. Раннвей явно была несчастна. Она боялась отца или, скорее, он вселял в неё ужас. Эндера она тоже опасалась, старалась лишний раз с ним даже не пересекаться. И она точно не хотела за него замуж. Хоть Терес и пыталась убедить сестру в том, что Делагарди — замечательная партия.

А сама-то от него сбежала...

В общем и целом, Раннвей была пугливой, забитой девочкой. Это мне уже было известно. Но я и предположить не могла, что она настолько боялась родного отца, сторонила мужа, как чужака, и стыдилась своей ущербности — отсутствия даже слабо выраженного, маломальского дара.

Последнее письмо я дочитывала уже в ванной и, пока читала, не знала, то ли жалеть, то ли злиться на Раннвей. Подумаешь, нет дара! Тоже мне, ущербность называется... Отец деспот? Так дай отпор, вместо того чтобы умирать при его появлении от страха. Почему боялась Делагарди — вообще непонятно. Нет, он, конечно, не подарок, но по сравнению, например, с моим бывшим, так диво дивное.

Если, конечно, закрыть глаза на то, что палач.

Не знаю почему, но с мыслью о драконе я невольно перескочила на мысли о незнакомце с фото. И снова, словно по щелчку пальцев, сладкая дрожь побежала по коже, собираясь внизу живота непонятным напряжением.

Голодом.

Это чувство будоражило, нежная пена, ластясь к коже, ласкала... Прикрыв глаза, я скользнула пальцами по груди и вниз, к животу, к бёдрам, чувствуя, как сердце начинает стучать быстрее, как образ в сознании оживает, и я...

Резко села в ванне, мысленно себя отругала. Тпру, Женя! Это уж точно не твои чувства — её! Не хватало ещё залипать на незнакомых типов из чужого прошлого.

Сердце ещё скакало в груди, когда заворачивалась в шёлковый длиннополый халат и смотрела в своё немного шальное отражение. Губы искусаны, щёки горят... А перед глазами по-прежнему хмельной туман. Тряхнула головой, схватила полотенце, чтобы вытереть волосы. В ванной было душно; казалось, я задыхаюсь. Поспешила в спальню в надежде, что прохладный воздух поможет проветрить голову, но тут же об этом пожалела. Посреди комнаты, хищно оглядываясь, стоял явно взбешённый Делагарди.

— Эйрэ, случайно, покаями не ошиблись?

Почувствовав на себе взгляд дракона, опаливший куда сильнее, чем мысли о незнакомце с фото, прижала к груди полотенце. Не помогло. Несмотря на толстую махровую ткань и тонкую — шёлковую, я чувствовала себе перед ним какой-то обнажённой.

Может, завернуться вдобавок в одеяло? Как бы ещё до него добраться, минуя Делагарди...

— Зачем ты наказала Эдвину? — Он шагнул ко мне, давая понять, что покаями не ошибся. Ворвался нагло, без спроса и без стука, как к себе домой.

Он, конечно, у себя дома, но это — моя территория!

— Одного договора явно недостаточно, — сухо сказала я, отзеркаливая хищный, драконий взгляд. — Нужно установить границы. Мне важно моё личное пространство, которое ты сейчас нарушаешь!

— Зачем. Ты наказала. Мою племянницу?! — едва ли не кроша зубами каждое слово, прорычал ультор и оказался ещё ближе.

Мелькнула мысль капитулировать в ванную, но я сразу её отбросила. Я ведь не ребёнок, чтобы играть в прятки. И не забитая девочка Раннвей, которую можно запугать грозным тоном и резкими словами.

Чувствуя, как злость, охватившая дракона, передаётся и мне, сама уже к нему шагнула, после чего резко бросила:

— Наказала, потому что она это заслужила. Она довела до истерики мисти Ливен. Бедняжка едва не уволилась, а Эдвина явно на это рассчитывала! И, кажется, Илена не первая учительница, которая

сбегает из этого дома. — Ещё один шаг, к нему, в окутавшую его злость и знакомый аромат одеколона: мята с какой-то алкогольной горечью. — Открою тебе секрет, Эндер: детей за проступки надо наказывать. Особенно таких избалованных нахалок!

Может, последнее говорить и не стоило, но я не сдержалась. Ярко-зелёные глаза дракона тот час же потемнели, окрасившись в цвета чёрного серебра. И дело вовсе не в полумраке, окутывавшем спальню, а в окончательно затопившей его ярости.

— Больше никогда. Не смей её наказывать. Без меня!

Вот, значит, как?

Не знаю, какой харг в меня вселился, но я бросилась к нему, уничтожив то незначительное расстояние, что ещё оставалось между нами, и процедила в каменную драконью рожу, ну то есть лицо:

— Эйрэ, кажется, забыл, что я его жена? Не служанка и не рабыня, которой можно отдавать приказы. И явно запомнил, что Эдвина и моя племянница тоже. Между прочим, родная по крови! Или я что-то путаю, и я не Раннвей Делаярди? Поправьте меня, дорогой муж, если я не права.

Несколько мгновений «муж» сверлил меня взглядом, тяжёлым, ледяным, мрачным, а я... я пыталась отвечать ему тем же, но почему-то смотрела не ему в глаза, а на губы. Наверное, по венам всё ещё гулял тот странный хмель, охвативший меня во время купаний. Ощущения сейчас, несмотря на злость, несмотря на раздражение, были примерно те же. Вот только эти эмоции принадлежали не Раннвей — это уже была моя непозволительная отсебятина.

Непрощенное влечение.

— Женья... — хриплый шёпот скользнул по губам. А потом Делаярди замолчал и, явно выругавшись в мыслях, отошёл на два шага.

Я облегчённо выдохнула, на мгновение прикрыла глаза, уговаривая себя не пьянеть от запаха кофе, мяты и дорогих сигар.

У нас тут серьёзный разговор о воспитании подростка. На нём и сосредоточимся.

— Надо было просто рассказать мне, — наконец сказал он, тоже явно пытаясь обуздать свои чувства.

Это я про злость и раздражение. В нём, в отличие от меня, ничего другого наверняка не было.

— И что бы ты сделал? — я скептически хмыкнула. — Снова пригрозил наказанием? Угрозы на неё не действуют, Эндер. Это же очевидно! И почему ты ничего не рассказал о её силе? Почему я должна догадываться, что Эдвина уже раскрыла в себе магию?!

Я не была уверена в том, что не было никакого грызуна, но после ссоры с «племянницей» и брошенных в мой адрес насмешек пришла к выводу, что она выкинула какой-то магический фокус.

— Эдвина только начала, — ответил Деллагарди. Устроился в кресле возле камина, а я наконец отняла от груди полотенце и продолжила вытирать волосы.

В конце концов я в халате и вовсе не нагая. Но на всякий случай всё же отошла в глубь спальни, туда, где сумрак сгущался. Опустилась на край кровати, поинтересовалась:

— Это какие-то иллюзии? Или она, как Золушка, общается с животными? Мисти Ливен уверяла, что видела мышь, которая якобы на неё запрыгнула.

Не уверена, что Деллагарди понял аналогию с Золушкой, но уточнять не стал, тихо сказал:

— У Эдвины проявился дар внушения. Терес им тоже обладала. Я заметил это перед отъездом в Бримн, когда она, сама того не осознавая, внушила служанке не поднимать на неё взгляда. Санна тогда её чем-то расстроила...

Расстроила? Не осознавая? Наверное, самое время сейчас присвистнуть. Ну или хорошенько выругаться... Внушение — опасная, дрянная сила. Хорошо развитый дар может быть очень опасен. Особенно для людей. Они больше всемогущих восприимчивы к драконьей магии. Вот и наглядный пример — Санна и мисти Ливен.

— Кто бы мог подумать, что сила в ней проявится так рано... Ещё до начала занятий.

Уловив в голосе дракона явственные нотки гордости, я хмыкнула:

— Ты бы лучше меньше ей гордился и строже воспитывал.

Деллагарди снова помрачнел. Ему явно не нравились мои замечания, и советов по воспитанию детей от меня тоже не ждали. А вот мне не нравятся все эти тайны! И не нравятся — это ещё мягко сказано. Мало было секретов в жизни Раннвей, так ещё и он добавляет.

— Почему не рассказал сразу? Про то, что один дар у неё уже раскрылся.

— До заключения договора даже не планировал, а после — не было времени, — дёрнув бровью, словно я спрашивала об очевидном, изволил объясниться эйрэ. Бросил взгляд на коробку, оставленную на столе, и поинтересовался: — Что это?

— Крупицы прошлого Раннвей. Пытаюсь, где могу, добывать информацию.

Поднявшись, он взял из коробки верхнюю фотографию. Ту самую, что вызвала во мне непонятные эмоции и... такие яркие желания. Чувствуя, как щёки снова накаляются, хотела уже спросить, кто тот мужчина рядом с Шанетт, но Деллагарди уже бросил фото в коробку.

Развернулся ко мне со словами:

— Завтра я постараюсь вернуться пораньше, и мы продолжим наши «занятия». Я расскажу тебе о её окружении, обо всём, что нужно будет тебе узнать до приёма гостей.

— И когда случится это знаменательное для леди Деллагарди событие?

— В субботу, — ответил Эндер, и я всё-таки присвистнула.

Всего через несколько дней, за которые надо будет как можно больше узнать о Раннвей.

— Сегодня уже поздно. — Он мельком глянул на часы. Потом на меня, в халате, снова вызвав желание притянуть к себе одеяло. — Лучше мне уйти.

Я кивнула, думая о том же. Пожелала ему спокойной ночи, а его светлость, вместо того чтобы сказать своей «жене» то же самое и наконец отчалить, снова добавил в голос стали:

— Больше никогда и нигде её не запирай. Никогда. — Последнее слово он произнёс как приказ, нарушение которого явно не сулило мне ничего хорошего.

— Можно подумать, я отходила её розгами!

Как же тогда эту мисти внушающую воспитывать? Сдувая с неё опухалом пылинки? Потакая всем желаниям и капризам? Не понимаю...

— Лучше бы розгами, — неожиданно заявил Эндер, прервав мои мысленные возмущения, а спустя мгновение добавил: — Незадолго до своего исчезновения Раннвей была на суаре у Флемингов. Не знаю зачем, но она взяла с собой Эдвину, хотя обычно, — он мрачно хмыкнул, — время с племянницей было ей в тягость. В гостях, в

обществе взрослых, Эдвине быстро наскучило, она начала капризничать и проситься домой. Но покидать праздник не входило в планы Раннвей, и она велела служанке запереть девочку в одной из гостевых спален. Там её и забыла. Меня тогда в городе не было, Раннвей вернулась домой поздно. Об Эдвине она вспомнила только на следующий день, когда служанки, не найдя её в детской, подняли тревогу. Можешь себе представить, что чувствовал семилетний ребёнок, запертый один ночью в гостевом крыле чужого дома. Можешь себе представить, что почувствовала она сегодня, когда тётя, с которой у неё и без того непростые отношения, не успев вернуться, снова её заперла.

— Я... я не знала, — прошептала я и замолчала, опустив глаза.

Что ещё сказать не представляла, как и не понимала, что чувствовать. Жалость? Злость на себя? На Раннвей? Господи, да Эдвина меня после этого окончательно возненавидит! Точнее, свою тётю, но раз теперь она — это я...

— Я понимаю, Женья, — уже мягче проговорил Эндер. — Просто... В следующий раз просто со мной советуйся.

Он больше ничего не сказал, а я ничего не ответила. Проводила его взглядом, думая о том, что в этой семье всё слишком сложно. И, кажется, я сегодня всё ещё больше усложнила. Дура Раннвей! Ну как можно было забыть племянницу?! Зачем вообще её с собой брала?!

Не удивительно, что Эдвину (да и всю прислугу) при виде леди Делагарди тянет плевать.

Быстро заплетя влажные волосы в косу, вернулась к кровати. Событий сегодня было слишком много, и далеко не самых приятных, отчего я чувствовала себя выжатой насухо тряпочкой.

Завтра. Завтра я снова поговорю с Эдвиной, попробую если и не начать отстраивать разрушенные мосты, то хотя бы сделать к ней маленький шаг. А сейчас надо поспать. Надо вернуть себе силы...

С этой мыслью я откинула одеяло и едва не закричала, увидев на белоснежной простыни... большую дохлую мышь.

Первым желанием было накрыть трупик грызуна, чтобы его не видеть. Вторым — внимательно оглядеться, дабы убедиться, что рядом нет этой... этого зловредного вундеркинда. Справившись с первым порывом, я всё же не смогла не уступить второму: стала бросать по сторонам взгляды, прислушиваясь к малейшему шороху.

Но никаких шорохов не было. Единственное, что слышала, — это своё собственное дыхание да стук сердца, ненадолго опустившегося куда-то к желудку.

Превозмогая отвращение, перевела взгляд на серую тушку. Интересно,мышь настоящая или мне, как мисти Ливен, мерещится? Если так, то Эдвина точно должна быть где-то в спальне. Или внушающие могут действовать и на расстоянии? А если всё же она здесь, то, получается, слышала весь наш с драконом разговор? Я довольно долго находилась в ванной, за это время «племянница» вполне могла пробраться ко мне в спальню.

Мышь категорически отказывалась исчезать, таять на глазах и выглядела вполне натуральной. Ну то есть настоящей.

Ругнувшись, быстро осмотрела комнату, не забыв заглянуть и в гардеробную. Эдвиной даже не пахло, зато от мыши уже начинало пованивать. Может, конечно, и преувеличиваю, но очень хотелось как можно скорее избавиться от этогодохлого презента.

Вернувшись к кровати, потянула за шнурок колокольчика и стала дожидаться служанок. Справиться, что вдруг понадобилось хозяйке на ночь глядя, явилась Минна.

— Ваша светлость, — несмело начала девушка, явно ощущая исходящие от моей светлости флюиды раздражения. — Что-нибудь слу...

— Проходи. — Я поманила её к кровати, горя от нетерпения понять:мышь это всё-таки или мираж. — Ты это видишь?

— Ах! — в ужасе прижала к лицу руки Минна, после чего судорожно выдохнула: — Ка... какой кошмар!

Значит, не мираж, а ответочка от Эдвины. Зациклена она, что ли, на мышах?

Я облегчённо выдохнула, радуясь, что никакие малолетние ведьмочки не играют с моим подсознанием. А вот Минна, наоборот, занервничала ещё сильнее.

— Я... я не понимаю... Откуда она взялась? Мы же взбивали подушки, встряхивал и простыни, и одеяло. Может, пока комнату проветривали, она сюда забежала...

Чтобы торжественно скончаться у меня на кровати?

Тихонько усмехнувшись, я обратилась к едва не плачущей служанке:

— Убери её, пожалуйста. Вместе с простынями и одеялом.

— Конечно, конечно, ваша светлость. Простите меня...

— Всё в порядке, — мягко ей улыбнулась. — Ты уж точно не в ответе за мёртвых грызунов.

Подарив в ответ немного нервную улыбку, Минна взялась за устранение шалостей малолетней вредительницы. Никто другой такой ерундой, понятное дело, не стал бы заниматься. Представив Бальдера, на цыпочках прокрадывающегося ко мне в спальню и держащего за хвост дохлого грызуна, я чуть не прыснула со смеху и почувствовала, что начинаю успокаиваться.

Ладно, отвела юная Фармор душу и хватит. Завтра начнём всё налаживать.

— Пожалуйста, не говори никому об этом инциденте. Ни Полин, ни другим домочадцам.

— Слушаюсь, леди. Конечно... — с явным облегчением ответила Минна, явно опасавшаяся гнева Эндера. Быстренько стянула постельное бельё в узел, подхватила одеяло и убежала. Вернулась с чистым, застелила кровать и, пожелав мне спокойной ночи, снова ушла.

Я за это время успела осмотреть все подведомственные мне комнаты и, убедившись, что кроме постельного, никаких больше сюрпризов в покоях герцогини не имеется, со спокойной душой отправилась спать.

Уснула как ни странно быстро — видимо, настолько была вымотана. Кажется, мне что-то снилось и, кажется, не единороги на радугах, но утром, проснувшись, не могла даже смутно описать свои ночные фантазии. Почему-то утро не радовало... Вместо того чтобы улыбнуться новому погожему дню, наверняка одному из последних перед чередой дождливых и серых, я чувствовала, как по сердцу ядом растекается тревога. Подсознательно опасаюсь ещё какого-нибудь «подарка» от «племянницы»? Ерунда, право! Я ведь зрящая. Таких, как я, мирно почившими грызунами не запугаешь.

Глава 16. День приветствия

Я так и не смогла объяснить самой себе, откуда во мне взялось это беспокойство. Почему, проспав всю ночь, чувствую себя вялой и сонной. К счастью, умывания прохладной водой помогли взбодриться,

а вынырнувшая из зеркала Вильма окончательно прогнала из разума остатки сонной хмари.

— Как поживает наша распрекрасная герцогиня? — пропел призрак, пока я подумывала, а не икнуть ли мне от неожиданности.

Никак не привыкну к этим внезапным «выныриваниям».

— Выглядишь немного бледной, — не слишком высоко оценила мой внешний вид Вильма и выразительно покосилась на баночку с румянами, которую я безразлично проигнорировала. — Я бы добавила румянца.

— И тебе доброе утро, Вильма. Выглядишь, как всегда, немного прозрачной.

— Туше, милая, — игриво улыбнулся призрак.

Заметив, что собираюсь подняться с кресла, она попыталась схватить баночку с румянами, чтобы всё-таки «навязать» мне на лицо эти краски, но тонкая эфемерная кисть прошла сквозь жестяную ёмкость, так её и не тронув. Порой у Вильмы получалось сдвигать предметы, но не всегда и, насколько поняла, это отнимало немало сил, энергии или что там имеется у теней.

— Старею, — горестно вздохнуло привидение.

— Давай я. — В угоду ей всё-таки коснулась пуховкой щёк, и Вильма удовлетворенно кивнула:

— Вот так значительно лучше.

— Как прогулка по Гратцвигу? — спросила я, прекрасно зная, что именно этого вопроса от меня и ждали.

Вильма затараторила, не умолкая. Пока она говорила, я успела одеться, расчесаться, собрать волосы в простую причёску и вытереть румяна. К счастью, старушка была так увлечена своим монологом, что пропустила момент, когда я стирала с щёк косметику.

— В общем, вся столица задаётся вопросом, какой же всё-таки дар раскрыла в себе Пустая леди, — рассказав обо всех столичных сплетнях, подытожила Вильма и с интересом спросила: — А ты вообще знала, что тебя так называют? Ну то есть Раннвей.

— Может, и знала бы, если бы господин ультор побольше о ней рассказывал.

— А вдруг он не в курсе, как заглазно величают его супругу, — попыталась вступиться за своего любимчика Вильма, на что я лишь неопределённо хмыкнула. — И кстати, какой он всё-таки дар тебе

придумал? А если тебя попросят его продемонстрировать, как это бывает при выпуске из их драконьих школ?

— Без понятия и без понятия, — ответила я, снова невольно припоминая незлым тихим словом Делагарди. — Все вопросы к моему мужу-конspirатору.

— Ладно, — заметив, что я хмурюсь, не стала развивать эту тему старушка. — Как у тебя прошёл вечер? Что там наш эйрэ?

Я рассказала. И про своё расследование, и про незнакомца с фотографии, и про разговор с Делагарди в этой самой спальне, закончив постельным подарком.

— Вот же детёныш харга... — процедила Вильма, явно имея в виду Эдвину. И тут же возбуждённо вскинулась: — А где фотография-то? Покажешь?! Может, я о нём что разужнаю!

От помощи я никогда не отказывалась, достала из коробки старую фотокарточку и ткнула пальцем в чёрно-белого типа, снова чувствуя, как изнутри поднимается странная волна жара.

Ну вот что за зараза!

— Любуяся сколько влезет, а я пошла налаживать отношения с детёнышем харга.

— После того, что это мелкое чудовище учудило?! — явно не прониклась моим энтузиазмом Вильма.

— Лучше худой мир, чем постоянная война, — сказала, уже выходя из спальни.

Что-то буркнув себе под нос, старушка вернулась к изучению фотокарточки, а я отправилась к Эдвине. Но её не оказалось ни в детской, ни в игровой, ни уж тем более в классной комнате.

К счастью, пропажа отыскалась быстро. Спускаясь на первый этаж, я увидела наследницу Фарморов, угрюмо выходящую за Эндером в холл. Они шли со стороны кабинета и, судя по насупленному выражению лица девочки, утреннее общение с дядей ей явно не понравилось.

— Доброе утро, Раннвей. — Дракон первым меня заметил, а может, учуял. Потому что, не успев выйти в холл, тут же вскинул голову, заставив запнуться, поймать взгляд ядовито-зелёных глаз.

— Доброе... — пробормотала я и с усилием заставила себя переключить внимание на стремительно бледнеющую «племянницу».

Кажется, в кабинете она получала за внушение гувернантке, а теперь опасается, что влетит и за невинно убиенного.

— Надеюсь, ты хорошо спала? — продолжал источать заботу и внимание ультор.

Эдвина тем временем замедлила шаг, как будто раздумывала, а не дёрнуть ли ей обратно. И при этом продолжала смотреть на меня большими лазурными глазами.

— Чудесно, — обманула я и подарила обоим мягкую улыбку. — Ничто ни вечером, ни ночью не тревожило мой покой.

Эндер дёрнул бровью, явно недоумевая, а что вообще должно было тревожить, но тут его, нас всех, отвлёл звон колокола, разнёсшийся по холлу.

— Надеюсь, это не леди Левенштерн повторяется, — пробормотал Делагарди и, не дожидаясь Бальдера, отправился исполнять роль дворецкого.

К нашему всеобщему облегчению (по крайней мере, моему и Эндера), неожиданным гостем оказалась не Данна. Правда, при виде мужчины в тёмно-синем мундире я всё равно напряглась, заволновалась. Замерла, забыв, как дышать, подсознательно опасаясь, что вот сейчас законник войдёт в дом и скажет:

— Я явился, чтобы арестовать самозванку!

И что тогда сделает Делагарди? Вышвырнет его за порог? С одним «мундиром» он легко справится, но потом ведь подоспеет подкрепление, и...

— Эйрэ, леди Делагарди, прошу извинить меня за столь раннее вторжение, — с почтением заговорил мужчина, и я облегчённо выдохнула.

Арестовывать не собираются, самозванкой не считают — уже счастье.

— Что случилось, Керн? — невозмутимо осведомился Эндер, не став размениваться на приветствия.

Коротко улыбнувшись мне и Эдвине, мужчина перевёл на него взгляд.

— Вас срочно вызывают в управление. — После чего понизил голос до едва различимого шёпота.

Только и удалось расслышать два слова: «ультор» и «убийство». Не самые, должна сказать, приятные, заставившие снова

заволноваться. Пока Керн рассказывал дракону о явно трагических событиях, тот мрачнел на глазах, а когда законник замолчал, повернулся к нам и сказал:

— Мне нужно уехать. Срочно. Эдвина, на День приветствия тебя отвезёт Вернер.

Глаза девочки расширились. Не то от удивления, не то от страха.

— Но как же... одна... — сбивчиво пробормотала она.

— День приветствия? — вмешалась я.

— Сегодня в Тьюрильской гимназии состоится первая встреча учеников с преподавателями, — ответил Делагарди, а поймав упрёк в моих глазах, поспешил объясниться: — Я не стал тебе говорить, потому что не уверен, что ты уже готова к подобным... выходам. Тебя ведь так долго не было дома, любимая.

— Я отвезу Эдвину, — не раздумывая вызвалась я, одновременно и злясь на дракона, что слишком много думает (за меня), и радуясь, что вот он мой шанс начать реставрацию разрушенных Раннвей мостов. — Или ты забыл о традициях? Любимый, — едко, лишь самую малость, выделила последнее слово и продолжила: — Я, как ближайшая родственница, обязана сопровождать Эдвину, и сделаю это с радостью.

Удивились все. Все, кроме разве что полицейского. Зато Эндер, Эдвина, успевший прикатить Бальдер дружно захлопали глазами.

— Леди уверена, что это её не обременит? — не преминул сцедить яду с утра пораньше вредный слуга.

— Наоборот, я с удовольствием проведу с племянницей время.

После моего ответа удивление достигло апогея. Все смотрели на меня так, словно вместо ног у меня вдруг вырос плавник, а всё тело покрыла блестящая чешуя. Только законник переводил вопросительный взгляд с Бальдера на Делагарди, явно недоумевая, а что здесь такого странного: чтобы тётя отвезла на «Первое драконье сентября» племянницу.

Для дворецкого и Эдвины столь внезапное проявление заботы со стороны леди было в диковинку. Что же касается Делагарди... Он явно считал, что меня ещё рано спускать со сворки, но других вариантов всё равно не было.

Водитель в роли сопровождающего для наследницы Фарморов им не являлся.

— Хорошо, — сдался дракон. Приблизился к племяннице, посмотрел на неё вроде бы и строго, но взгляд при этом всё равно был предательски тёплым: — Будь умницей, Эдвина. Раннвей... — Шагнул ко мне ближе, после чего, отведя в сторону, тихо, с тревогой в голосе поинтересовался: — Уверена, что справишься?

— Если мне не внушат по дороге ничего крамольного, например, выпрыгнуть из машины или пойти к ближайшему фонтану и утопиться, то, думаю, справлюсь.

— Не внушат, — заверил он твёрдо. — Я об этом позаботился.

Объяснить, как именно, не удосужился, равно как и рассказать, куда и зачем его так срочно вызвали. Но судя по тому, как нетерпеливо переминался с ноги на ногу полицейский, как косил взглядом на карманные часы в руках, времени для разговоров у «мужа» не было.

— После школы сразу домой, — наказал он. — В два часа придёт мисти Ливен. До этого Эдвине надо будет пообедать и отдохнуть.

— Мы только туда и обратно, — заверила его и с трудом подавила в себе порыв отстраниться, когда он подался ко мне, чтобы попрощаться со мной быстрым поцелуем.

Делагарди явно почувствовал, как я напряглась. Нахмурился, но ничего не сказал. Забрал у услужливого дворецкого сюртук и, на ходу его надевая, вышел из дома вместе с полицейским.

А я повернулась к «племяннице»:

— Ну что, пойдём завтракать?

Эдвина смерила меня недоверчивым взглядом, словно пыталась понять, что же на самом деле я затеваю. Какой готовлю ей ответный удар. Так ничего и не ответив, с независимо вздёрнутым носом ринулась в столовую.

Пожав плечами, я последовала за новоиспечённой гимназисткой.

Завтракали молча, и обе явно без аппетита. Эдвина уныло ковырялась в тарелке вилкой, я задумчиво жевала рогалик, размышляя о следующем шаге в отношении бунтарки. Думала и о гимназии, невольно волнуясь, словно это мне там предстояло учиться. И пусть мне не грозило стать ученицей, но первая поездка без Эндера, да ещё и в драконье учебное заведение, заставляла нервничать.

— Ну, ты скоро? — послышался нетерпеливый возглас, и я встрепенулась. — Или уже передумала? — спросила Эдвина сердито, не преминув добавить: — Я из-за тебя опоздаю!

Пока я размышляла, она уже успела закончить с ковыряньями, поднялась и теперь стояла, упираясь ладонями в стол, сверля меня обличающим взглядом, словно ожидая, что пойду на попятную.

— С чего бы мне передумывать? — Допив остывший чай, я сдёрнула с коленей салфетку. — Я закончила, можем ехать.

Девочка недоверчиво сощурилась, потом тихонько хмыкнула и, откинув назад медную косу, дёрнула в холл. Там нас уже дожидались служанки. Минна помогла мне надеть жакет — ту самую изумрудную красоту, что презентовал мне на борту дирижабля Делагарди, после чего протянула перчатки и шляпку. Эдвину тоже быстро «упаковали» и, сопровождаемые невозмутимым Бальдером, мы вышли из дома.

— Пожалуйста, ваша светлость, нигде не потеряйте и не забудьте девочку, — прощаясь, попросил слуга, и я едва справилась с желанием наступить ему на ногу.

Может, и зря, что справилась. На начищенных штиблетах домоправителя явно не хватало пары-тройки дырок от моих шпилек.

— Не надейтесь, Бальдер, не доставлю вам такого удовольствия.

Он поклонился и, вручив нас Вернеру, вернулся в дом. А мы покатали в Тьюрильскую гимназию, которая, по словам сопровождавшей нас Вильмы, была одной из самых старых, престижных и известных во всём Кармаре, если не сказать мире.

Было непросто слушать старушку и при этом делать вид, что её рядом нет. Особенно если учесть, что Эдвина продолжала пожирать меня взглядом. Смотрела с таким пристальным вниманием, словно практиковалась в чтении мыслей.

О-о-очень надеюсь, что в ней нет и не обнаружится подобных навыков.

— В этой гимназии, основанной более шести веков назад неким Гербертом Тьюрилем, учились и продолжают учиться только представители самых знатных фамилий. В основном наследники Высоких домов, реже — Малых, — пока машина катила по суматошному, шумному городу, подпитывала меня информацией Вильма.

Гратцвиг отличался от городов Пограничья, как отличается борец сумо от труппы балерин. Он был таким же огромным, с внушительной архитектурой, широкими реками улиц, незаметно вливающимися во всё ещё зелёные парки, растворяющимися в озёрах площадей.

Большой, торжественный город. Живущий своей, особой жизнью, с которой мне ещё только предстояло познакомиться.

— А всё почему? Да потому что обучение у лучших преподавателей Кармара стоит как дворец императора Нухара!

Понятия не имею, сколько стоит дворец императора здешней Страны восходящего солнца, но могу предположить, что немало. Интересно, за обучение Эдвины кто будет платить? Делгарди? Или покойный Фармор озаботился образованием внучки?

Наконец паромобиль въехал в гостеприимно раскрытые ворота и медленно покатил по широкой дороге, уводящей не просто к белокаменному зданию — настоящему дворцу из сказок! Не знай я, куда мы собирались, решила бы, что явились в резиденцию их величеств.

И, если честно, я бы и сама здесь с удовольствием поучилась.

Словно откликаясь на мои мысли (может, действительно читает), Эдвина сказала:

— Ты ведь тоже здесь обучалась. Как и... мама.

Это было единственное, что я от неё услышала за всё время, пока мы ехали, и, судя по тому, как девочка тут же насупилась, замкнулась, больше я в ближайшее время от неё ничего не услышу.

Наконец машина остановилась. Вернер выскочил первым, чтобы помочь выйти мне, а потом и Эвине. Но девочка медлила, с тревогой смотрела на стекающих ко «дворцу» людей, не находя в себе силы выйти из машины.

Подвинув водителя, я протянула ей руку:

— Всё будет хорошо. Не бойся, ты здесь не одна.

Секунда, другая — Эдвина вспыхнула и, отмахнувшись от моей руки, буркнула:

— Лучше бы была одна! — Пулей метнувшись из салона, она поспешила к парадному входу.

Поймав сочувствующий взгляд Вернера, я последовала за мятежницей, как можно быстрее перебирая ногами, и вдруг услышала сбоку уже знакомый голос:

— Раннвей! Раннвей, подожди!

Запнулась. Обернулась.

Удерживая под руку высокую темноволосую девочку, на меня коршуном летела Данна Левенштерн.

— Я за ней пригляжу, — шепнула Вильма и ринулась за Эдвиной, просачиваясь сквозь драконов, дракониц и их юных отпрысков.

— Моя дорогая, — расцвела в улыбке Данна, а оказавшись рядом, быстро меня расцеловала. — Ты всё-таки решила заняться воспитанием Эдвины.

Я кивнула и тоже ей улыбнулась. Было несложно, потому что при виде Левенштерн моё желание держаться от неё подальше смешалось с назойливым желанием Раннвей — послушно заглядывать тётке в рот и слушать всё, что она скажет.

— Уверена, что справишься? — хитро сощурилась леди. — Эдвина сейчас в таком возрасте... Это тебе не шестилетняя девочка, которую вы были вынуждены взять на воспитание.

Я незаметно себя ущипнула, отгоняя, как назойливую мошкарку, чужие чувства. Не знаю, прав ли в отношении Данны Делагарди, но как бы там ни было, а её поведение мне не нравится. Не нравится, что она смотрит с прохладным снисхождением и при этом улыбается с явной фальшью. Не нравится, что, не успев приблизиться, тут же пытается убедить, что я не совладаю с племянницей.

Плохо вы знаете новую Раннвей, леди Левенштерн. А точнее, не знаете совсем.

— Эдвина, конечно, выросла, но и я за эти годы тоже повзрослела. Набралась терпения.

Данна чуть слышно хмыкнула:

— А терпения, я так понимаю, ты набиралась в той загадочной обители? И где же она находится? Почему Эндер нам ничего не рассказывал? Мы ведь переживали.

— Я так хотела, — ответила на последний вопрос и, не желая отвечать на другие, поспешила сменить тему: — Кикки так выросла. Помню её совсем малышкой.

К счастью, я не забыла имя младшей дочери Левенштернов, которая взглянула на меня без особого интереса и с куда большим вниманием продолжила бросать взгляды вокруг. Наиболее пристальные, внимательные доставались мимо проходящим мальчикам. Те тоже на неё поглядывали. Младшая Левенштерн была высокой, интересной, с крупными выразительными чертами и грудью, очертания которой уже можно было различить под блузой. Эдвина по сравнению с ней выглядела сущим ребёнком.

— Да, дети растут быстро, — любовно взглянула на дочь Данна. — А Кикки ещё и ростом в отца пошла. Я бы предпочла, чтобы она была ниже и изящней, но... — Она вздохнула, как бы говоря: что выросло, то выросло. Заметив, как дочь провожает взглядом очередного мальчишку-дракона, с тихим возмущением выдохнула: — Кикки!

Дёрнула её за руку, и та с явной неохотой отвернулась от объекта своего интереса.

— Пойду разыщу Эдвину, — сказала я, надеясь избавиться от общества «родственников». Не тут-то было. Данна потащилась следом, то и дело выстреливая с очередным вопросом.

Расследование она ведёт, что ли...

К счастью, «пропажа» отыскалась быстро. Эдвина стояла у подножия широкой белокаменной лестницы, уводящей ко входу в здание, и, явно оробев, оглядывалась.

— А вот и наша красавица! — снова разлилась мёдом Данна.

Обернувшись, девочка было бросилась к ней, но при виде меня поубавила пыл. И улыбаться тут же перестала.

Ладно. Не отчаиваемся.

— Доброе утро, леди Левенштерн, — поздоровалась вежливо.

Ну просто образцовая девочка.

— Эдвина, ты, наверное, совсем не помнишь мою Кикки, — сказала Данна, выталкивая вперёд дочь для знакомства с младшей родственницей, с которой той явно не хотелось знакомиться. — Твой дядя сделал всё, чтобы ты не виделась со своими родными.

— Он просто... — Эдвина не нашлась, что сказать в защиту дракона. Умолкла и с интересом посмотрела на юную Левенштерн.

— Пытается оберегать Эдвину, — закончила я за «племянницу».

— От нас её уж точно не надо оберегать, — с явным возмущением возразила Левенштерн. — Я всё ещё убеждена, что ей будет лучше с нами, и...

К счастью, её прервали. На вершине лестницы показался пожилой мужчина в строгом чёрном костюме. Возвысив голос, он объявил о том, что всех будущих учеников и их родных просят поспешить в Залу собраний.

— Пойдём. — Я поманила за собой Эдвину, а Данну и манить было не надо — она тут же пристроилась рядом.

Обрамлённая колоннами, густо увитыми лепными узорами, лестница уводила к высоким дверям. По ним тоже что-то вилось — искусная резьба вместе с позолотой, вот только издали было не понять, что это: просто узоры или какие-то письмена.

Пока поднимались, я заметила, что каждую девочку сопровождает женщина, а мальчика — мужчина. Некоторые ученики выглядели ещё совсем детьми, другие были явно постарше или, как Кикки, таковыми казались.

Просторный холл наполнялся шумом голосов, солнечными лучами, раскрашенными цветными витражами. Увы, рассматривать красоту в окнах, как и любоваться угнездившимися в нишах статуями, времени не было. Из холла мы сразу поднялись на второй этаж и оказались на верхних ярусах залы-амфитеатра. Не желая светиться в первых рядах, вместе с Эдвиной (и Вильмой) я заняла места в глубине зала. Данна не замедлила к нам присоединиться.

— В последний раз я была здесь три года назад с Венделой, — сказала она, имея в виду свою среднюю дочь. — Её обучение закончилось спустя год, но, может, Кикки повезёт больше.

— Чем больше даров, чем они сложнее и чем ярче проявляются, тем дольше проходит обучение, — тут же подхватила Вильма, хвастливо припечатав: — Твой Эндер, между прочим, учился здесь четыре года. И потом ещё столько же нёс военную службу, а сразу после армии стал ультором.

— Он не мой... — не подумав, ляпнула я.

«Тётя» среагировала мгновенно:

— Ты что-то сказала, милая?

— Говорю, что тоже давно здесь не бывала. Как будто в другой, прошлой жизни...

— Ты, бедняжка, здесь и года не продержалась, — вроде как посочувствовала она, но в голосе при этом мне снова слышалась фальшь.

— Вот уж фря, — покосившись на Левенштерн, поморщилась Вильма. — Знала бы она, какая у тебя сила... Вмиг бы язык прикусила!

Я ничего не ответила и сделала себе пометку: попросить старушку не дёргать меня, когда вокруг столько людей. Не хватало ещё, чтобы

приняли за сумасшедшую... И так чрезмерное внимание вызываю. То и дело я ловила на себе взгляды: осторожные, украдкой, но от этого не менее назойливые, не менее раздражающие.

Смотрят так, словно призрак здесь не Вильма, а я.

Наверное, так оно и было. Наверняка вся столица уже давно решила, что леди Делагарди-Фармор благополучно скончалась. И тут на тебе! На вид более чем живая.

Постепенно все расселись по местам, и День приветствия начался. Открывала его торжественная речь директора гимназии — того самого представительного мейста с пышными седыми бакенбардами. Вильме быстро наскучили его разглагольствования о лучшем месте для обучения драконов и она поспешила исчезнуть.

— Пойду лучше займусь делом, — сказала на прощание и тут же растаяла.

После директора пошли короткие приветствия от каждого из преподавателей, а также небольшой экскурс в историю гимназии и упоминание её лучших выпускников. Среди лучших числились и Эндер с Терес. Сестра Ранвей, как оказалось, была единственной драконицей, сумевшей раскрыть в себе три дара за последние полстолетия! Они с Делагарди наверняка бы составили непревзойдённую пару.

И наследников нарожали бы соответствующих.

И снова я почувствовала на себе липкие взгляды. Некоторые из собравшихся, презрев правила приличия, даже начали оборачиваться, чтобы посмотреть на блёклую тень покойной Терес Фармор. Пустышку, вернувшуюся из «мёртвых» якобы с даром.

— Подумай, милая, — подавшись ко мне, шепнула Данна. — Подумай хорошенько. Ты ещё можешь всё переиграть и отдать Эдвину мне. Тогда на тебе не будет никакой ответственности. Ты же так это не любишь. Пока занятия не начались, мы можем всё исправить.

— Нечего исправлять, — так же тихо ответила я и заметила, как сверкнули от злости её глаза. — Всё и так замечательно.

Сказав, что занятия начнутся со следующей недели, директор гимназии, мейст Гастфер, объявил День приветствия состоявшимся и отпустил нас с миром.

Оставалось избавиться от общества Данны и мчать домой. И если с первой частью плана, как ни удивительно, удалось легко справиться

(Левенштерн отвлекла какая-то надушенная дама), то до машины добраться без осложнений не удалось. В холле дорожку мне неожиданно преградила Шанетт.

— Я очень надеялась, что Эдвину будешь сопровождать именно ты, Раннвей. — Беря пример с Данны, она полезла ко мне целоваться.

— А ты здесь...

— Тоже с племянницей, — нежно улыбнулась Флеминг и представила нам с Эдвиной очаровательную белокурую девочку. — Росмари, это Эвина Фармор. Уверена, вы станете такими же близкими подругами, какими были и остаёмся мы с Раннвей.

Юная Росмари, в отличие от Кикки, была явно заинтересована в потенциальной подруге, да и Эвина тоже расщедрилась на улыбку.

— Идите вперёд, пообщайтесь, — подтолкнула девочек друг к другу Шанетт, после чего подхватила под локоть меня и с придыханием произнесла: — Ах, как бы хотелось повернуть время вспять! Помнишь, как мы здесь учились? Ты, я, Лейф... Чудесное было время!

— Не для меня, — заметила я.

Не думаю, что Раннвей получала удовольствие от учёбы, в которой не преуспевала.

— Да ладно тебе, — легонько пихнула меня локтем в бок подруга. — Весело нам было. И потом тоже... не скучно.

Миновав холл с витражами, мы вышли на свежий воздух и стали спускаться. Площадка перед гимназией была заполнена паромобилями, многие из которых были друг от друга неотличимы. Я скользила по машинам взглядом, пытаюсь вспомнить, которая из них наша. Данна так быстро меня от неё оттащила, не дав толком осмотреться.

И где вообще Вернер?

— Когда ты пропала, всё стало иначе... — Шанетт грустно поджала губы, после чего загадочно, немного хитро улыбнулась: — Вольмар, кстати, спрашивал о тебе. Как узнал, что ты вернулась, сразу и не поверил. Назвал нас с Лейфом сумасшедшими. А потом... — Шанетт закусил губу и с предвкушением произнесла: — Он, как и мы все, с нетерпением ждёт этих выходных.

Спросить, кто такой этот Вольмар, я не могла, хоть и очень хотелось.

— Я тоже с нетерпением жду своего официального возвращения, — выжала из себя улыбку, после чего стала прощаться: — Извини, Шанетт, но нам пора. У Эдвины скоро занятия.

— Жаль, — вздохнула «подруга». — Думала, мы все вместе погуляем.

— В другой раз — обязательно.

Машина нашлась сама, а точнее, нашёлся Вернер, который уже спешил к нам, чтобы тоже напомнить об уроках. Шанетт ничего не оставалось, как пожелать нам хорошего дня и попрощаться.

Пока ехали домой, я пыталась разговорить Эдвину. Интересовалась, как ей гимназия, понравилась ли Росмари, ждёт ли следующей недели. Увы, в машине Эдина вспомнила, что она вредина и язва, и почти мне не отвечала, а если и отвечала, то огрызаясь.

Наследница Фарморов явно испытывала на прочность терпение, которым я хвасталась перед Данной и которое стремительно убывало.

Глава 17. О заведениях благопристойных и не очень Эндер Делагарди

С Эдвиной всегда было легко. По крайней мере, раньше мне так казалось. Забота о её воспитании возлагалась сначала на нянек, а когда девочка подросла, к ней стали приходить гувернантки. В остальное же время она была предоставлена самой себе просто потому, что я почти не бывал дома. В те редкие дни, когда всё же оказывался свободен, старался уделять ей больше внимания. Чувствовал за собой вину из-за того, что меня никогда не было рядом, и ни в чём ей не отказывал.

И, кажется, перестарался.

Приходилось признать, хоть и не очень хотелось: из очаровательной малышки Эдина превращалась в капризного, избалованного подростка. Велев служанке привести её ко мне утром, я надеялся увидеть в её глазах раскаянье, стыд или хотя бы смущение из-за выходки с мисти Ливен, но девочка лишь дерзко вскинула голову и произнесла:

— Она это заслужила. Она мне не нравится!

— Как и все гувернантки, что были до неё, — напомнил хмуро, и Эдина капризно надула губы.

— Эта хуже всех, — буркнула. — Мисти Ливен... она злая. Злая и плохая!

— Такое ощущение, что мы говорим о разных мисти Ливен, — пробормотал я, невольно рисуя в уме тихую, милую девушку в очках.

Эдвина ничего не ответила, насупленно замолчала, и стало ясно: не раскаивается. Не жалеет и не чувствует за собой вины, и, если сейчас ничего не сделаю, гувернантка и прислуга окажутся не единственными жертвами её «шуточек». Что, если рискнёт воздействовать на Женю? Я-то любую попытку магического воздействия сразу почувствую, но вряд ли о ментальных защитах знает иномирянка.

— Подойди сюда, — велел ребёнку.

Замешкавшись, Эдвина всё-таки шагнула к столу, на краю которого я сидел, и с явной неохотой вытолкнула из себя:

— Я больше... не буду.

Прозвучало совсем не убедительно.

— Не будешь, — согласился я. Раскрыв футляр, доставленный помощником мейста Бреверна полчаса назад, извлёк серебряный кулон в виде звезды на тонкой цепочке. В её сердцевине поблёскивал, на первый взгляд, обычный бриллиант. На самом же деле камень был заряжен особой магией, и всё украшение незримой вязью оплетали чары артефактора. Благодаря этой безделушке мне не придётся переживать из-за того, что племянница может заставить скакать Бальдера на руках или выкинет какой-нибудь злой фокус с моей «супругой».

Глаза у Эдвины засияли от предвкушения подарка. Правда, она тут же вспомнила, что вчера крупно проштрафилась, а значит, подарков не заслуживает.

Сощурившись, настороженно поинтересовалась:

— Что это? — И посмотрела на украшение так, словно мои пальцы овивала ядовитая змея.

— То, что будет сдерживать твои порывы и не позволит так беспечно пользоваться даром.

— Но я...

Не теряя время, я надел украшение на шею девочки и предупредил:

— Сама снять не сможешь, даже не пытайся.

— Ты запер мой дар? — вспыхнула племянница.

— Артефакт будет его подавлять. Попробуешь воспользоваться силой, почувствуешь себя плохо. Человеческий разум — не игрушка, Эдвина, — добавил я строго.

— Но я же не смогу учиться с запертым даром! — воскликнула она, сначала белея от гнева, а спустя пару мгновений на щеках вспыхнули пунцовые пятна румянца.

— В ближайшие недели вы будете проходить теорию. Сила тебе не понадобится.

— Но я же... я... — задыхаясь, начала она и тут же выкрикнула: — Ты не можешь запереть мою силу!

— Подавить, — спокойно повторил я, получив в ответ полный бессильной ярости взгляд. — И да, я могу. Как твой опекун, имею полное на то право.

— Бабушка Данна никогда бы...

— Ты хочешь к ней?

Примолкла. Опустила взгляд. Нервно сунув украшение под ворот блузы, чуть слышно вытолкнула:

— Не хочу.

— Хорошо, — кивнул я и поднялся. — Пойдём. После завтрака отвезу тебя в гимназию.

Но в гимназию я так и не попал. Вместо того, чтобы провести утро с племянницей, разделить с ней такое важное событие, как День приветствия, я был вынужден мчаться в управление. Оставалось надеяться, что Женя справится и с Эдвиной, и с ролью Раннвей. Меньше всего мне хотелось, чтобы первый её выход в свет, пусть и такой короткий, был без меня, но...

— Делагарди, в каких облаках витаем? О чём мечтаем? О жене? — вернул меня к действительности, очень и очень паршивой, раздражённый голос начальника. Экеблад едва не рычал, и имел на то право. — Так сейчас не самое подходящее время. У тебя убили коллегу. Ультора! Будь любезен, вернись с небес на эту харгову землю. Ты нужен мне здесь, для расследования!

— Я и так здесь, — ответил сухо.

Терпеть не могу, когда он начинает отчитывать меня, как мальчишку.

В ответ Экеблад удостоил меня мрачным, тяжёлым взглядом, после чего продолжил говорить о погибшем, расхаживая перед

ульторами, следователями и дознавателями, как учитель перед малолетними учениками.

— Хильмар Стенбок был выдающимся человеком, сильнейшим из ульторов, верным товарищем и другом. Он был лучшим из нас, и вчера... — Арильд запнулся, болезненно скривился и с ненавистью выцедил: — Его убило чудовище. Животное! Вам... вам всем! Я поручаю поиски этого... этого... — Он с шумом втянул носом воздух, а после с усилием вытолкнул: — Искажённого.

Экеблад явно хотел грязно выругаться, но сдержался. Лишь пухлые щёки начальника, и без того красные от гнева, ещё сильнее заалели.

Когда я отказался работать с Польманом, Экеблад приставил его к Стенбоку. Тот неопытному напарнику явно не обрадовался, заявив прямо при Польмане, что ему, лучшему ультору управления Кармара, не нужен в помощниках желторотый птенец, от которого будет больше хлопот, чем пользы. Но приказы начальства не оспариваются, и Стенбоку пришлось смириться с молодым напарником. В конце концов они всё-таки сработались. Когда Нильс погиб, Хильмар был сам не свой и всё пытался найти доказательства, что дом Польманов подожгли намеренно.

Но доказательств поджога не было.

— Поимка искажённого в приоритете. Остальной работой занимаемся по мере возможностей. Таубе, Делагарди, вы возглавите расследование. Остальные у вас на подхвате. Всё, свободны, — закончил глава управления и отвернулся к письменному столу, якобы чтобы просмотреть какие-то бумаги. На самом же деле ему явно не терпелось остаться одному и утопить горе в паре-тройке бокалов. Если не бутылок...

Они со Стенбоком были давними друзьями.

— Итак, что мы имеем? — задумчиво пробормотал Рейер, когда мы вышли из кабинета главы управления. — Ещё один искажённый, непонятно с какого перепугу напавший на Стенбока. Он ведь не вёл в последнее время никаких расследований.

Ульторов мало, но, к счастью, искажённые появляются не так часто. По крайней мере, так было до недавнего времени. И вот за последний месяц это уже третий.

Бывало, принявшие огненную кровь, проходили все проверки и признавались здоровыми. Безумие могло проявиться спустя месяцы, а то и годы. За всеми новоявленными одарёнными не уследишь, поэтому и случались трагедии. И тем не менее люди продолжали рисковать здоровьем, жизнью (своей и окружающих) ради магической силы.

Ради лучшей, как многие считали, жизни.

— Давай к Шультену, а потом на место преступления, — сказал я, и Рейер мрачно кивнул.

В прозекторскую ноги не несли, но выбора не было. Я бы предпочёл поохотиться на дюжину искажённых, чем раз увидеть на столе патологоанатома Стенбока. Безумец действительно обошёлся с ним, как чудовище, как животное. Раны, укусы и... разорванное горло.

Будь на месте Хильмара молодой ультор, без опыта, и я бы ещё как-то примирился с этой ужасной картиной. Но Стенбока не просто так называли лучшим. И вот... не справился с одним-единственным искажённым.

С проклятым чудовищем!

— Я многое повидал, но чтобы такое... с ультором... — пробормотал Шультен, накрывая тело. — Это ж сколько надо иметь силищи, чтобы справиться с драконом. Человеку! Пусть и с магической силой.

— Может, его сначала чем-нибудь опоили? Чтобы ослабить, — предположил Рейер, слегка побелевший от всего увиденного. — Его ведь не в храме нашли, а в «Красной розе».

Стенбок не был святым и, имея семью, не брезговал посещать заведения с сомнительной репутацией, полные таких же сомнительных мисти, готовых за пару хрустящих бумажек удовлетворить любые желания посетителя.

— Никаких лекарств и наркотиков в крови нет. Но он выпил, — нехотя признал Свен и тут же поспешил добавить: — Не думаю, что он был пьян настолько, чтобы быть не в состоянии защитить себя. Вы же, драконы, — перевёл взгляд на меня, — почти не пьянеете.

Это была правда. Хмель нас не берёт, а если и берёт, то не сразу и выпить при этом надо немало. Стенбок, насколько мне известно, подобных проблем не имел.

Или мы его плохо знали.

— Поехали в бордель. — Рейер тронул меня за плечо, заставляя оторвать взгляд от накрытого тканью тела.

Сбросив оцепенение, я попрощался с Шультемом, в последний раз взглянул на погибшего ультора и вышел. И сразу жадно глотнул холодный, сырой воздух, запоздало осознав, что там, в прозекторской, почти не дышал.

По дороге в «Красную розу» Рейер решил поговорить о моей «жене», хотя это была последняя тема, которой мне сейчас хотелось касаться.

— Так что у неё за дар, Делаярди? Весь Гратцвиг только о ней и говорит. Ну и с сегодняшнего дня о бедолаге Стенбоке, конечно, — с горькой усмешкой добавил напарник.

— Про дар скоро узнаешь.

— Интригуешь?

Нет, просто никак не придумаю, какой силой, неинтересной и безобидной, стоит «наделить» Женю.

Что, если её попросят продемонстрировать способности? Она, конечно, не выпускница гимназии и приём в её честь — не экзамен, но кто-то из приглашённых вполне может заикнуться. Попросит, чтобы леди Делаярди похвасталась своим новообретенным талантом, и что тогда? Заставить её, конечно, никто не заставит, но вопросы появятся. И сплетницы вроде Данны с удовольствием назовут её не только пустышкой, но и обманщицей.

— Давай лучше сосредоточимся на деле, — сказал я явно ожидающему ответа Рейеру и услышал тихий смешок.

Наверняка тоже считает, что Раннвей обманщица.

Женя Исаева

Не успели мы закончить с обедом, как звон колокола объявил о появлении мисти Ливен. Я облегчённо выдохнула: если честно сомневалась, что она вернётся после вчерашнего. Эдвина же состроила такую гримасу, словно учить её пришла болотная кикимора. И в классную комнату уходила, старательно делая вид, что её отправляют на казнь или как минимум на жестокие пытки.

Неужели настолько ленива? Или ей и правда так сильно не нравится гувернантка? Может, мне стоит поприсутствовать на паре занятий? Правда, не уверена, что Эдвина обрадуется такой компании.

— Давай сегодня обойдёмся без сюрпризов, — попросила её, прежде чем отпустить на урок.

На что наследница Фарморов лишь раздражённо фыркнула и, буркнув себе под нос что-то вроде: «Не твоё дело!», выскочила из столовой. Наверное, следовало её задержать и объяснить, что так отвечать нельзя, но к столу неожиданно подлетела Вильма. Судя по возбуждённо горящим глазам, ей удалось что-то разузнать. Возможно, о... Вольмаре? Почему-то я была уверена, что незнакомец с фотографии и друг Раннвей, о котором утром упоминала Шанетт, — один и тот же мужчина. Дрожь, прокатившаяся по коже при одном лишь звучании его имени, была примерно такой же, что и тогда в... Эмм... ванной.

Тряхнув головой, чтобы из неё выскочили бредовые мысли о дрожи и обо всём из неё вытекающем, я поспешила вверх, а Вильма полетела следом.

— Не поверишь, где я была! — гудела она, пока я быстро, насколько позволяли многослойные юбки, поднималась по лестнице. — Ни за что не поверишь!

— Выкладывай, — попросила я, и старушка тут же с готовностью завела:

— Я решила, как говорится, начать с истоков — с родового имени Фарморов. Оказывается, они были теми ещё конспираторами. Чуть ли не на каждой комнате охранное заклинание! Ими буквально весь дома опутан... Но! — Вильма довольно ухмыльнулась. — Чарам уже не один год, их явно давно не напитокывали. Мне удалось найти лазейки и побывать в некоторых помещениях. Жаль, что не во всех... — печальный вздох. — Может, через пару-тройку лет. Или вот...

— Что-нибудь нашла? — вернула я призрака в нужное русло, пока мы не углубились в магические дебри.

— Всего понемногу, — кивнула Вильма. — Коробку с письмами, вроде той, что стоит у тебя, но, как ты понимаешь, открыть её не смогла. Только внутрь разочек заглянула... И, кстати, в доме Фарморов о-о-очень много фотографий! А в комнате Раннвей есть одна весьма интересная. Такая в нарядной серебряной рамке и...

— Вильма!

— В общем, на ней Раннвей, какая-то мелкая курносая блондинка, смазливенький мужик и вот тот красавчик, о котором ты рассказывала.

— Эта блондинка? — Я как раз вошла в спальню и, достав из коробки фото, на котором были запечатлены Шанетт с Лейфом, показала его доморощенной разведчице.

— Она самая! — радостно воскликнула старушка. — Мелкая, тощая, смазливая, а взгляд — хи-и-итрый. И вот эта лисья улыбка...

Я повнимательнее присмотрелась к чёрно-белой Шанетт и пришла к выводу, что Вильма права. Даже на фотографии глаза подруги Раннвей лучились лукавством, и точно так же хитро, если не сказать — немного коварно, она улыбалась сегодня утром, когда говорила о Вольмаре.

— Не удалось выяснить, как его зовут? — спросила я и указала на потенциального Вольмара.

Вильма напыжилась:

— Я же тебе не метеор, чтобы и там, и здесь успеть. Побывала у Фарморов и сразу к тебе. Но ничего! И его обязательно найдём. А тот второй тебя не интересуется?

Тот второй, Лейф который, был мне сто лет не нужен. Да и незнакомец тоже, но вот застрял в мыслях и всё тут. Наверное, пока не узнаю, кто он и что его связывало с Раннвей, не успокоюсь. Спросить Деллагарди? Но тогда он начнёт интересоваться, почему именно этот тип привлёк моё внимание, а мне совсем не хочется признаваться, что я порой ощущаю эмоции прежней хозяйки и изредка в сознании мелькают обрывки чужих воспоминаний.

Нет, об этом точно не стоит никому рассказывать.

— Второго я уже знаю, — запоздало ответила я и объяснила: — Эти двое тоже летели на «Стальном драконе». Там я с ними и познакомилась.

— Тебе бы съездить туда, самой осмотреться... — посоветовала Вильма. — Я имею в виду, к Фарморам. Тебя дом точно примет. В кабинет хозяйский заглянуть, в комнаты Терес и Раннвей... И вот подземелье ещё. К нему я почему-то даже не смогла приблизиться, — закончила она слегка обиженно.

— Можно и съездить, — кивнула я и задумалась о том, как организовать эту поездку.

Не будет ли против Эндер? Или, может, ему не стоит рассказывать? Попросить Вернера отвезти или взять наёмный экипаж? А вдруг чары и меня не пропустят... Наверное, пока не попробую, не узнаю.

После обеда я собиралась вернуться на чердак, чтобы продолжить «копать», но, увы, с копаниями в тот день не сложилось. Прикатили портнихи на первую примерку и чтобы продолжить обсуждать новый гардероб леди. Всё это дело, нудное и бестолковое, затянулось до самого вечера. А не успели они отчалить, как к воротам подъехала машина с Делагарди. Стоило на него взглянуть, как сразу стало ясно: день у дракона был не самый приятный, и это ещё мягко сказано.

При виде меня, вышедшей его встречать, он постарался улыбнуться, но получилось плохо.

— Что-то случилось? — спросила я с тревогой.

— Поговорим после ужина, — сказал он и, вскинув взгляд, снова улыбнулся. На этот раз уже не так мрачно и вымучено.

Эта вторая его улыбка адресовалась Эдвине.

Эндер Делагарди

В «Красной розе» мы пробыли почти до вечера. После осмотра комнаты, в которой Стенбок уединился со своей дамой сердца и в которой, собственно, и произошло нападение, приступили к допросу хозяйки борделя и её цветника. Каждая девица в этом заведении носила имя какого-нибудь цветка. Увы, Фрезии — любовнице Стенбока, тоже не повезло. Судя по отчёту патологоанатома и увиденному в спальне, искажённый отшвырнул её от ультора и отшвырнул весьма неудачно. Для самой дамы. И для нас. Она ударилась о каминную полку и, к нашей с Рейером досаде, ударилась весьма неудачно. Можно сказать, фатально.

Жаль. Девица могла бы описать нападавшего, потому что никто другой в этой богадельне понятия не имел, кто и почему проник в спальню Фрезии! Было ли это спонтанное нападение, а может, охотились на Стенбока? Или кому-то понадобилось свести счёты со шлюхой?

Искажённого можно сравнить с голодным, одичавшим зверем, жаждущим крови, мечущимся в поисках поживы. Именно поэтому отравленные магией не ограничиваются одной или двумя смертями. По идее, в «Красной розе» все этажи должны были быть залиты

кровью, а на деле получается, что искажённый незаметно, не привлекая внимания, проник в комнату шлюхи, убил её и ультора и также без лишнего шума скрылся.

Удовлетворился парой жертв? Ещё недостаточно обезумел? Или мы имеем дело с каким-то другим видом искажённых?

Лувис Келлер напал на Женю, и поначалу я решил, что она просто подвернулась ему под руку. Могла стать первой из многочисленных жертв. А если нет? Что, если ему была нужна именно моя «жена»?

— Ничего не понимаю, — с явной досадой пробормотал Рейер, дожидаясь, когда в кабинет хозяйки борделя войдёт очередная Маргаритка или Хризантема. Ещё одна бесполезная для нас девица, которая ни харга не знает, ничего не видела и не слышала. — Я, видимо, отстал от жизни. Какие-то нынче пошли нетипичные убийцы. С каких это пор искажённые выбирают жертв, а не ломают шеи всем без разбору?

— Я тоже весь день об этом думаю. — Устало потерев лицо, я потянулся за полупустой чашкой кофе. — Жаль, нельзя с уверенностью сказать, стали ли Стенбок и эта девушка случайными или намеренными жертвами.

Мрачно хмыкнув, Таубе вскинул взгляд на очередную ночную бабочку, ну то есть цветочек, робко скользнувшую в нашу «допросную», и мы продолжили.

Всё те же бесконечные вопросы всё о том же.

Бордель покидали уже когда начало смеркаться. Уставшие, голодные, раздосадованные неудачами. Рейер отправился обходить окрестные дома в надежде, что кто-то мог заметить убегающее с места убийства чудовище, я же вернулся к другому своему расследованию — отправился в «Кармарское пламя»: закрытый клуб для драконов, с которым Лувиса Келлера связывал обнаруженный в его кабинете портсигар.

Завтрашний день тоже обещал быть долгим и муторным: придётся навестить всех завсегдатаев «Красной розы», именами которых с нами, пусть и без особого желания, поделилась хозяйка публичного дома.

Каково же было моё удивление, когда среди фамилий тех, кто вчера был в её неблагочестивом заведении, я обнаружил старого друга Раннвей, с которым недавно мы имели несчастье повстречаться. Не то чтобы меня удивило, что Лейф Флеминг изменяет своей красавице-

жене. Его личная жизнь — это его личная жизнь. А вот то, что он уже дважды за короткое время мелькал на месте преступления, заставляло насторожиться. Возможно, просто совпадение, но...

Завтра с него и начнём.

Вскоре я уже входил в холл старинного особняка, в котором располагалось «Кармарское пламя». Клуб для избранных. Для единиц. Тем удивительнее было обнаружить портсигар в ящике стола обычного банковского служащего. Я состоял в этом клубе, хоть уже и забыл сюда дорогу. Вообще в какие-либо клубы.

И вот, пришлось вспомнить.

Членство в «Кармарском пламени» пожизненное, взносы — ежегодные и, должен сказать, далеко не маленькие. И тем не менее первым, кого увидел в гостиной клуба, — был Рангель Левенштерн. Муж Данны сидел в кресле возле камина и, явно перепутав «Пламя» с дешёвым кабаком, не отказывал себе в выпивке. Пока я осматривал просторную, отделанную тёмным деревом и зелёным бархатом залу, он дважды наполнил бокал и дважды осушил его залпом. У ног Левенштерна валялась раскрытая газета, а в пепельнице, источая тонкую струйку дыма, лежала незатушенная сигара.

Левенштерн тоже меня заметил и помахал так, словно мы были старыми друзьями. Я кивнул ему, даже заставил себя улыбнуться и хотел уже отвернуться, но потом передумал. Направился к Левенштерну, снова схватившемуся за изрядно опустевший графин. Напитки и еда в клубе были бесплатны. Точнее, ежегодный взнос покрывал эти растраты. Наверное, поэтому Рангель ни в чём себе не отказывал, и, может статься, он здесь часто бывает.

Лучше расспросить его сейчас, пока ещё в состоянии отвечать.

— А, Делагарди! Какими судьбами, дружище? — неуклюже взмахнув бокалом, громко поприветствовал меня Рангель.

Слишком громко. Немногочисленные посетители клуба, рассредоточившиеся по гостиной, неодобрительно на нас покосились. Кто-то читал газету, устроившись в кресле возле бра в виде перламутрового цветка. Весь день на уме эти харговы цветы... Кто-то курил сигары и тихо(!) общался. Почти все лица были мне знакомы и, может статься, следовало начать с трезвых драконов. Но поздно. Я уже подошёл к Левенштерну и тот, одарив меня хмельной улыбкой,

гостеприимно, словно «Кармарское пламя» было его безраздельной собственностью, предложил:

— Садись, дружище!

Дружищами мы отродясь не были. Пришлось заглушить в себе всплеск раздражения и присаживаться в кресло напротив Левенштерна. Под крепкими деревянными ножками мебели белесым полотном растянулась шкура дрелорского медведя, порыжевшая под отблесками пламени. Огонь в камине горел слишком ярко, слишком жарко. Из-за этого и всего выпитого Левенштерн вспотел. На щеках главы Малого дома выступил румянец, а на затылке, обрамлённый первой сединой, — испарина. Сюртук он уже давно снял и, судя по тому, как натянулись на животе пуговицы тёмно-синего жилета, скоро останется и без этого предмета одежды. Ну или как минимум растеряет все пуговицы.

— Давно тебя здесь не было, Эндер, — проговорил он, прикладываясь блестящими губами к бокалу.

— На отдых и развлечения, увы, нет времени, — ответил я и в свою очередь поинтересовался: — А ты здесь часто бываешь?

— Нередко, — кивнул Рангель. И прежде чем я успел озвучить следующий вопрос, стал изливаться на меня свои проблемы: — Мне сегодня пришёл счёт из этой... как его... Тьюрильской богадельни! За первый месяц... ик... обучения... Месяц, Эндер! — Он опрокинул в себя то, что ещё оставалось на дне бокала, и со злостью добавил: — Они там совсем с ума посходили. Думают, если мы живём с ренты, то живём хорошо. А вот плохо мы живём, Эндер! Плохо! Ещё и эти шакалихи... портнихи, чтоб их! — процедил, снова потянувшись за графином, но пальцы соскользнули с узкого горлышка, сосуд покачнулся и, если бы я не успел его перехватить, дорогой умерский хрусталь украсил бы осколками дорогую шкуру дрелорского медведя. — Притащились вчера, чтобы снова нас ограбить. Видите ли, надо шить новые тряпки! Для вашего с Раннвей приёма, между прочим. Кстати! — Левенштерн довольно улыбнулся, когда я наполнил его бокал. — С возвращением блудной жены тебя! Ты вообще рад?

— Безмерно.

— А Раннвей? — сверкнул он глазами не хуже какой-нибудь прожжённой сплетницы Гратцвига. — Помнится, у вас были проблемы.

— Сейчас у нас всё хорошо.

— О? — явно удивился такому повороту Левенштерн, после чего, хмыкнув, спросил: — И что теперь? Раннвей унаследует сокровища старика Фармора?

— Её имени нет в завещании.

— Но она же наследница. И как я слышал, теперь уже с жаром... С даром! Не полукровка.

Врезать бы ему, за полукровку, да что взять с пьяного идиота. Пришлось снова давить в себе раздражение, вместе с желанием добавить красок и без того пунцовому, опухшему от многочисленных возлияний лицу Левенштерна.

— Она могла бы вызвать Эдвину на бой, — пьяно хихикнул идиот.

— Раннвей не нужны деньги Фармора, ей хватит моих.

Зря я это сказал. Левенштерн вздохнул, с явной завистью, и недовольно проворчал:

— И почему артачишься, не понимаю... Отдал бы нам девчонку. Вам с Раннвей о своих наследниках думать надо. На кой харг сдалась тебе полукровка?

Тебя следовало бы спросить о том же.

Но я не стал спрашивать. По крайней мере, не об Эдвине. И так ясно, зачем она Левенштернам, а сюда меня привели не семейные дразги, а расследование.

— Не видел здесь этого человека? — Достав из нагрудного кармана фото Келлера, я сунул его под нос Левенштерну.

Тот шумно выдохнул, отчего вокруг нас на несколько мгновений зависло стойкое облако перегара, и пробормотал:

— Где-то точно видел... — Опустив взгляд на валяющуюся у ног газету, воскликнул: — Ну вот же! В «Хрониках Кармара» и видел! Это он на тебя напал?

— А здесь Келлер не появлялся? — вопросом на вопрос ответил я. Разговор у нас явно не складывался, отчего с каждым мгновением всё сложение становилось давить в себе раздражение.

— Здесь? — захлопал глазами Рангель.

Великий Дракон, как же хочется его встряхнуть!

— Здесь, — соскребая остатки терпения, кивнул я.

— Так он же человек!

Блестящее открытие.

— Так был или нет?!

— Я... ик... не видел. — Рангель обернулся на звук голосов и, пыхтя, стал подниматься. — Извини, Эндер, я тебя ненадолго оставлю. Мы тут с мейстом Булоном на днях случайно перепутали портсигары. Он взял мой, а я его. Только дома уже обнаружил, что инициалы-то не мои.

— Портсигар, который дарят при вступлении в «Кармарское пламя»?

— Ну да. — Рангелю всё-таки удалось подняться. Пошатнувшись, он нетвёрдой походкой направился к седовласому эйрэ, вошедшему в гостиную в сопровождении двух мейстов. — Мейст Булон! Мейст... ик! Подождите!!!

Гравировка в виде инициалов...

Теперь уже идиотом чувствовал себя я. И как мог забыть! Точнее, я о них даже не знал. Когда после вступления в клуб мне прислали корзину с подарками, я даже не удосужился поинтересоваться, чем меня решили одарить за членский взнос в виде кругленькой суммы. Понятия не имею, где в итоге осела та корзина. Скорее всего, в одном из шкафов кабинета, а может, и вовсе была отправлена на чердак.

Достав из кармана портсигар Келлера, внимательно его осмотрел. Инициалы обнаружились на серебряной крышке: крошечные, едва различимые, они были искусно вплетены в край витиеватого рисунка — объятого пламенем дракона, скованного шипами розы. И это было не инициалы искажённого.

— В.Р., — произнёс вслух и с мрачной усмешкой подумал, что добиться от хозяина клуба списка всех его членов будет непросто.

Это не с бандершей договариваться. В Кармаре не любят, когда кто-то, пусть даже ультор, пытается сунуть нос в личные дела и жизни других драконов. И ордер вряд ли удастся получить. А значит, придётся выкручиваться и изгаляться.

Поднявшись, я направился к другим членам клуба, стараясь избегать пьяного Рангеля.

Глава 18. Расхождение во взглядах

Женя Исаева

За ужином дракон был немногословен. Нет, он в принципе красноречием не отличался, но сегодня казался особенно замкнутым. Лишь поинтересовался, как прошло наше утро, и Эдвина, ангельски улыбаясь, заявила, что всё было сносно и терпимо.

Я в тот момент чуть вином не подавилась.

— Тебе не понравилось в гимназии? — отреагировал дракон на «сносно и терпимо».

Девочка пожала плечами:

— Я толком ничего и не увидела. Раннвей не захотела показывать мне гимназию, сразу домой потащила.

Не захотела? Можно подумать, она меня о чём-то таком просила...

Одарив и меня улыбкой, язвительно-ядовитой, интриганка продолжила:

— И с Кикки запретила разговаривать. И от другой девочки, Росмари, сразу меня оттащила.

М? То ли у меня проблемы с памятью, то ли Эдвина — наглая врунья.

— Нечего тебе общаться с девицами Левенштерн, — помрачнев ещё больше, хотя больше, казалось, уже просто невозможно, неожиданно резко проговорил Эндер. — У них дурная кровь, Эдвина. Сегодня я в который раз имел возможность в этом убедиться.

«Племянница» притихла. Она явно рассчитывала, что любимый дядя начнёт упрекать нелюбимую тётю за несостоявшуюся экскурсию и препятствие зарождению дружбы, но вместо этого Делагарди лишь тихо меня поблагодарил и сосредоточился на еде.

И на мыслях. Судя по всему, ещё более мрачных, чем выражение его лица.

После ужина служанка увела Эдвину наверх готовиться ко сну, а мы с «супругом» переместились в его кабинет, магией защищённый от любопытных глаз и ушей.

— Расскажешь, что случилось? — попросила я, устраиваясь на диванчике возле камина. — Почему тебя так срочно вызвали?

— Погиб один из ульторов. — Он плеснул себе в бокал не то коньяк, не то виски, а может, какой-нибудь местный аналог этих крепких напитков, и подошёл к окну, за которым осенний вечер хмурился грозowymi тучами.

Я вспомнила, что полицейский говорил про убийство, и осторожно поинтересовалась:

— Его убили?

Дракон кивнул, не оборачиваясь. Стоял и смотрел в окно, словно там, в густых чернильно-серых сумерках, таились ответы на вопросы, что не давали ему покоя.

— Искажённый?

Пауза.

Пару минут он молчал, а я терпеливо ждала ответа. Наконец, оставив на подоконнике опустевший бокал, Эндер обернулся.

— Мы не знаем ни кто он, ни куда скрылся. Убийство произошло в публичном доме, поэтому пресса уже в курсе. А завтра её стараниями в курсе будет весь Гратцвиг. — Делагарди поморщился, словно ему под рёбра только что вонзили шпагу. — Сумасшедший убийца на свободе, и неизвестно, сколько ещё людей пострадает, пока мы его не поймает. — Он одарил меня долгим, задумчивым взглядом. — Он может быть где угодно, но сюда точно не проберётся. Вам с Эдвиной в ближайшие дни не стоит выходить из дома.

Это что же получается, накрылась моя вылазка к Фарморам медным тазом?

Спорить я не стала. Несмотря на совет Вильмы заглянуть в родовое гнездо Раннвей, нестись туда сейчас, когда в городе прячется обезумевшее нечто... Не-е-ет, спасибо. Мне хватило и одного «свидания» с такой «милахой». Больше не надо.

— У Эдвины со следующей недели начинаются занятия, — напомнила Делагарди, устремившемуся за алкогольной добавкой.

— Поимка искажённого — вопрос нескольких часов. В худшем случае — дней. Он не сможет долго сдерживать свою жажду, нападёт снова. Но лучше, конечно, нам найти его до нападения. Отряды законников прочёсывают город, каждый ультор столицы вовлечён в поиски. Найдём! — Он мрачно усмехнулся и пробормотал чуть слышно, обращаясь скорее к себе, чем ко мне: — Главное, чтобы обошлось без новых жертв.

Перед глазами снова встала жуткая картина — искажённый в зале ресторана, убийца с чудовищной улыбкой, жаждущий моей гибели. Брр! Даже думать страшно, что кто-то в Гратцвиге может пострадать по вине такого же кошмара.

— Ты говоришь, убийство произошло в борделе... — Я подняла на Эндера вопросительный взгляд. — Обычно такие места многолюдны. Неужели его никто не видел? Никто не смог его описать?

— Это-то и странно, — выудив из узкого горлышка графина хрустальную пробку, сказал Делагарди. — Искажённые не отличаются осторожностью, а этот...

— У меня идея! — перебила я его и подскочила с дивана, охваченная странным ощущением: не то волнением, не то азартом. — У погибшего были близкие? Кто-нибудь, с кем у него за годы жизни сформировалась крепкая эмоциональная связь. Жена, дети, родители...

— У него есть семья, — ответил Эндер и тут же нахмурился: — К чему ты клонишь, Женя?

А то он не понимает!

— С помощью его родных я бы могла увидеться с погибшим и расспросить его об искажённом. Уж кто-кто, а твой коллега точно видел лицо своего убийцы!

То, что дракону не понравилось моё предложение, я поняла сразу, по выражению его лица. Делагарди нахмурился и, глядя на меня так, словно его фальшивая жена вдруг сошла с ума, коротко произнёс:

— Нет.

— Что — нет? — Теперь уже хмурилась я, не понимая, с чего вдруг такой категоричный ответ.

— Мы уже говорили об этом, Женя, — добавил он резко, если не сказать — грубо. — О твоём даре никто не должен знать.

— Но в опасности люди! — воскликнула я и подумала, как было бы здорово взять за грудки этого дракона, встряхнуть хорошенько, чтобы перестал быть таким непрошибаемым. Правда, встряхнуть такую махину получится вряд ли, но я бы с удовольствием попыталась. — Если искажённый сумел расправиться с целым ультором, то...

— Нет.

Коротенькое слово прозвучало ударом, пощёчиной. Мой бывший муж точно так же любил командовать и приказывать, и... Раньше такое отношение угнетало, сейчас — заставляло злиться.

— Не принимай решений за меня, — процедила, приблизившись. — Не надо.

— Я забочусь о твоей безопасности, Женья. Это раз, — взгляд сверху-вниз ударил в меня. — Два: я пытаюсь придерживаться условий нашего договора. Если станет известно, что ты зрящая, через год мы с тобой не расстанемся. Никто не посмотрит, что ты — драконица. Твою силу будут использовать, и отказаться уже не сможешь.

— Мы бы могли что-нибудь придумать!

Но он как будто меня не слышал. Не желал слушать.

— Три: как уже сказал, искажённый себя ещё проявит. Не сегодня, так завтра. И тогда его поймают.

— Но сначала поймают он, — буркнула я, задетая тем, что мой план вот так сходу отвергли, даже не пожелав рассмотреть варианты. — Мы бы могли попросить не рассказывать о моём даре. Или я могла бы прикинуться...

— Нет, Женья. Нет, — повторил упрямец, и желание встряхнуть его сменилось более кровожадным — со всей силы вонзить шпильку в его наполированную до блеска туфлю. А может, отвесить пощёчину.

В идеале — всё сразу и желательно с «добавкой».

— Ты леди Делагарди. Не зрящая, — коснувшись моего плеча, примиряюще мягко произнёс любитель командовать.

Плечом я дёрнула, отступила на шаг, получив в ответ мрачный взгляд.

— Но и не пустышка. Так какой же всё-таки у меня дар, ваша светлость? Праздник уже не за горами, а мы так и не придумали, какой такой талант я так долго в себе раскрывала.

Делагарди не спешил с ответом. Стоял и молча гипнотизировал меня своими неестественно яркими зелёными глазами. Неестественно яркими даже в густившемся вокруг нас полумраке.

— Я ещё думаю, — наконец ответил он с явной неохотой.

Я не сдержала усмешки:

— Думайте скорее, дорогой муж. Времени почти не осталось.

Бросив на него последний взгляд, направилась к выходу. Можно было бы остаться, чтобы поговорить о Раннвей, узнать о ней больше, но... Честное слово, я больше узнаю о ней из писем, от прислуги, от Вильмы, чем от этого недочешуйчатого командира!

* * *

Недочешуйчатого командир оказался прав: искажённый снова себя проявил, не заставил ждать. Уже на следующий день, пока

столица переваривала одну страшную смерть, случилась другая. О второй жертве я узнала от Вильмы. Уж не знаю как, но она оказалась одной из первых на месте преступления — в доме некоего политика, который и пострадал от рук сумасшедшего убийцы. Или, скорее, от его... хм... челюсти.

— Зрелище там, конечно, не для слабонервных, — подпитывала меня информация старушка, а я тем временем подпитывала себя успокаивающим чаем и сладостями.

Нет бы послушаться меня, воспользоваться моим даром, так нет же... И что получается? Снова погиб мужчина.

Драconiще бессердечное.

— А это точно был искажённый? — спросила я и в самых расстроенных чувствах угостилась ещё одной конфетой.

Конфеты были изумительными. Из тёмного шоколада, с ореховой крошкой и растекающейся по языку кисло-ягодной начинкой. Но едва ли я ими наслаждалась, поглощённая мыслями и переживаниями об очередной трагедии.

— Ну, во-первых, не каждому душегубу придёт в голову вгрызаться в горло своей жертве, — хмыкнула Вильма и добавила: — Кинжал, пистолет, яд — это нормальные человеческие орудия убийства. А тут... Во-вторых, твой ненаглядный дракон примчался на место преступления почти одновременно со мной, я лишь на пару минут его опередила. Ульторы — они ведь чувствуют искажённых. Вот и твой тоже что-то там учуял...

— Повторяю ещё раз: не мой и ненаглядный, — напомнила терпеливо и спросила: — Свидетели?

— На шум прибежала служанка, но когда она вошла в спальню мейста Лоде, искажённого уже не было. Нечестивец выскочил в окно и был таков.

— И больше никто в доме этого мейста Лоде не пострадал?

— Все остальные живы, голубчики, — кивнула Вильма. — То ли не успел, то ли не собирался...

Сначала ультор, потом политик... При этом все, кто находился с ними рядом, остались живы. Станный искажённый, странные события. А я тут сижу, ем конфеты и чай гоняю!

Делагарди не было весь следующий день и добрую половину ночи. Я ждала его, чтобы снова обсудить ситуацию с искажённым, но

ожидание оказалось напрасным. Так и уснула у окна, проглядев все глаза. Уже позже, под утро, перебралась в кровать, но отдохнуть нормально не получилось. Той ночью кошмары не оставляли в покое. Мне снилось, как искажённый, Лувис Келлер, вгрызается в горло Эндера, рвёт на части одну из служанок, Санну, ломает шею Бальдеру. Он убивал в попытке подобраться ко мне, а я сидела за кофейным столиком в гостиной и вместе с Шанетт пила злосчастный чай. Мы беззаботно болтали, обсуждая грядущий праздник, наши драгоценности и наряды, перемывали косточки мужьям и снова возвращались к последним веяниям моды.

Глупые, пустые разговоры.

— Ещё чаю? — медово поинтересовалась «подруга», и я улыбкой кивнула.

Вот только вместо ароматной заварки из тонкого горлышка фарфорового чайничка полилась густая, бордовая жидкость. Чашка быстро наполнилась, и кровь, размывая на фарфоре цветочный узор, хлынула на блюдо, растеклась по белоснежной скатерти. Я опустила взгляд и заметила копошащихся в конфетах личинок. Содрогнулась всем телом, увидев паука, карабкающегося по горке печенья.

— Твой чай, дорогая.

Вскинула взгляд, на ужасающий напиток в руках Шанетт, но её место вдруг занял Келлер, а сама леди Флеминг лежала возле кресла с разорванной грудной клеткой.

— Ну же, Раннвей. Чай остывает, — мурлыкнул искажённый, протягивая чашку, обнажая острые, неровные зубы, и я в ужасе закричала.

К счастью, на этом кошмар оборвался. Я открыла глаза и уснуть больше так и не смогла. Поднявшись, поплелась в ванную. Прохладная вода помогла справиться с усталостью, прогнала остатки сна. Разминая шею, вернулась в спальню, надела домашнее платье с пышными рукавами. Сунула ноги в мягкие балетки, кое-как расчесала волосы и отправилась на поиски дракона.

Несмотря на ранний час, тот обнаружился в столовой и, судя по спешке, с которой расправлялся с тостами и омлетом, проводить время за неспешным чтением газеты не собирался. Я скользнула по нему быстрым взглядом. Жилет застёгнут на все пуговицы, шейный платок, прадедушка галстука, тоже на месте. Сюртук висел на спинке стула в

ожидании, когда его наденут, чтобы отправиться на очередное бдение. Всё чёрное, кроме рубашки, как будто собрался на бал. Или... на последнее прощание.

— Как успехи? — спросила я вместо приветствия.

— Успехов нет, — нехотя признался Эндер и в свою очередь поинтересовался: — Почему так рано встала?

— Мне не спалось и... Больше никто не пострадал? — Я в упор посмотрела на дракона, гадая, расскажет ли о погибшем политике или решит отмолчаться.

Увы, моих ожиданий Делаярди не оправдал.

— Расследование продолжается, — ответил он обтекаемо и поднялся с явным намерением сбежать от меня и вопросов, ответы на которые давать не желал. — Сегодня буду, скорее всего, снова поздно. Отдыхай, Ж... Раннвей, — быстро поправился. Подарив мне тусклую тень улыбки, схватил сюртук и был таков.

Отдыхай... Да я тут только и делаю, что отдыхаю. Меряю платья, ублажаю свой желудок.

Схожу с ума от скуки.

А тем временем гибнут люди.

Вздрыгнула, когда в памяти всплыли фрагменты сна: гостиная, укрытая ковром из трупов, и я в самом центре. С кровью вместо чая и конфетами, от одного воспоминания о которых к горлу подкатывала тошнота.

— Ты знаешь, кого сегодня хоронят?

Вздрыгнула во второй раз, от неожиданности, когда за спиной раздался голос Вильмы.

— Не пугай так.

— А что я? — облетев меня, насупилась старушка. — Я же хочу как лучше. Стараюсь. Сразу к тебе вот помчалась, со свеженькими новостями. С пылу, с жару!

В столовой, кроме нас с духом, никого не было, поэтому я тихо спросила:

— Будут хоронить коллегу Эндера?

— Его, голубчика, — подтвердила старушка. — Похороны мейста Лоде назначены на завтра, но завтра у нас праздник, так что...

Так что, так что...

Вильма выразительно замолчала, при этом ввинчиваясь в меня выжидающим взглядом. Ей явно не хватало в жизни (ну то есть после смерти) авантюры, а у меня и без того проблем выше крыши. Но вот этот сон... Моё подсознание как будто намекало, что я должна воспользоваться даром людям во благо, иначе смерти продолжатся. Я ведь могу явиться на похороны, инкогнито, и осторожно, аккуратно поговорить со вдовой покойника.

— Как думаешь, приглашённых будет много?

— На драконьих-то похоронах? — Старушка хмыкнула и, округлив глаза, с придыханием выдала: — Целый океан!

Это хорошо. Может статься, что в этом океане удастся затеряться, и Делагарди меня не заметит. А если и заметит... Главное, сначала переговорить со вдовой, а там уже пусть психует сколько влезет.

— Ну что, отменимся на последнем прощании? — Вильма заговорщически улыбнулась.

— Отметимся, — кивнула я и отправилась на поиски своих служанок.

Мне срочно нужно было траурное платье с густой, очень густой вуалью.

* * *

Решение отправиться на похороны я приняла легко, без лишних сомнений. Сложным оказалось другое — уйти из дома. Переодевшись (благо на чердаке обнаружился траурный наряд, пусть не самый модный, да ещё и пропахший пылью, но зато подходящий событию), я попросила Минну закрепить у меня на голове шляпку с вуалью. Шляпка оказалась до безобразия маленькой, словно создавалась для куклы или ребёнка. Зато вуаль порадовала: длинная и плотная, она надёжно скрывала лицо от постороннего взгляда.

— Вернер уже вернулся? — спросила я, когда со сборами было покончено.

Обычно водитель отвозил Делагарди на работу и сразу возвращался. Я надеялась, что он уже дома и сможет подбросить меня на похороны. Но, увы, ответ Минны разочаровал:

— Вернера ещё нет, моя леди.

— Не знаешь, когда будет?

Девушка развела руками.

— Бывает, он на весь день остаётся с эйрэ, — ответила за неё вернувшаяся с ещё одним уловом, чёрным жакетом, Полин.

Я нахмурилась, а Вильма беспечно выдала:

— Ерунда! Поймаем по дороге экипаж!

Украдкой покачала в ответ головой. Я, конечно, хочу помочь расследованию, но не до такой же степени. Разгуливать по незнакомому городу без сопровождения, когда по нему же разгуливает опасный убийца... Удовольствие, скажу я вам, ниже среднего. В общем, сомнительное.

— А у нас есть ещё машины?

И водитель. Я понятия не имела, как управляться с этими их паромобилями.

— Бальдер мог бы вас отвезти, — предложила вариант, не самый приятный, Минна.

Ехать на похороны со злокой-дворецким... Прогулка по Гратцвигу с Вильмой и то кажется более благоприятной. И менее опасной. А ну как выбросит меня в ближайшую канаву.

Кисло улыбнувшись своему отражению в зеркале, поблагодарила девушек за то, что помогли оперативно отыскать траурный наряд, и, надев жакет, отправилась на поиски правой руки Эндера.

Впрочем, он сам нашёлся. Не успела я выйти из своих покоев, как ринулся ко мне разбираться:

— Куда это леди собралась?

И откуда только узнал!

— На прогулку.

— В этом? — ещё больше нахмурился дворецкий.

— Много вы понимаете в женской моде, — пожурила его с ласковой улыбкой и тут же добавила, не позволив вставить и слова: — А вы меня на эту прогулку отвезёте.

— С чего вы взяли, что отвезу? — напыжился Бальдер.

— Хотите, чтобы я гуляла в одиночестве?

— Вам вообще не следует никуда уезжать, — хмуро просветил меня дворецкий. — Приказ эйрэ.

— Я его жена, а не пленница.

— Увы, — вздохнул нахал. И тут же резко сказал: — Возвращайтесь к себе, леди. Отдыхайте, любуйтесь подаренными вам украшениями. Почитайте, в конце концов, что-нибудь...

Потыкайте иголками в куклу вуду, представляя на её месте одного несносного дворецкого.

Увы, кукол вуду у меня не было. Зато имелся план, от которого я не собиралась отказываться.

— Я так или иначе уйду. С вами или без вас — дело десятое.

И мгновения не прошло, как лицо зловредного слуги покрылось пятнами раздражения и досады.

— Вам нельзя...

Шагнув к нему ближе, холодно перебила:

— Мне можно всё, потому что я здесь хозяйка. Жаль, что вы постоянно об этом забываете. — Обойдя пунцового брюзгу, на ходу бросила: — Буду ждать вас внизу. Не задерживайтесь.

Глава 19. Последнее прощание

Пусть и с боем, но мне всё-таки удалось покинуть особняк Деллагарди, чтобы отправиться в храм Великого Дракона. Этому могущественному божеству, подарившему некоторым своим творениям дар перевоплощения, поклонялись не только потомки драконов, но и обычные люди. История умалчивала, как именно проходил отбор и почему тот или иной смертный удостоился ипостаси мифического животного. Этот мир знал и других божеств, но в Кармаре они были не особо популярны, особенно Майвор, Чёрная Мать, ведь это из-за неё драконы лишились способности перевоплощаться.

Почти всю дорогу до храма Бальдер хранил молчание, изредка бросал на меня в зеркале заднего вида взгляды и явно ругал в мыслях последними словами.

— Я видел список приглашённых на ваш праздник, — неожиданно заявил он, заставив оторвать взгляд от окна, за которым проплывали аккуратные, словно сошедшие со старых открыток, дома.

— Рада за вас.

Почти все первые этажи пестрели вывесками: магазинов, кафе, гостиниц. К некоторым прилегали просторные террасы с резными ограждениями, маленькими столиками и живыми растениями в расписных кадках. Возле других стояли зазывалы, приглашая выпить чашечку горячего шоколада с самыми вкусными в столице сладостями или угоститься в уютной обстановке обедом.

— Среди имён я увидел одно, которое раньше вас весьма интересовало, — продолжал он.

— И что же это за имя?

— А то вы не знаете!

В том-то и дело, что не знаю. Не имею ни малейшего понятия.

Я вдохнула, затем выдохнула, уговаривая себя не злиться, и произнесла как можно спокойнее:

— Во-первых, список приглашённых составляла не я, во-вторых, перестаньте говорить загадками, Бальдер. Что за имя и почему оно должно меня интересовать?

Дворецкий чуть слышно усмехнулся, а в следующую секунду машина резко затормозила. Так резко, что я чуть не свалилась с сиденья.

Вот уж действительно зловредный.

— Приехали, леди. Вот он, храм Великого Дракона. Как вы и просили.

— Замечательно, — буркнула я и сама вышла из машины.

Открывать передо мной дверцу, как это полагалось, Бальдер не собирался.

Мне уже доводилось бывать в драконьих храмах, но святилища Пограничья и в подмётки не годились тому, что я сейчас видела. Это было незабываемо красиво... Светлый, торжественный и в то же время какой-то хищный — от одного лишь вида этого храма перехватывало дыхание.

Пока шла по замощённой площадке, пыталась сосчитать шпили на башнях — не вышло. Их было слишком много и каждый напоминал острый клык дракона. Одни пронзали облака, другие венчали шипастой короной фасад. У ступеней храма в огромных каменных площадках горело пламя. Только не привычный мне огонь, а почему-то бледно-голубой... Лазурные отблески мелькали и в витражных окнах, переплетаясь с цветами заката: рыжим, золотым, медно-красным. Я бы с удовольствием любовалась этим произведением зодческого искусства, неторопливо разглядывая бесчисленные башни и угнездившихся у их подножий крылатых созданий, но время поджимало.

Тряхнув головой, ускорила шаг, поднялась по лестнице и, чувствуя себя букашкой, крошечным насекомым по сравнению с

высокими створами, вошла в храм.

Здесь царили прохлада и полумрак. В воздухе витал пряный запах благовоний, отовсюду слышался гомон. Людей действительно собралось много. Большинство сидели на скамьях, некоторые стояли в проходах, освещённых мистическим, будто потусторонним, огнём в каменных чашах. Они возвышались на пьедесталах, от самого входа до глубин зала, где в окружении всё того же бледного пламени лежал погибший коллега Делаягарди.

— На драконьих свадьбах огонь или алый, или золотой. Эти цвета символизируют жизнь, — шепнула материализовавшаяся рядом Вильма. — А на последнем прощании только голубой — символ забвения, покоя.

Покоя, который я собиралась потревожить.

Заскользила внимательным взглядом по храму и чуть не нырнула под лавку, напорвшись на «мужа»-ультора. К счастью, тот был далеко от меня, да ещё и увлечённый разговором с какой-то пышнотелой матроной, а потому я решила повременить с приступом паники. Справившись с порывом мимикрировать под здешнюю мебель, осторожно двинулась вперёд, продолжая обводить взглядом собравшихся. Некоторые дамы так же, как и я, прятали лицо под вуалью.

— Видишь вдову? — спросила у своей спутницы.

В отличие от Вильмы я понятия не имела, которая из этих леди сегодня хоронила мужа.

— А вон она, голубушка! — С этими словами старушка бросилась к женщине в платье из чёрного бархата, окружённой целой дюжиной гостей.

Ну вот и как к ней приблизиться? Как озвучить своё предложение, когда рядом столько сочувствующих? Опустившись на край лавки, я стала терпеливо ждать и надеяться, что мне удастся подобраться к цели.

Интересно, церемония прощания уже прошла или только будет начинаться? Как долго продлится? А главное, как мне уединиться со вдовицей?!

— Это старший сын покойного, — вернувшись ко мне, указала Вильма на высокого темноволосого мужчину. — Было ещё двое

сыновей, но оба умерли в младенчестве. А вон та девчушка — младшая дочь. Поздний и, как я слышала, горячо желанный ребёнок.

Оставшийся без отца по вине страшного существа.

Я с сожалением посмотрела на девочку лет десяти, понуро сидящую на лавке. Она точно отпадает. Не стану я беречь душу ребёнка, чтобы призвать покойника. К её старшему брату не стоит и соваться: по выражению лица видно, что даже слушать не станет, сразу выставит из храма.

Оставалась вдова, к которой надо было как-то подобраться.

— Хорошо бы поговорить с ней до начала церемонии, иначе придётся торчать здесь добрых два часа. — Вильма скучаяще зевнула. Её, уже перешедшую рубеж, мало волновало людское горе. — Эти прощальные церемонии всегда такие нудные.

— Не могу же я просто взять к ней и подойти, — едва шевельнула я губами и бросила опасливый взгляд на Делагарди.

Тот уже закончил общаться с объёмистой дамой и теперь разговаривал с двумя мужчинами в таких же тёмных, как и у него, костюмах. «Муж» стоял ко мне вполоборота, и я всё боялась, что вот сейчас он обернётся, встретится со мной взглядом, узнает даже под вуалью... И тогда плакали мои попытки выяснить личность убийцы.

— Такое горе... До сих пор не могу поверить, что его больше нет.

Я скосила взгляд на сидящую слева незнакомку. Приятная на вид молодая леди с заплаканными карими глазами. Шмыгнув носом, она поднесла к лицу платок и горько продолжила:

— Мой брат не должен был погибнуть. Это так... несправедливо. Так неправильно!

— Лорд Стенбок был вашим братом?

— Старшим, — кивнула незнакомка и снова промокнула глаза краем батистового платочка. Зашептала приглушенно: — Иногда мне кажется, что я сплю и не могу проснуться. Это просто кошмар, который рано или поздно закончится. Надо только заставить себя очнуться...

Поддавшись порыву, я легонько сжала её руку в тонкой атласной перчатке и мягко сказала:

— Время всё лечит. Когда-нибудь этот кошмар действительно закончится. По-другому просто быть не может.

— Спасибо вам, — леди грустно улыбнулась. — А вы... знали моего брата?

— Нет, я не была с ним знакома, — призналась искренне и тут же, не теряя время, продолжила: — Я пришла сюда из-за его убийцы.

— Из-за... — женщина запнулась, после чего с ужасом выдохнула: — Искажённого?

Я кивнула:

— Его так пока и не поймали, и я бы хотела это исправить. Если вы мне поможете. Меня зовут Вейя. А вас?

— Эрин, — растерянно пробормотала леди.

Хотела ещё что-то сказать, но я её опередила:

— Скажите, Эрин, вы знаете, кто такие зрящие?

Помешкав, леди ошеломлённо кивнула.

— Вы — зрящая? — наконец прошептала она.

Теперь уже кивнула я и, поднявшись, протянула ей руку.

— Нам всем важно узнать, и как можно скорее, кто напал на лорда Стенбока. Он бы мог мне рассказать... Но нужно, чтобы вы помогли его призвать.

— Здесь? — Неуверенно оглянувшись на тело брата в окружении блёклого пламени, Эрин поднялась. — При всех?

— Лучше отойдём. — Я поманила её за собой, к колоннам, отделявшим главный зал от входа. Они были такими же огромными и монументальными, как и всё в этом храме. Двум маленьким женщинам не составит труда среди них затеряться.

К счастью, леди за мной пошла, хоть её явно одолевали сомнения и она не переставала оглядываться, словно мысленно спрашивала у покойного брата, а не сглупила ли.

Заведя её за дальнюю из колонн, где полумрак не хуже вуали скрывал лицо, я попросила:

— Постарайтесь сосредоточиться. На брате. Взывайте к нему мысленно. Откройте ему свои чувства. Расскажите, как вы тоскуете. Как он вам нужен.

— Вы же... — Эрин недоверчиво сощурилась. — Вы же надо мной не шутите?

— Похороны — не место для шуток и представлений. Пусть харг меня поберёт, если я вас обманываю!

Вздрыгнув, она кивнула и, прижав к груди руки, послушно закрыла глаза. Вильма исчезла. Скорее всего, чтобы не отвлекать меня от, так сказать, рабочего процесса. А может, крутилась где-то поблизости, просто я её не видела. Сейчас все мои мысли были сосредоточены на Эрин и её брате, на чувствах леди, которые накрыли меня лавиной, стоило взять её за руки. Боль, тоска.

Страх.

Нет, я не эмпат, но когда рана настолько свежа и глубока, человеческие эмоции буквально можно осязать. Плохо для Эрин — она очень страдает. Хорошо для меня — будет легко приманить на столь сильные чувства душу покойного.

И действительно, и пары минут не прошло, как тень отделилась от стены и медленно, словно нехотя, поплыла к нам. Глаза Эрин были по-прежнему закрыты, да даже если бы и нет, она бы духа не увидела. Зато для меня с каждым мгновением туманные контуры становились всё более чёткими, приобретая очертания человеческого тела. Мужской фигуры, будто сотканной из серого марева, которая, поравнявшись со мной, замерла.

— Кто убил тебя? — тихо, но чётко спросила я.

Эрин открыла глаза.

— Он здесь? Мой брат... он сейчас рядом? — спросила она со смесью ужаса и радости.

Я кивнула и тут же повторила вопрос. Бывало, тени отвечали не сразу. Бывало, нужно было ждать, просить, а иногда и умолять. Но сейчас я не в том положении, чтобы терпеливо дожидаться, когда покойный дракон разродится признанием.

Поэтому повторила уже жёстче:

— Опиши своего убийцу. Дай нам хоть что-нибудь! Хоть какую-то зацепку!

Тень подалась вперёд, ко мне, обдавая мертвенным холодом другого мира.

— Поль-ман, — прошепестела мне в губы, и я содрогнулась.

Нахмурилась. Знакомая фамилия. Где-то я уже её слышала...

Погодите-ка!

— Но он же умер. Муж Терес погиб!

Тень шевельнулась, раскрыла туманный зев, будто собираясь ещё что-то сказать, и... тут же растаяла, исчезла бесследно, когда совсем

близко раздался громкий требовательный голос:

— Что здесь происходит?!

Мы с Эрин вздрогнули одновременно. Обернувшись, я увидела быстро приближающегося к нам дракона — наследника покойного.

— Кайден, милый, — взволнованно залепетал мой маяк для усопшего. — Эта мисти обладает невероятным даром! Твой отец здесь. Он... — Эрин бросила по сторонам неуверенный взгляд. — Он рядом.

Лицо дракона исказилось гримасой злости.

— Что за чушь? Эрин! Мой отец находится там! — Он выбросил руку, указывая вглубь зала. — Точнее, его тело. А тебе дурит голову шарлатанка! Сколько ты с неё взяла? Признавайся! — Он грубо схватил меня за руку, дёрнул, яростно сжимая пальцы на запястье.

— Кайден, она ничего не просила, — леди окончательно побледнела. — Она...

— Мало нам позора отца, — яростно процедил наследник. — Так ещё и всякие падальщики слетаются, чтобы побольнее клюнуть нас в самое сердце! — С этими словами он вцепился в мою вуаль, явно собираясь раскрыть личность «падальщицы».

Сбросив оцепенение, я вонзилась пальцами в его руку. Ту самую, которая так бесцеремонно смяла мою маскировку, собираясь нагло её сдёрнуть.

Никакого воспитания.

— Сейчас же отпустите!

— Я сейчас же выволоку тебя отсюда, дрянная...

— Позвольте мне заняться этой дамой.

В первые секунды я даже решила, что Делагарди мне просто привиделся. Откуда он вообще взялся? Разве можно так бесшумно перемещаться?

Поди у Бальдера нахватался.

Ещё одно мгновение, и эйрэ встал между нами.

— Вам лучше вернуться к матери. Она нуждается в вас, — вкрадчиво проговорил он, одновременно с этим заводя меня к себе за спину.

Украдкой поправила съехавшую стараниями Стенбока шляпку.

— Эта шарлатанка... — всё ещё багровея от гнева, начал наследник.

— Отправится в полицейское управление, — заверил его Эндер. После чего, повернувшись ко мне, жёстко добавил: — Я лично её туда, если понадобится, отвезу.

Ну-ну.

— Кайдэн, пойдём, милый, — осторожно приблизилась к племяннику Эрин, и тот, шумно выдохнув, отступил.

— Спасибо, эйрэ, — поблагодарил он коротко, после чего, бросив на меня прощальный взгляд, так и говорящий: «Чтоб тебя харги сожрали!», широким шагом направился в глубь храма.

Эрин посеменила за племянником, оставив меня один на один с Делагарди.

По мрачному выражению лица и недобро сузившимся глазам стало ясно, что «спасибо» мне за расследование, пусть и сорванное, не скажут. Зато наговорят много чего другого. Не здесь, само собой. Потом. Дома.

А ведь я хотела помочь ему.

Всему городу.

— Пойдём, — только и сказал он. Подхватил за руку, почти так же грубо, как и этот Кайдэн (а ещё джентльмены называются!) и потащил к выходу.

Молча. Больше не произнося ни слова.

Точно так же молча мы спустились по ступеням храма и направились к машине, возле которой, лениво прислонившись к наполированной дверце, стоял дворецкий.

— Бальдер настучал? — догадалась я, заметив довольную ухмылочку на идеально выбритой физиономии мажордома.

Ну какая же дура! Могла догадаться, что он не будет смиренно сидеть в машине — тут же помчится докладывать своему господину.

Предатель.

— Как ты могла? — вместо ответа процедил дракон, явно борясь с желанием плюнуть в меня огнём.

— Могла что? Пытаться тебе помочь?

— Нарушить наш договор!

От такого заявления я даже запнулась. Вырвала руку из его цепкой хватки, бросила:

— В договоре не было пункта про то, что я должна как пленница сидеть в твоём доме!

— Зато был пункт про твой дар, — резко парировал Деллагарди. — Дар, который ты обязана скрывать! Ни мне, ни тебе не нужны лишние проблемы и лишний интерес к нашей семье.

— Твоей семье.

— Послушай, Женя, — вздохнул он тяжело, почти безнадежно. Наверное, в тот момент искренне жалел, что повстречал меня, а не настоящую Раннвей. — К нам и так приковано всё внимание прессы. К тебе в первую очередь. Сейчас они отвлеклись на убийства, но после субботнего праздника ты снова окажешься в центре внимания. Леди Деллагарди с простым скучным даром, а не леди Деллагарди-зрящая!

— С простым скучным даром, который ты так и не придумал!

Ярко-зелёные глаза захлестнула тьма.

— Возвращайся домой. — Меня снова схватили за руку и поволокли к буквально сияющему от восторга Бальдеру.

— И даже не спросишь, что мне удалось выяснить?

Молчание.

Ну вот что за мужчина?!

Точнее, дракон. С непрошибаемой бронёй.

— Такое чувство, что тебе нравится, что по городу разгуливает убийца!

Мы снова остановились, на этот раз из-за «мужа», который, резко ко мне обернувшись, раздражённо выплюнул:

— Мне не нравится, что ты меня ослушалась.

Ослушалась... Треснуть бы его за это, но, увы, нечем.

Взглянув в каменное выражение его лица, тихо сказала:

— Больше не хочу с тобой разговаривать.

Прошла мимо, задев его плечом, и не дожидаясь ни дворецкого (который, впрочем, не спешил шевелиться), ни командира-дракона, сама села в машину и рыкнула:

— Поехали! Скорее!

— Как будет угодно моей леди. — Бальдер неторопливо занял сиденье водителя.

Попрощался со своим хозяином, от которого я демонстративно отвернулась, и повёз меня обратно.

Пока ехали в «темницу» дракона, Вильма меня утешала. Ответить ей я, понятное дело, не могла, но слушала с благодарностью. Мягкий вкрадчивый голос старушки успокаивал. Мне уже не хотелось рычать,

а от желания пнуть Бальдера не темнело в глазах. Разве что самую малость чесались от этого самого желания руки... Натравить бы на него Эдвину с её манипуляторским даром. Я бы её ругать не стала. Наоборот, спасибо бы сказала.

— Ты сделала всё, что могла, душа моя. Вот увидишь, дракон остынет и сам к тебе придёт. И про духа спросит, и извинения попросит.

Угу, этот попросит...

Он же у нас гордый, упрямый, твердолобый. С первой минуты знакомства только и делает, что мной командует. Считает, что раз тело его жены, значит, я вся в его власти!

Ну прямо Игорь на максималках.

Воспоминание о бывшем муже окончательно испортило настроение. Если бы не призрак старушки, я бы и вовсе волком взвыла. Раньше у меня был Кастен, а теперь осталась только Вильма. Жаль, нельзя обнять её или хотя бы взять за руку. Сжать её морщинистую ладошку, почувствовать тепло её кожи.

Повинуясь невольному порыву, протянула к ней руку. Довольно потупившись, старушка коснулась моих пальцев, правда, прикосновения я не почувствовала. Лишь лёгкую прохладу, словно ветерок пробежал по коже, вызывая мурашки.

— Вот увидишь, год пролетит быстро. И в чём-то дракон прав: какой бы захватывающей ни была охота на искажённого, а рисковать всё же не стоит. Это его работа. Вот пусть ею и занимается.

Для меня охота за убийцей не была захватывающей. Скорее, пугающей и опасной. И тем не менее я искренне надеялась предотвратить новые жертвы, поспособствовать поимке чудовища. Но раз сам, значит, сам. Я ему слова больше не скажу.

И видеть его не хочу!

— И вот я ещё о чём подумала... — тем временем продолжала нащёптывать мне старушка. — Эта ваша проблема с фальшивым даром... А почему бы тебе не воспользоваться помощью старой доброй Вильмы?

Я вопросительно воззрилась на призрака, а тот заговорщически улыбнулся:

— Что может быть скучнее способности силою мысли сдвигать предметы? Особенно, если дар этот в зачаточном состоянии. Раз

покажешь, и от тебя все отстанут.

Вот только я не владела телекинетическими талантами. Даже в зачаточном состоянии.

— Разумеется, я бы всё двигала за тебя, — сосредоточенно рассуждала моя палочка-выручалочка. — Сразу предупреждаю: никакой мебели! Так, бокал шампанского или тарталетку.

— Но у тебя же не всегда получается, — невольно вырвалось у меня, и Бальдер тут же отреагировал:

— Вы что-то сказали, леди?

— Не вашего ума дело!

Знаю, грубо, но я всё ещё на него злилась. На него и его разлюбезного господина.

— Я в последнее время тренировалась, — важно задрала подбородок Вильма. — Да, осечки случаются, но ради тебя, душа моя, я уж постараюсь.

Я задумчиво кивнула. С одной стороны, если фокус с Вильмой прокатит, от меня действительно отстанут. Нет ничего скучнее леди, силою мыслейдвигающей на блюде тарталетки. С другой — если у Вильмы не получится, решат, что Раннвей Делагарди так и осталась пустышкой. Да ещё и стала лгуньей. К тому же придётся рассказать о Вильме дракону. А мне в свете последних событий даже «добрым утром» и «спокойной ночью» с ним делиться не хочется.

— Ну, что скажешь? — с надеждой спросила Вильма.

Ей явно хотелось быть полезной, нужной, задействованной.

— Я подумаю, — ответила ей одними губами и снова поймала в зеркале заднего вида взгляд Бальдера.

Следящий и пристальный.

Глава 20. Предпраздничные тревоги

В ту ночь Делагарди домой так и не явился, да я и не ждала. Специально легла спать пораньше, чтобы набраться сил перед своим «возвращением» в высший свет Кармара, и упорно гнала прочь тревожные мысли об этом упрямце. Где он пропадает? Как проходит охота? Уже поймали или завтра город снова будет лихорадить из-за очередного жестокого нападения? Кто станет следующей жертвой? Одного ультора искажённый уже благополучно препроводил из этого мира. Что, если на очереди Эндер?

И всё в том же духе по чёрт знает какому кругу.

Сколько ни пыталась выставить дракона из мыслей — не вышло. В итоге спала я отвратительно и утром чувствовала себя, мягко говоря, неважно. Ужасно не хотелось вылезать из-под одеяла, одеваться, идти завтракать. Ещё меньше я желала сегодняшнего вечера. Стоило только представить, что всего через каких-то несколько часов дом заполнят гости, жаждущие лицезреть счастливо возвратившуюся леди Делагарди-Фармор, и по коже начинали ползти мурашки. Справлюсь ли с навязанной мне ролью? Не раскроюсь ли?

Может, будет лучше остаться в этом пуховом коконе? Никого не видеть, ни с кем не разговаривать, не притворяться той, кем на самом деле не являюсь.

Идея была замечательной, но, увы, трудновыполнимой. Какое торжество без виновницы торжества? Вот именно, никакого. А значит, Женья, засовываем своё «не хочу» куда подальше и поднимаемся, поднимаемся.

Я не стала мудрствовать с туалетом, надела домашнее платье, заплела волосы в косу и отправилась завтракать. А заодно узнать, вернулся ли его светлость. Не то чтобы меня беспокоило его местонахождение. Просто...

Решив, что эту мысль лучше не продолжать, переключилось на другое: незаметно отвлекла творящаяся на первом этаже суматоха. Служанки под предводительством Бальдера носились из зала в зал, из комнаты в комнату, натирая статуэтки, меняя цветы в вазах, моя окна и картинные рамы. Вернер с помощником кухарки сдвигали в гостиной мебель, а Тиа с Санной споро скатывали ковры.

Не успела я миновать холл, как дворецкий, словно меня учуяв, обернулся и, одарив небрежным поклоном, проинформировал:

— Эйрэ завтракает. Желаете к нему присоединиться?

Не особо.

— А где Эдвина? — спросила я вместо ответа.

— Выбирает наряд для сегодняшнего вечера.

Кивнув, всё же отправилась в столовую. Во-первых, я была голодна, во-вторых, весь день избегать дракона не вариант. Нам нужно обсудить мой мнимый дар, да и грядущий вечер в целом.

Обычно хотя бы одна из горничных присутствовала во время трапезы, чтобы подать, наложить, принести и отнести. Но то ли все

были заняты наведением интерьерного марафета, то ли эйрэ спровадил служанок — кроме него в столовой больше никого не было. Делаярди сидел с раскрытой газетой в руках, пил кофе и читал.

Молча опустившись по правую руку от «мужа», потянулась за ароматной булочкой. Дракон убрал газету и, окинув меня взглядом (каким — без понятия, я в тот момент старательно фокусировалась на булочке), сказал:

— Доброе утро.

Разрезав пополам сдобную радость, потянулась за серебряной пиалой с вареньем. А вон и тарелочка с маслом...

— Раннвей...

— Со вчерашнего дня ничего не изменилось. Я всё ещё не хочу с тобой разговаривать.

— Боюсь, не разговаривать со мной сегодня будет сложно. Предлагаю отложить детские обиды до завтра.

Детские обиды? Может, швырнуть в него булочкой? Тут же отказалась от этой затеи. Жалко переводить такую вкуснотищу на такого твердолобого изверга.

— А я в свою очередь предлагаю тебе отложить командирские замашки до следующего года.

— Женья...

— Раннвей, — поправила его холодно, после чего не менее прохладно поинтересовалась: — Так что там с даром?

Видимо, решив, что развивать тему детских обид может быть чревато ссорой, Делаярди заговорил с примирительными нотками в голосе:

— Скажем, что в тебе проявились способности к травничеству. В роду Фарморов рождались неплохие целители. Просто, скучно, безопасно. Никто не станет просить тебя приготовить зелье в разгар праздника.

— Но любой, кто маломальски разбирается в растениях и знает об их свойствах, только заговорив со мной на эту тему, поймёт, что никакая я не травница.

— Я буду рядом и помогу тебе избегать подобных вопросов.

— Весь вечер будем не разлей вода? — тихонько хмыкнула я.

— Как муж и жена, — дёрнул уголками губ в некоем подобии улыбки ультор. — Супруги, которые безумно скучали друг по другу.

Обман на обмане и обманом погоняет.

Представила, как буду весь вечер виться ужом, стараясь избежать каверзных вопросов, и покачала головой:

— Лучше скажем, что я могу силою мысли двигать предметы.

— Но ты ведь не умеешь, — нахмурился Эндер. — И я таким даром не владею, поэтому помочь тебе не смогу.

— И не надо. — Откусив от булочки небольшой кусочек, с независимым видом добавила: — Сами справимся.

— Сами? — удивлённо переспросил ультор.

Не было ни малейшего желания делиться с ним подробностями моих взаимоотношений с Вильмой, поэтому коротко объяснила:

— Есть у меня знакомая душа, которую смогу призвать. Она и поможет.

Удивление на лице дракона сменилось мрачным, скептическим выражением.

— Духи бесплотны и не способны оказывать воздействие на воодушевлённые предметы.

— Это ты сейчас учебник по магии процитировал? — С удовольствием расправившись с одной половинкой булочки, я взялась за другую. Увы, Делгарди продолжал прожигать меня взглядом, вопросительным, выжидающим, поэтому нехотя добавила: — Эта душа особенная. Не такая, как... эмм... все остальные.

— Кто-то из родственников Раннвей?

— Просто хорошая знакомая.

Понимая, что дракон не успокоится, продолжит докапываться, быстро проглотила последний кусочек и поднялась.

— Всё, я пошла. Сам понимаешь, подготовка к приёму, всё такое...

Он открыл было рот, собираясь что-то сказать, но я быстро продолжила:

— И пожалуйста, не делай из меня целителя. Я ничего не смыслю в медицине, не могу отличить петрушку от кориандра и так далее. Сделаем по-моему. — И быстро зашагала к выходу, пока дракон не опомнился и не вспомнил, что он здесь главный, всё решает и всем заправляет.

Почти коснулась дверной ручки, почти сбежала. И тут, к моей немалой досаде, он позвал меня. Пришлось оборачиваться.

— Что тебе сказал Стенбок?

Неожиданный вопрос.

— Что я бессердечная стерва, решившая подзаработать на чужом горе.

Немного помедлив, Эндер уточнил:

— Другой Стенбок.

Надо же! Нам стало интересно, какие плоды принесло моё расследование?

— Ты ведь смогла его призвать?

Кивнула и со вздохом призналась:

— Призвать смогла, но толком ничего не выяснила. Кайден его спугнул.

— Значит, ничего... — В глазах дракона, таких же зелёных, как и цветочная вышивка на моём домашнем платье, отразилось разочарование. И, как мне показалось, усмешка. Он явно боролся с желанием поинтересоваться: ну вот и зачем рисковала?

— Дух успел произнести только одно слово: Польшман.

Усмешка исчезла, вместе с разочарованием. Он даже привстал от удивления и ошеломлённо пробормотал:

— Нильс? При чём здесь он?!

— Может, он имел в виду какого-то другого Польшмана? — Я пожала плечами. — Не знаю, сколько их здесь у вас водится.

Бросив на дракона последний взгляд, выскользнула за дверь и отправилась наверх. Платье для сегодняшнего приёма доставили вчера вечером, вместе с несколькими другими нарядами, над которыми последние дни не покладая рук трудились нанятые Делагарди портнихи: мистис Стина и мистис Мерит. От них я узнала, что в гардеробе леди, особенно если леди замужем за местным Крёзом, обязаны присутствовать туалеты на все случаи жизни. Платья домашние и утренние (так и не поняла, какая между ними разница), платья чайные и платья дневные, а ещё для визитов и для конных прогулок. Между платьями для ужина и для приёмов также имелись различия, которые я, хоть убейте, не видела.

Самым фривольным и торжественным считалось бальное, но при этом было ещё и вечернее, для походов в рестораны с театрами. Последние два типа мы ещё даже не обсуждали, но судя по тому, что бальный сезон не за горами, не за горами и долгие часы в обществе

столичных кудесниц. Вильму такие прогнозы приводили в восторг, а я банально не понимала, зачем одной женщине столько шмоток. У меня и в прошлой жизни был скромных размеров гардероб и всё устраивало. Всё было замечательно.

Вздыхнув, толкнула дверь в спальню и увидела... Эдвину, стоящую перед моим вечерним платьем. Ну то есть для приёмов, но... Короче!

— Что ты здесь делаешь?

Вздвигнув, девочка обернулась. Завела руки за спину, невинно улыбнулась. Последнее, эта невинная улыбка, особенно насторожило.

— Просто хотела посмотреть, в чём ты сегодня будешь. Такое красивое... — Она бросила взгляд на наряд, свисающий с бархатных плечиков, зацепленных за ширму.

Приблизившись, я бегло осмотрела платье: кружева на месте, драпировка вроде цела.

— А ты уже определилась с выбором? — перевела взгляд на девочку. — Если нужна помощь...

— Помощь не нужна!

Подхватив юбки, Эдвина бросилась к выходу, на ходу бросив:

— Дядя уже позавтракал?

— Должен быть ещё в столовой.

Больше ничего не сказав, «племянница» выбежала из комнаты, а я, хмурясь и готовясь к самому худшему, приступила к тщательному осмотру. От Эдвины ведь можно ожидать всякое... Просканировала взглядом каждый шов, каждый крючок, но никаких сюрпризов не обнаружила. На всякий случай даже понюхала! От ткани веяло лёгким ароматом фиалок. Всё в порядке, как и было, когда его доставили.

Ладно. Может, действительно просто детское любопытство.

В который раз скользнув взглядом по золотистому шёлку платья, стала дожидаться Вильму. Надеюсь, она скоро появится и покажет, до чего дотренировалась.

К счастью, долго ждать её не пришлось. Вильма понимала, как сильно я переживаю из-за праздника, и решила не заставлять меня нервничать ещё больше.

— Ну что, душа моя, готова всех облапошить? — вынырнула из зеркала, весело мне подмигнула.

— Скорее стоит спросить, готова ли ты? — заметила я.

— Всегда! — беспечно отозвалась Вильма. Пристроившись на краешке туалетного столика, заявила: — Вообще-то я не только о демонстрации дара. Ты уже вжилась в роль Раннвей? Полностью и безоглядно.

Я неопределённо пожала плечами:

— Раннвей не было больше четырёх лет. Не думаю, что все прямо так хорошо помнят, какой она была. Главное, избегать её близкого окружения.

Лейфа с Шанетт, например. И того красавчика, от мыслей о котором с этим телом начинает твориться какая-то чертовщина. Голову даю на отсечение, тип, о котором упоминал вчера Бальдер, и тот, что запечатлён на фотографии, — один и тот же мужчина. И получается, сегодня я с ним увижусь...

Дрожь волнения побежала по коже. Настолько сильная, яркая, что захотелось схватить расчёску и хорошенько ею по себе похлопать. Чтобы сбить дурацкие мурашки, а заодно погасить полыхнувшее внутри пламя.

— Сильно не увлекайся, — вернул меня в реальность голос Вильмы. — Я имею в виду — избеганием. Такое поведение может вызвать вопросы.

— Несколько встреч с Шанетт я уже выдержала, выдержу и эту. К тому же Делагарди обещал всё время быть рядом. Правда, не уверена, что меня это радует...

— Опять поругались?

Я покачала головой:

— Почти мирно позавтракали. Он даже поинтересовался итогами встречи с покойником и, кажется, принял твою идею.

Стоило Вильме это услышать, как её глаза засияли и будто даже стали ярче.

— Тогда чего ждём? За дело, душа моя! Ты называй предметы, а я буду их двигать! Начнём, пожалуй, с этого колечка...

* * *

Следующий час мы с Вильмой усердно тренировались работать в паре. Увы, получалось у неё через раз, и это тоже добавляло волнения. Я даже подумывала вернуться к идее Эндера, но старушка ничего не хотела слушать, а потом и вовсе принялась умолять:

— Пожалуйста, мне это нужно! Я и так для всех невидимка, считай, не существую...

— Ты существуешь для меня, — мягко возразила я.

Но Вильма покачала головой и с горечью произнесла:

— Я хочу, чтобы меня видели и другие. Хотя бы так, хотя бы через тебя. Не отнимай у меня этот шанс.

Ну и что я могла сказать? Отказаться и довериться Делагарди? Но его план не то чтобы был лучше, особенно в перспективе, да и плевать мне на его чувства.

Зато совсем не плевать на Вильму.

— Хорошо, — сдалась я, и старушка снова разулыбалась. — Останемся при твоей идее. Но хватит тренироваться! Лучше отдыхай пока.

— Так и сделаю, — покладисто согласилась моя призрачная помощница. — Только сначала прогуляюсь по дому, посмотрю, всё ли готово для приёма.

Уверена, если бы Вильму могли видеть другие, она бы ещё в первый день отняла у Бальдера бразды правления и сегодня бы не он руководил служанками, а Вильма.

— Ты тоже отдохни, милая, — посоветовала она. — Выпей каких-нибудь травок, а лучше — ликёрчика. Расслабься. Прими ванну.

Пообещав, что подумаю насчёт ликёрчика, попрощалась со старушкой. Послав мне воздушный поцелуй, она просочилась сквозь стену. Пошла исследовать.

Следующие несколько часов пролетели незаметно. Сначала я долго валялась в ванне в попытке расслабиться, потом снова пересматривала обнаруженные на чердаке фотографии. Интересно, многие из тех, кто запечатлён на общем фото, придут сегодня? Как близко они были знакомы с Раннвей? Как восприняли моё, ну то есть её, возвращение?

Как всё сложно...

Обедала я у себя, не желая лишний раз встречаться с драконом. Да и лень было переодеваться в дневное платье, меня вполне устраивало моё домашнее. Где-то около четырёх постучались Полин с Минной с сообщением, что пора собираться. И двух часов не пройдёт, как гости начнут съезжаться, и мне, как гостеприимной хозяйке, надобно будет встретить каждого.

От такой перспективы едва не застонала.

Вслух же произнесла:

— Раз пора, значит, пора.

Вздыхнула с горечью и упала в кресло перед туалетным столиком.

Когда со сборами было покончено, уже начало смеркаться. Звёзды, пока ещё блёклые, едва различимые, постепенно проступали в фиолетовой небесной дымке. Лёгкое марево окутало и сад перед домом. Правда, ненадолго. Вскоре и подъездную дорогу, и дорожки помельче, что убегали к фонтану и беседкам, осветили фонари. Золотые отблески света стелились по мягкой траве, с которой сегодня утром садовник убрал всю пожухлую листву, подсвечивали клумбы и серую гальку, что их обрамляла.

Моё платье из золотистого шёлка с изящной отделкой из кружев в бликах свечей казалось огненным. Наверное, в саду меня можно будет запросто принять за тот же фонарь. Такая же яркая, притягивающая взгляды...

Лишние. Ненужные.

Опасные.

Невольно поёжилась, представив следующие часы, и услышала мягкий голос Полин:

— Оставим несколько локонов свободно струиться по плечам?

Равнодушно пожала плечами. Локоны, которые служанки целый час создавали при помощи горящих щипцов, заботили меня меньше всего.

— Тогда оставим, — расценив мой жест как согласие, довольно улыбнулась служанка и, сколов ещё несколько прядок, добавила: — Готово, ваша светлость. Или, может, ещё что-то надо сделать?

Я рассеянно оглядела себя в зеркале. Настолько глубоко ушла в тревоги и размышления, что пропустила и макияж, и украшения: роскошное кольцо из жёлтых и прозрачных бриллиантов, а к ним серёжки: массивные, тяжёлые. Тоже притягивающие взгляды. Их не было среди красоты, что в первый же день заказал для меня Делгарди, поэтому я удивлённо поинтересовалась:

— Откуда они?

— Из семейной коллекции его светлости.

Осторожно коснулась самого крупного камня, огненной каплей подчёркивающего глубокий вырез платья. Настолько глубокий, что

лишний раз боязно не то что пошевелиться — даже вздохнуть. Хорошо хоть юбка не пышная и у туфель маленький каблук. Плохо, что есть шлейф и турнюр. Ну и фривольное декольте да серёжки-гирьки.

Эх...

— Очень красивое, — всё-таки отдала должное семейному наследию и заставила себя улыбнуться отражающейся в зеркале девушке.

Выше нос, Женя! У тебя на лбу не написано, что ты самозванка. Тело Раннвей? Раннвей. Её голос и даже обрывки её эмоций и воспоминаний. Правда, последних в голове было до безобразия мало. Ну да ладно. Справимся!

И не такое переживали.

— А вы в нём настоящее совершенство! — с искренним восторгом воскликнула Минна, но тут же осеклась, притихла.

Скрипнула дверь, пропуская хозяина вечера. Чёрный фрак со светлым жилетом сидели на нём идеально, а повязанный вокруг шеи золотистый платок ненавязчиво намекал, что мы пара.

— Действительно совершенство, — пробормотал Делагарди, скользя по мне взглядом. Таким, что захотелось покрыться румянцем, хоть румянца благодаря косметике на щеках хватало.

Ещё была мысль нырнуть под кресло, опять же чтобы спрятаться от пристального драконьего взгляда, но это выглядело бы совсем странно.

Поэтому просто постаралась улыбнуться.

— Благодарю, ваша светлость.

Эйрэ кивнул служанкам, и те исчезли быстрее, чем я успела вздохнуть и выдохнуть. Мы остались одни: я в кресле перед зеркалом и дракон у входа.

— Готова? — спросил он негромко.

Неуверенно пожала плечами:

— Не особо. Но отступить всё равно поздно.

— Всё будет хорошо. — С этими словами он приблизился ко мне, после чего достал из кармана фрака футляр чёрного бархата.

— Ещё одно украшение?

— Брачный браслет, который я надел на Раннвей в день нашей свадьбы.

Он взял мою руку, натянутую, как в чулок, в длинную перчатку и защёлкнул на запястье тонкий золотой ободок с гравировкой. Странное дело, но я тут же ощутила, даже под тканью перчатки, как по коже, обжигая, побежала рябь или, скорее, иллюзия чешуи. Совсем как в тот вечер в театре... Браслет засветился, словно его объяло пламя, а спустя мгновение снова стал просто изящным ободком из металла.

— Теперь точно идеально. — Ещё один взгляд, задержавшийся не то на бриллианте-капле, не то на том, куда она опускалась.

Кашлянув, забрала руку из руки «мужа». Поднялась. Даже сквозь перчатку я чувствовала тепло его прикосновения, когда он скользнул по ладони пальцами, огладил запястье.

Ну вот зачем все эти ласки?!

— Ты тоже выглядишь неплохо.

— Сказала Женя, не скупясь на комплименты, — шутя заметил Эндер.

— Раннвей, — поправила его с улыбкой, теперь уже искренней, и тихо спросила: — Пора?

— Пора. Гости уже съезжаются.

Он выставил вперёд локоть, предлагая за него ухватиться. Что я и сделала, мысленно уговаривая себя не дрожать и не нервничать. Другой рукой подцепила юбку и отправилась вместе с драконом-мужем встречать этих самых съезжающихся.

Праздник начинался.

Глава 21. Непрошенные чувства

Когда Делагарди говорил о званом вечере для хороших знакомых и близких друзей, я представляла себе праздник персон на двадцать. Тридцать от силы. Увы, мои ожидания не имели ничего общего с прискорбной реальностью. Спустившись вниз, обнаружила две чёртовы дюжины светских бездельников и, судя по тому, что двери в дом были раскрыты настежь, это было только начало. Гости ещё ожидались.

— Раннвей, милая, как же я ждала этого вечера!

Ничуть не удивилась, когда первой ко мне подлетела Шанетт, а за ней неторопливо подошёл и Лейф. Красавица-блондинка сегодня блистала в рубинах и алом платье. Благоухала слишком навязчивым, на

мой взгляд, парфюмом, обмахивалась веером из чёрных перьев и ослепительно улыбалась.

Шустро закрыв своё опахало, продолжила частить:

— Уже и забыла, как у вас здесь всё красиво. А ты... Ну просто загляденье! Признайся, мистис Стины рук дело? — Она окинула оценивающим взглядом моё платье.

Кивнула в ответ и как того требовали приличия поприветствовала «дорогих» гостей:

— Мы тоже рады вас видеть. Спасибо, что приняли приглашение.

Негромко хмыкнув, мол, иначе быть не могло, Шанетт капризно надула губы:

— Надеюсь, хотя бы сегодня ты уделишь мне время. Я ведь скучала и...

Кашлянув, Лейф поспешил сменить тему разговора. Ему природа явно отсыпала больше такта, чем его ненаглядной.

— Как ты вообще, Раннвей? После того, что случилось на «Стальном»... Я несколько дней не мог прийти в себя, а Шанетт до сих пор мучают кошмары.

Шанетт, которая там даже не была.

— Я в порядке, — заверила его с улыбкой.

А Делагарди с оттенком гордости (разумеется, фальшивой) произнёс:

— У Же... жены моей... — запнулся и продолжил: — Крепкие нервы. Как, в общем-то, и у всех Фарморов.

— И это так удивительно, — протянула Флеминг. — Раньше ведь Раннвей...

— А как продвигается расследование? — снова перебил её Лейф. — Уже двое погибших. И один из них ультор... Кто бы мог подумать!

— Это просто какой-то ужас! — подхватила болтушка.

— Искажённого ищут, — сказал Делагарди, после чего подозвал жестом высокого темноволосого мужчину. — А вот и мой напарник. Дорогая, хотел тебе представить Рейера Таубе. Мы с ним начали работать уже после твоего... отъезда.

Приблизившись, мужчина галантно поклонился и коснулся губами моей руки:

— Я видел ваши фотографии, леди Делагарди, и должен сказать, что вы на них настоящая красавица. Но в живую... просто невероятны!

Совершенство, загляденье, теперь вот ещё и невероятная. Скоро у меня икота начнётся от всех этих расшаркиваний и реверансов.

— И замужем, — не то шутя, не то всерьёз напомнил Делагарди.

Его коллега вздохнул, якобы с сожалением, и поприветствовал Флемингов. До тех наконец-то дошло, что помимо них в этом доме есть и другие гости, с которыми нам надо пообщаться, уделить внимание. Точнее, дошло до Лейфа, который и увёл, взяв под руку, свою благоверную, с явным интересом оглядывавшую напарника Эндера.

Возле нас Таубе не задержался, его оттеснили другие приглашённые, а за ними подоспели следующие. Всем мы говорили одно и то же: «Счастливы видеть вас», «Спасибо, что сегодня с нами» и всё в том же духе, и так далее. Многие имена и фамилии благодаря дракону были мне знакомы, но лица большинства гостей я видела впервые. Лишь нескольких узнала по той фотографии, но незнакомца, бередившего сердце Раннвей, среди них не было.

Может, и к лучшему. Так проще и спокойнее.

Разумеется, Левенштерны тоже почтили нас своим обществом. Не пригласить ближайшую родню Раннвей было невозможно, а потому пришлось улыбаться Данне, трём её дочерям, с одной из которых я уже была знакома, и её мужу: краснощёкому упитанному типу, неприятному и заносчивому. Не успел он войти в дом, как тут же потребовал для себя вина. Данна попыталась его одёрнуть, но Рангель лишь раздражённо от неё отмахнулся, а получив вожаделенный бокал, мигом его осушил. К.н.и.г.о.е.д...н.е.т

Может, напившись, начнёт дебоширить и тем самым перетянет на себя внимание всех собравшихся? Это было бы замечательно!

Эдвина задерживалась, поэтому пришлось отправить за ней служанку. Я даже подумала, что девочка опять взбрыкнула и решила проигнорировать праздник, но она вскоре спустилась. В светлом с кружевами платье Эдвина Фармор казалась сущим ангелом. И улыбалась так нежно и так искренне, что при взгляде на неё у гостей на лицах тоже проступали улыбки.

— Настоящее очарование, — поделилась со мной своими наблюдениями пожилая дама во вдовьем платье. Не то леди Моран, не

то Морриан. — И так на вас похожа... Как будто ваша родная дочь.

— Эдвина — вылитая Терес. Моя сестра была такой же в её возрасте, — ответила я, и это была чистая правда. Эдвина сейчас и её мама со старых фотографий были одинаковыми.

Постепенно гости рассредоточились по гостиной и смежным комнатам, угощаясь закусками и игристыми винами. Меня, увы, в покое не оставляли ни на секунду. Только один гость отойдёт, как тут же прилипнет другой.

Улучив момент, когда удалось отделаться от очередного любопытствующего, шепнула дракону:

— Пойду немного выдохну.

Он кивнул и ловко перетянул на себя внимания метнувшейся было ко мне молодой супружеской пары. Я же метнулась в холл, а оттуда по коридору в ванную. Хотелось не только перевести дыхание, но и поговорить с Вильмой. Вечер уже в разгаре, а она непонятно где пропадает! Заставляет нервничать ещё сильнее, когда я и так вся на нервах!

Вдруг передумала? И что тогда? Будем вешать всем лапшу на уши про мои достижения в целительстве? Этим людей хлебом не корми — дай позадавать вопросы. Они и так уже из меня всю душу своим любопытством вытрясли, а если заикнёмся о том, что я травница...

— Раннвей.

Запнулась, так и не добравших до спасительного укрытия. Медленно развернулась, хоть и так было ясно, по лавине огненных мурашек, кто меня окликнул. Мгновение, удар сердца, и встретилась с ним взглядом.

С мужчиной из прошлого Раннвей.

С незнакомцем, запечатлённым на фотографии.

Предательское тело, и до этого слишком остро на него реагировавшее, сейчас как будто взбунтовалось. Неожиданно стало жарко. Настолько, что, казалось, вот-вот начну задыхаться. Нервно облизнула ставшие сухими губы и вдруг поняла, что чувствует беззащитный кролик, попавший в ловушку взгляда ядовитого гада. Не ползучего, а медленно ко мне приближающегося.

Удар за ударом сердца.

Шаг за шагом...

— Это действительно ты, — слышался его голос. Глубокий, бархатный, обволакивающий истомой. — Весь Гратцвиг только о тебе и говорит, Раннвей. Шанетт мне все уши о твоём возвращении прожужжала. Но я всё равно не верил. А теперь... Может, ущипнуть себя на всякий случай? Или лучше, — он улыбнулся уголками губ, — коснуться тебя? Чтобы убедиться, что ты не мираж.

Что я там говорила про мурашки? От одной лишь перспективы ощутить его прикосновения, кожа к коже, сердце пустилось в галоп. А дурная плоть...

Стала совсем дурной.

Я взволнованно сглотнула и, когда он со мной поравнялся, невероятным усилием воли постаралась стряхнуть это наваждение.

Но наваждение не стряхивалось.

— Ты... изменилась, — склоняясь надо мной, прошептал он чуть хрипло.

— Постарела? — зачем-то пошутила в ответ и, снова приложив титаническое усилие, аккуратно от него отодвинулась. К стене. Куда буду двигаться дальше — просто не представляю.

— У тебя другой цвет глаз.

— Это из-за дара.

— Ах, да, — кивнул с улыбкой Вольмар. — Загадочный дар леди Делагарди... Надеюсь, сегодня перед нами приоткроют завесу тайны.

— Обязательно.

Мужчина, явно оставивший в сердце Раннвей неизгладимый отпечаток, был красив, и это ещё мягко сказано. Сразу видно, дракон и аристократ от макушки до носков начищенных штиблет. Смоляные, мелко выющиеся пряди блестели в отблесках настенных светильников. Чёрные точно два мориона глаза, казалось, были способны затянуть в свою бездонную, опасную глубину. Хищный орлиный нос его ничуть не портил, а от губ, от их чёткого контура почему-то было так сложно отвести взгляд.

— Ты даже не представляешь, как я рад тебя видеть. Раннвей... — От хриплых ноток в гипнотическом голосе дрожь накатывала волнами. — А ты? Меня...

Он замер в ожидании ответа, а может, признания. Высокий, немного худощавый — всё это я отметила за несколько мимолётных мгновений, пока он ко мне приближался. А теперь он рядом, и всё,

чего мне хочется, — это податься к нему, в терпкий аромат одеколона, сигар, алкоголя. Снова вдыхать этот аромат. Хмелеть от него, сходить с ума. Снова...

Так, стоп! Женя, какое «снова»?!

Ты с этим типом никогда не была знакома!

Сжала руки в кулаки, с силой впиваясь ногтями в ладони. К счастью, боль помогла прогнать заполнившую разум дурь. Оставалось теперь отогнать от себя этого уже не незнакомца.

Но отогнать его я не успела.

— Лорд Родингер!

От голоса дворецкого я вздрогнула, а лорд, расплывшись в ленивой улыбке, неторопливо обернулся.

— Что такое?

— Эйрэ желает с вами говорить.

— Ну раз эйрэ желает... — Он вернул взгляд на меня, на мои губы, в которые, казалось, сейчас вонзится поцелуем.

И плевать, что к нам спешит Бальдер, будто опасаясь, что придётся вклиниваться между нами. Такого, понятное дело, не случится, но... И нескольких секунд не прошло, как дворецкий оказался рядом. Возраст уже немаленький, а прыти хватает.

— Я вас проведу, — бесцветно проговорил он, обращаясь к гостю, и так на меня зыркнул, что даже удивительно, как я тут же бездыханная не растянулась у плинтуса.

— Жду не дождусь продолжения, — тихо проговорил Вольмар, а после паузы, выразительной, намеренной, закончил: — Вечера. Леди...

Развернувшись, быстро направился по коридору в сторону холла. Бальдер же, снова убив меня взглядом, выцедил:

— Вы опять за старое?! — и поспешил за лордом — чёрт бы его побрал — Родингером.

Постепенно шаги в коридоре стихли. Прислонившись к стене, я шумно выдохнула. Прикрыла глаза, ожидая, когда утомится сердце. И дрожь перестанет гулять по телу, а мысли бессовестно путаться.

— Чтоб вас всех! — выругалась чуть слышно и бросилась в ванную.

Приходить в себя и успокаиваться.

Эндер Делагарди

Пока что всё шло по плану, и это радовало. Приглашение на вечер, как и предполагал, приняли все. Все друзья, знакомые и родственники Фарморов и Делагарди. К счастью, с моей стороны знакомых и родственников было немного. Двоюродная бабка, почти глухая и в той же степени слепая, едва ли соображающая, где находится и что здесь происходит. Тройродный брат из Нортрама, седьмая вода на киселе, которого я видел, наверное, второй раз в жизни и вполне возможно, что последний.

Братьев и сестёр у меня не было, родителей давно не стало, а друзья... Почти всё моё окружение состояло из сотрудников управления: Рейер, Шультен и ещё несколько коллег, с которыми иногда общался. Разумеется, пришлось пригласить и начальство. Экеблад не простил бы мне, если бы не получил приглашения. Он явился одним из последних, со своей габаритной супругой и не менее габаритным сыном. Явился, когда Женя уже сбежала, не выдержав «накала страстей», другими словами, бесконечных вопросов об одном и том же: где была, почему исчезла, что за дар и прочее, прочее.

— Ну и где твоя ненаглядная? — с места в карьер начал Арильд, никогда не отличавшийся особым тактом. — Помнится, я видел её лишь однажды — в день вашей свадьбы. Красивая девица, но... такая щуплая. — Он скосил гордый взгляд на пышные телеса своей благоверной. — Не удивительно, что у вас так и не появилось ребёнка. Таким хрупким созданиям, как Раннвей, опасно беременеть.

Причины отсутствия беременности были совсем другие, но делиться ими с Экебладом я не собирался.

— Уверен, у нас ещё всё впереди, — солгал с вежливой улыбкой. Иногда невыносимо хотелось поставить его на место, а лучше — врезать, но... Бесплезно. Вежливости у него не прибавится, а у меня добавится проблем. — Надеюсь, вам понравится сегодняшней вечер. Шампанское и угощения в гостинной.

Стоило это сказать, как мистис Экеблад тут же утатила своего муженька к шампанскому и угощениям. А я переключил всё своё внимание на Вольмара Родингера. Я не видел, когда он приехал, но Бальдер заметил его машину, о чём сразу и доложил мне. Иногда мне кажется, что ему было бы лучше работать в управлении следователем. У моего дворецкого фотографическая память не только на лица, но и, как выясняется, на паромобили, а так же на дракон его знает что ещё.

Может, он как Рейер способен бывать в нескольких местах одновременно?

— Лорд Делагарди. — Приблизившись, Родингер протянул мне руку. — Спасибо за приглашение. Хоть, признаться, для меня было неожиданностью его получить.

— Почему же? — Я сдержанно улыбнулся. — Вы были близким другом Фарморов и, насколько я помню, хорошо общались не только с отцом Раннвей, но и с ней.

Настолько хорошо, что в прошлом до меня долетали не самые приятные слухи. Но теперь это действительно в прошлом. Теперь место Раннвей занимает другая.

— Признаться, видеть вас хотела не только Раннвей, но и я.

— Раннвей хотела меня видеть? — с улыбкой, которая мне совсем не понравилась, переспросил Вольмар.

«Она о тебе даже не знает», — с раздражением подумал я.

Вслух же сказал:

— Вы неуловимы, как призрак, если так можно выразиться. Я связывался с вашим секретарём, был у вас дома, но мне сказали, что вы в отъезде.

— Я и правда бываю в столице лишь наездами.

Мне так пока и не удалось получить список всех членов «Кармарского пламени», но об одном драконе с инициалами В.Р. я вспомнил. Драконе, который сейчас нагло мне улыбался, расспрашивая про Раннвей.

Почему-то ему тоже захотелось врезать, даже сильнее, чем Экебладу за бесцеремонные замечания. Стоило только представить, как этот тип пялится на Женю, и кулаки сразу зачесались. Настолько, что пришлось встряхнуть руками, а из мыслей вытряхнуть кровожадные планы.

Он здесь по одной единственной причине: у меня имеются к нему вопросы, и я намерен получить ответы.

— Вы, как и я, являетесь членом «Кармарского пламени».

— Так и есть, — кивнул Родингер. — Правда, редко там бываю. Как уже сказал, семейные дела забирают почти всё моё время.

Родингеры были одними из первых, кто отправил корабли в Новые земли. В Кармар они привозили табак, хлопок, кофе, сахар и жемчуга, а также одни их немногих делали поставки огненной крови.

Отплывали, нагруженные ружьями, спиртными напитками и кармарскими скакунами. Официально их корабли останавливались в Клодане, только чтобы забрать огненную кровь. Про так называемый живой товар, доставляемый в Новые земли, в наших кругах говорить не принято. Официально Родингеры не были работоторговцами, но особого ума не надо, чтобы понять, как всего за несколько лет они стали одним из самых влиятельных Домов Кармара.

Золото творит чудеса, а благодаря продаже рабов из Клодана и Гайры золота у Родингеров было немало.

— Вы держите свои капиталы в Королевском банке Кармара?

Гость нахмурился, но ничего не ответил. Медлил.

— И смею предположить, были знакомы с Лувисом Келлером, — продолжал я, пристально вглядываясь в лицо Родингера.

— Вы меня допрашиваете? — наконец, усмехнувшись, проронил он.

— Просто интересуюсь.

— Капиталами моей семьи?

— Личностью мейста Келлера, с которым вы явно имели какие-то дела.

Я говорил твёрдо, уверенно, хотя уверенности во мне не было. Инициалы на портсигаре ничего не доказывают. Вещица вполне могла принадлежать какому-нибудь другому В.Р., но попытаться всё же стоило.

— Финансовые и ничего больше, — снова расплылся в улыбке Родингер.

Противная у него улыбка, должен отметить. Приторная, ядовито-терпкая.

— А поподробнее?

— Он помогал мне с инвестициями и некоторыми сделками в Новых землях, — на удивление охотно ответил гость. — Келлер был смышлённым малым. Жаль, что решил погнаться за дарами.

— Что вы ещё можете о нём рассказать?

Краем глаза заметил показавшуюся из коридора Женю. Она тоже меня увидела и почему-то побледнела. Или, может, просто показалось... Обязательно к ней вернуться, но сначала закончу с Вольмаром.

Увы, закончить я ничего не успел. Со стороны гостиной раздался громкий и уже весьма хмельной возглас харга Левенштерна:

— А вот и наша хозяйюшка! Ну когда же, Раннвей?! Когда мы наконец узнаем, какие леди Делагарди-Фармор раскрыла в себе таланты?!

Желание врезать вернулось. Теперь уже Рангелю. Хотя с куда большим удовольствием я бы утопил его сейчас в унитазе. Жаль, уборная далеко. Зато рядом с Левенштерном начали собираться гости, жаждущие хлеба, зрелищ и доказательства, что моя жена не обманщица.

Глава 22. Дежавю

Женя Исаева

Прохладная вода в лицо помогла прийти в себя. Снова стать Женей Исаевой, а не тряпкой Раннвей, едва не расстелившейся перед ногами Вольмара.

Вот и познакомилась с её прошлым...

Черноглазым, черноволосым, безумно сексуальным.

По крайней мере, безумно сексуальным он мне казался, когда смотрела ему в глаза. Когда слышала его голос, ловила его взгляд. Сейчас же, вспоминая о Родингере, я беспристрастно отмечала, что мужик он действительно хоть куда. Но не настолько, чтобы в его присутствии в мозгах разглаживались все извилины.

Вон напарник Делагарди тоже красавец. Но я же перед ним не растекалась. Да и сам Делагарди...

Впрочем, лучше не буду думать о Делагарди, пока опять температура не начала подниматься.

Ругнулась чуть слышно, заметив, что на щёки вернулся румянец, и снова стала умываться. Потом пришлось вытирать тёмные круги под глазами — следы размытого макияжа. Поправлять волосы, платье, семейные украшения дракона, которые сейчас казались особенно тяжёлыми.

Дурацкий турнюр, дурацкие туфли. Всё дурацкое и неудобное!

И это только начало вечера... Что же со мной станет к его финалу?

Тряхнула головой и мысленно сказала: так, всё, берём себя в руки и возвращаемся. Улыбаться, пить шампанское, непринуждённо общаться.

В холле, к своей досаде, я обнаружила «мужа» в компании Вольмара. Казалось бы, разговаривают — ну и ладно. Но почему-то сердце дёрнулось в груди и подскочило к самому горлу. Щёки снова запылали, как будто меня поймали на горячем. Как будто Родингер мой любовник, а ультор — настоящий муж, прознавший о нашей связи.

Делагарди заметил меня и почему-то... нахмурился. Родингер — улыбнулся. Так же хищно и опасно, как улыбался, когда стоял со мной рядом. Когда мы были одни. Как будто Эндера для него не существовало. Не существовало никого, кроме нас двоих.

Я уже хотела пройти мимо, шмыгнуть в гостиную, когда на пороге показался Рангель. Кажется, уже порядком пьяный.

Схватившись за дверной косяк, громко выдал:

— А вот и наша хозяйюшка! Ну когда же, Раннвей?! Когда мы наконец узнаем, какие леди Делагарди-Фармор раскрыла в себе таланты?!

Тут же захотелось сбежать обратно в ванную, да там и замуроваться. Гости, словно голодная саранча, стали собираться вокруг пьяницы. В такую большую, яркую и блестящую кучу. Не иначе как навозную... Я стояла, не в силах пошевелиться, не зная, как на эти наглые требования реагировать.

Собиралась поговорить с Вильмой, узнать, готова ли она... Но из-за клятого Родингера про всё на свете забыла! И вот Левенштерн так не вовремя мне напомнил.

О фокусах, которыми должна была повеселить высший цвет Гратцвига.

Проклятье!

Момент, когда ко мне приблизился Эндер, я пропустила, поглощённая своими страхами. Лишь ощутив, как рука дракона осторожно обхватывает мою, мягко касаясь предплечья, позволила себе вздохнуть, натянуто улыбнуться.

— Лорд Левенштерн прав, — с улыбкой, так не похожей на мою, самоуверенной и беспечной, проговорил «супруг». — Мы слишком долго томили вас в неведенье. Настала пора раскрыть все наши секреты.

Я мысленно усмехнулась. Так уж ли все... Но звучал он искренне, словно действительно собирался поведать приглашённым тайны семейства Делагарди-Фармор.

Ведомая драконом, прошла в гостиную, где сейчас толпились все гости до единого. Каждый лорд и каждая леди следили за мной с жадным вниманием, не отрывая взглядов. Ну точно шакалы в ожидании момента, когда можно будет наброситься на бедную Раннвей.

Вздыхнув, расправила плечи. Снова украдкой огляделась.

Вильма, ну где же ты?!

— Уверены, это что-то невероятное, — подала голос напомаженная дама с седыми буклями. — Достойное славного рода Фарморов!

— В их роду было столько даров, что ожидать можно что угодно, — подал голос пожилой мейст с синей перевязью и орденами. Наверняка военный в отставке.

Почувствовав, что Родингер снова на меня смотрит, впрочем, как и все остальные, постаралась абстрагироваться от этого назойливого внимания и снова заскользила по гостиной взглядом. На этот раз не украдкой, а пристально, жадно.

Ви-и-ильма-а-а... Проклятье!

— И всё же, эйрэ, вы продолжаете нас томить, — кокетливо взмахнув веером, а заодно и ресницами, проворковала графиня с вычурной фамилией, которую я уже благополучно забыла.

Между прочим, замужняя леди, а смотрит на моего дракона так, словно не против оказаться с ним в одной постели. Точнее, дракон не мой, а только муж, да и то лишь на год, но...

Качнула головой, пытаюсь выставить из головы непрошенные мысли. И вот так всегда. Когда нервничаю, начинаю о всякой ерунде думать. Вот и сейчас, жмурясь от бликов свечей, которые казались непривычно яркими, ослепляющими, будто я стояла не посреди гостиной, а на сцене в сиянии софитов, думала совсем не о том. Думала и искала Вильму.

Ну же, милая...

— Моя жена обладает даром трав... — начал было Делагарди, упрямо решив, что будет так, как решил он и никто другой.

И тут возле фуршетных столов я заметила свою дорогую старушку. Весело подмигнув, Вильма натренированным движением сдвинула бокал с чьим-то недопитым шампанским.

Браво!

— Приводить в движение неодушевлённые предметы! — выпалила я прежде, чем успела осмыслить своё заявление.

В принципе так и планировали, вот только взгляд дракона, обрушившийся на меня могильной плитой, яснее ясного давал понять, что он ничего такого не планировал и сейчас с преогромным удовольствием огрел бы меня чем-нибудь неодушевлённым.

Но поздно. Ложь прозвучала, и публика дружно ахнула.

Не то чтобы телекинетики считались здесь такой уж редкостью, но дар действительно был интересным. Особенно дар сильный, развитый, с помощью которого можно было не только переставлять с места на место вазу, но и, допустим, выкорчёвывать с корнем деревья, устраивать камнепады или заставлять сходить с горных вершин лавины. Понятное дело, леди такие умения без надобности, а вот в военных операциях солдаты с развитым телекинетическим даром считались ценным товаром.

К счастью, я не на войне, а на празднике. Хоть и не покидает чувство, что меня сейчас все дружно атакуют.

— Ну так чего ждём, Раннвей? — снова подал голос пьяница Рангель.

А Данна ему с ядовитой улыбкой поддакнула:

— Покажешь? Мы же так долго этого ждали. Жаль, мой брат не увидит, что его младшая дочь всё-таки не пустошка. — Показательно горько вздохнула, после чего бросила по сторонам лукавый взгляд. — Но мы, все здесь собравшиеся, с удовольствием за тебя порадуемся.

Вот непонятно, почему Раннвей испытывала к этой язве тёплые чувства. Владей я телепатией, и попросила бы Вильму метнуть в неё тазик с пуншем.

Кивнув, заставила себя улыбнуться и сказала:

— Позвольте переключить ваше внимание на столы.

Все как по команде повернулись к горкам тарталеток, паштетов, икре и прочим деликатесам. Вильма уже маячила возле блюда с устрицами, готовая похвастаться результатами своих стараний.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, — шепнул мне Эндер.

Нервно вздохнула и мысленно взмолилась высшим силам, чтобы у моей призрачной напарницы всё получилось.

Удачи нам!

Побежали секунды, одна за другой, но угощения в серых ракушках оставались неподвижны. Под гробовое молчание Вильма пыталась схватить то одну устрицу, то другую, однако... у неё ничего не выходило. Старушка явно нервничала, переживала, а я уже и вовсе готова была провалиться сквозь землю.

Услышала, как хмыкнула Эдвина (в повисшей тишине её сложно было не услышать), а следом у самого уха раздался едва различимый шёпот Делагарди:

— Раннвей...

— Она пытается, — чуть слышно шепнула в ответ, с отчаяньем глядя на распаниковавшегося духа, и почувствовала, как вдруг... защипало спину.

Внезапное, неприятное чувство, спустя мгновение ставшее невыносимым зудом, быстро охватывающим всё тело. Почесала бок и услышала, как на корсаже треснул шов.

А за ним ещё и ещё.

Это услышал и ультор, покосился на меня удивлённо. Треск ткани привлёк внимание и приглашённых. Гости стали оборачиваться, бесцеремонно на меня пялиться. А может, безмолвно упрекали в обмане...

Не выдержав, снова почесалась и, наверное, лишь чудом успела прижать к груди уже готовый свалиться к ногам лоскут ткани.

Вот что за гадость?!

Понимая, что ещё немного, и останусь в одном лишь нижнем белье, потому что вечерний туалет, как конструктор лего, распадётся на множество кусочков, дёрнула к дверям. Одной рукой придерживая корсаж, другой так и норовящую упасть юбку.

Гости за спиной гудели похлеще пчелиного роя, обсуждая не то моё фиаско, не то постыдный конфуз с платьем. До ванной, той самой, в которой пряталась от Вольмара, долетела за считанные секунды и тут же стала сдирать с себя харгов наряд.

Зуд был невыносимым! Казалось, ещё немного, и вместе с платьем придётся сдирать и кожу.

— Давай помогу. — Эндер ворвался следом и стал рвать на мне некогда роскошный вечерний туалет.

Впрочем, рвать — это громко сказано. Платье само распадалось в его руках.

— Что это? Что?! — Я истерично всхлипывала и продолжала царапать ногтями плечи, грудь, шею.

Как же чешется!

Просто. Невыносимо.

— Убью мерзавку, — глухо прорычал Делагарди и дёрнул за золочёный кран. — Скорее полезай!

Не дожидаясь моей реакции, подхватил на руки и прямо в панталонах и нижней сорочке усадил в ванну. Вода, бурля и пенясь, быстро её наполняла, принося хоть какое-то облегчение моему несчастному телу.

Резко вздохнула, вытерла скользнувшие по щекам слёзы и услышала всё ещё звенящий от гнева голос дракона:

— Сейчас принесу мазь. Всё будет хорошо.

Не теряя времени, он вышел. Платье бесформенной кучей осталось лежать на мозаичном полу ванной, а я жалась в комок и дрожала. От слёз, от стыда, от всего пережитого. Тело по-прежнему чесалось, но хотя бы больше не хотелось себя освежевать. На мелкую пунцовую сыпь, которой я покрылась вся, словно божья коровка точками, старалась не смотреть. Вообще не хотела открывать глаза! Уткнувшись в колени, просто плакала. Мокрая, включенная, несчастная. Жалкая... Наверное, продолжила бы в том же духе, жалеть себя, а заодно ругать свою новую жизнь, если бы вдруг не почувствовала, как плечо обожгло.

Ну что ещё?!

Шмыгнув носом, скосила взгляд и увидела, как по руке к запястью медленно стекает смоляная капля.

Эндер Делагарди

Я всегда считал, что самообладание — одна из немногих добродетелей, которые у меня имелись. При необходимости я мог задушить в себе даже самые сильные эмоции, даже самую жгучую ярость. Как, например, в день, когда понял, что лис Фармор припёр меня к стенке и придётся жениться на Раннвей.

Я действительно умел владеть собой. Но сегодня... сейчас(!) хотелось разыскать Эдвину и хорошенько её выпороть! До этого

вечера одна лишь мысль о том, чтобы сделать ребёнку больно, казалась мне дикой, недопустимой...

Но Эдвина заслужила.

И по-хорошему не только порку.

Остановился на миг, прикрыл глаза, мысленно убеждая себя не действовать сгоряча. В таком состоянии я вполне могу вручить девочку Данне со всеми потрохами. Пусть наслаждается! Может, тогда до Эдвины наконец дойдёт, что за каждый проступок нужно нести ответ. Особенно за такую жестокость.

Когда только успела превратиться из милой, очаровательной девочки в коварного и подлого подростка? Подростка, которого ни в коем случае нельзя отдавать Левенштернам. Не хватало ещё, чтобы моя несдержанность стоила Эдвине будущего.

Хотя к теме порки и серьёзных наказаний мы ещё вернёмся.

У лестницы в холле меня дожидался Бальдер. Двери в гостиную он прикрыл, немного приглушив тревожный рокот голосов и избавив меня от назойливых, любопытных взглядов.

— С леди Делагарди всё в порядке? Гости волнуются...

— Не в порядке, — хмуро бросил я и, дёрнув за узел платка, добавил: — Передай, что моя жена почувствовала себя плохо и сегодня на праздник больше не вернётся. Я скоро спущусь.

Чтобы разогнать это харгово сборище.

— Может, ей что-нибудь нужно? — послал вдогонку дворецкий, которого я уже успел обогнуть и стал быстро подниматься по лестнице.

Нужно. Мазь, которая снимет воспаление, и успокаивающая настойка. А может, и что покрепче.

— Иди к гостям! — повторил я, в пару мгновений преодолев оставшиеся ступени.

Бросился по коридору, вглядываясь в мутный полумрак, а видел перед собой Женю. Хрупкая фигурка, сжавшаяся в ванне. В глазах, серых, грозových, слёзы, которые она, несмотря на происходящее, старательно прятала. Светлая кожа, мягкая и нежная, будто шёлковая... И россыпь пурпурных пятен, которые, если вовремя не обработать, станут болезненными гнойниками.

И оставят после себя шрамы.

К счастью, лекарство у меня имелось. С моим родом деятельности в домашней аптечке обнаружишь и не такое. Другой вопрос — где обнаружила Ведьмины капли Эдвина? Откуда вообще о них, мерзавка, узнала?! Выясню обязательно.

Но сначала помогу девушке, которая оказалась в этом дерьме из-за меня. Из-за моих проблем.

В спальне было темно, но даже впотьмах я быстро отыскал аптечку и ещё быстрее — нужное лекарство. Захлопнул крышку деревянной коробки, сжал в кулаке заветный тюбик, собираясь вернуться обратно, но вдруг застыл, оглушённый осознанием: искажённый рядом.

Вонь, заполнившая лёгкие, душила хлеще удавки. Даже сознание помутилось от этих ядовитых миазмов. Выдохнув, поморщился и резко втянул носом воздух, пытаюсь понять, откуда исходит тошнотворный запах. Первый этаж... Гостиная, полная приглашённых? Эдвина! Первым порывом было броситься к ней, но там Рейер и несколько драконов. Если что, задержат, не подпустят к ребёнку. Да и гнилостные испарения исходили не оттуда. Комнаты прислуг? Кухня?

Женя!

С трудом вытолкнул себя из вязкого, отупляющего оцепенения и бросился вниз, к жене. Оставленной без защиты, без охраны...

Проклятье!

Искажённый в моём доме. В доме, на котором как раз была и защита, и охрана.

Тогда как этот харг сюда пробрался?!

В ванную влетел, выбив плечом дверь. Искажённого не было. Впрочем, не было и Жени... Вода, выплёскиваясь за борта ванны, разливалась по мозаичному кафелю. Ставни были распахнуты, на полу и подоконнике стекольное крошево. Осколки мелкие, тусклые и острые, крупные. А на них — капли крови.

На полу и подоконнике.

Женя Исаева

Несколько секунд я, словно загипнотизированная, смотрела на стекающую по воспалённой коже грязь, не в силах пошевелиться и поднять взгляд. Очень не хотелось этого делать, очень не хотелось, чтобы страшная догадка оказалась ещё более страшной реальностью.

Грязевое нечто на дирижабле, по пятам следовавшее за Келлером, и грязь на моей руке...

Ядовитая. Обжигающая.

Парализующая страхом.

Шмяк! Ещё одна чернильная клякса расплылась по сгибу локтя, и я всё-таки подняла глаза.

Вода продолжала шуметь, постепенно подбираясь к бортикам ванны, а ко мне, стекая с потолка омерзительной тьмой, подбиралась тень. Растягивалась, расплывалась уродливыми пятнами, захлёстывая лепные узоры, и, снова собираясь в единое целое, простирала ко мне свои жуткие щупальца-пальцы.

— Милая, я не специально! — из стены с покаянным видом вынырнула Вильма, и тень, зашипев, рванулась к ней.

Налетела, поглотила, и обе растворились в подёрнутом паром зеркале.

«Вильма!» — хотела я выкрикнуть. Позвать на помощь, поднять тревогу, но чьи-то грубые пальцы, совсем не эфемерные, а более чем реальные, вжались мне в губы.

В нос ударил тошнотворный запах немытого тела, всё той же грязи и немного сладковатый — гниения. Меня бы вырвало, честно, но лапища чудовища сжимала крепко. Другой он выдернул меня из ванны, рывком подволок к окну, как какую-то беспомощную тряпку, и, перехватив за горло, под шум воды локтем выбил стекло.

Перед глазами потемнело, от ужаса, от отчаянья, от нехватки воздуха. Ещё несколько минут назад Делаярди был рядом, с ним я была в безопасности. Ещё совсем недавно меня окружали люди: коллеги Эндера и драконы. Там, среди гостей, этот маньяк меня бы не тронул, не подобрался.

Ещё совсем недавно всё было нормально и, если бы не клятое платье...

Дёрнулась в надежде высвободиться, глотнуть хотя бы немного воздуха. В отчаянье замычала и, не желая сдаваться, нашарила слабеющими пальцами на подоконнике осколок. Изо всех сил, которые ещё во мне оставались, вонзила стекло в руку гада, вспарывая плечо. Даже не вскрикнул. Даже не зашипел от боли! Но хотя бы ослабил хватку, дав мне возможность вздохнуть, и тут же вырвал у меня из рук

моё единственное оружие, а меня, словно тряпичную куклу, перекинул через подоконник и швырнул в сад.

Стекольное крошево оцарапало ноги, холод осеннего вечера ожёг лицо, всю кожу. Зуд я больше не ощущала. Сейчас было не до зуда! Да и то, что мокрая, в одном исподнем валяюсь на влажной траве, особо не волновало.

Волновало другое — избравший меня своей жертвой искажённый.

Растягивая губы в неестественной, жуткой улыбке, он ловко перемахнул через подоконник, навис надо мной.

— Помогите! — вместо крика о помощи из горла вырвалось почти беззвучное хрипение.

В доме звучала музыка — играли музыканты. Там было всё чудесно и замечательно. Шампанское, угощения, повод позлословить в адрес пустышки-леди...

Леди, которая сейчас смотрела в глаза своей смерти.

— Помогите...

Очередная попытка привлечь внимание оказалась провальной. Единственное, на что я была сейчас способна, — это хрипеть и пытаться отползти от искажённого на том месте, на которое вечно находила проблемы.

В том, что это за чудовище, сомнений не было.

Он двигался бесшумно, подобно тени, что утащила за собой Вильму в зеркало. Мягко ступал по влажной траве, крадучись и как будто растягивая эти ужасные мгновения. Получая удовольствие от моего страха, беспомощности, отчаянья.

Я была в его власти.

Приблизившись, схватил меня за ворот мокрой сорочки, легко отрывая от земли. В лицо ударил смрад дыханья, гниющей плоти и что-то ещё, показавшееся смутно знакомым.

Пальцы искажённого смяли ткань, ногти царапнули по ключице, и я, дёрнувшись, хрипло выцедила:

— Что тебе от меня нужно?!

— Не мне, — расплылся он в ещё более жуткой улыбке. Губы, словно прорезанные острым лезвием, растянулись от одного края уха к другому, и вся эта «неземная красота» сейчас была направлена на меня.

Кошмар.

— Тогда кому? — вытолкнула из себя и тут же задохнулась, увидев, как над искажённым вырастает тень, распахинаясь за его спиной тёмными кожистыми крыльями.

— Глупый вопрос, девочка. Глуппы-ы-ый... — Вздёрнув над землёй, так, что я беспомощно задргала ногами, он снова обдал меня своими непередаваемыми миазмами. — Ты и так всё знаешь...

— Отпусти её!

Голос Делгарди показался мне в тот момент чудеснее райской музыки.

Спохватился... Пришёл!

Разумеется, дракон не стал ждать, когда искажённый исполнит приказ. Бросился к нам и сам выдрал меня из чудовищных лап. Тень зашипела, растекаясь по мятым газонам, затмевая собой блики фонарей и, кажется, отблески света в окнах.

В саду стало ещё темнее, чем было до этого.

Я снова угодила на землю, отброшенная драконом, словно шелудивый котёнок. И, к слову, была этому несказанно рада. Чем дальше от этой твари, тем замечательнее!

Искажённый, явно раздосадованный, что наше знакомство так неожиданно прервали, со звериной яростью набросился на Делгарди. Клятая тень кружила рядом, как и на дирижабле придавая убийце силы. По крайней мере, я так всё это видела. Каждый раз, когда отравленный магией атаковал, она нападала вместе с ним. Удар поддых — Эндер улетел в дерево, впечатавшись в него с громким треском.

Оставалось надеяться, что затрещала ни в чём неповинная яблоня, а не кости Делгарди. К счастью, он быстро поднялся и с не меньшей яростью, чем нападавший, бросился в атаку. Одежда на искажённом, и без того напоминавшая лохмотья, быстро окрасилась кровью. Только сложно было понять, кому она принадлежала: чудовищу или палачу.

— Отойти от него... Хватит! — шептала я из последних сил, но в этот раз тень и не думала повиноваться, неотрывно следовала за отравленным магией.

То ли моему голосу не хватало твёрдости, то ли в принципе мне не хватало голоса — я сейчас была бесполезнее того самого дерева или какой-нибудь клумбы.

А у Эндера не было оружия. Он ведь на праздник собирался, а не на кровавые разборки. Только когти, проступившие на месте ногтей.

Только ярость и злость, и желание уничтожить моего несостоявшегося похитителя.

— Твой коллега сдался быстрее, — отражая удар и одним яростным рывком опрокидывая дракона на землю, с явным злорадством заявил искажённый. — С ним было легко. И... скучно.

— Со мной тебе скучать не придётся, — прошипел Делагарди и полоснул по груди убийцы когтями.

Но тот, как и прежде, даже не поморщился и с диким смехом схватился за горло дракона. Тёмная клякса в это время исполняла какой-то жуткий победный танец, кружила вокруг них, растекалась грязью и снова распахивалась крыльями полуночной твари.

Пугающая. Опасная. Ни во что меня не ставящая.

— Попрощайся со своей ненаглядной. — С невероятной силой, которую я и сама имела несчастье испытать, искажённый сжал на горле дракона пальцы.

Эндер пытался сбросить его руки, расцепить, но у него ничего не получалось. Искражённый был сильнее, не просто же так и не по счастливой случайности уже угробил одного ультора!

— Да отстать же ты от него! — не прокричала — прохрипела я и всем телом навалилась на чудовище.

Увы, от моего тела было столько же толку, как и от голоса, то есть — ноль. Искражённый просто отбросил меня одной рукой, как пёрышко, но этого мгновения Делагарди оказалось достаточно, чтобы высвободиться и отшвырнуть от себя заразу.

Тень подлетела к убийце, что-то ему прошептала, и тот, перестав растягивать губы в оскале и смеяться, рыкнул:

— Хватит! — Плавным, смазанным движением подобрал что-то с земли. Не то осколок стекла, не то камень, который крепко сжал в руке. — Не хочу тратить на тебя время!

С этими словами искажённый метнулся... Нет, не к ультору — ко мне. И одновременно с ним с другой стороны ко мне бросилась какая-то тень. Не верная подружка искажённого, а человек. Всё произошло настолько быстро, мимолётно, что я ничего не успела понять. Да и сделать ничего не могла.

Только когда удар искажённого, удар осколком стекла, достался не мне, а загородившему меня собой Бальдеру, поняла, что только что

могло случиться, но не случилось. Со мной.

А вот с ним...

Верный слуга Эндера намертво вцепился в чудовище, и то ударило снова. В третий раз ударить не успело — дракон оказался быстрее. Подскочив сзади, провернул ему голову, как проворачивают ставшую негодной лампочку, чтобы выкрутить её из патрона, и тварь, пошатнувшись, безжизненно рухнула на землю.

Бальдеру упасть не дал Делагарди. Подхватил его и, осторожно уложив на землю, вернулся к искажённому. Когти дракона легко, как будто без сопротивления, проникли в грудь демона. Я зажмурилась, прекрасно зная, что будет дальше, но совершенно не желая снова становиться свидетелем этого «занимательного» процесса.

Скользнула на траву, к Бальдеру, прислушиваясь к его едва уловимому дыханию, и услышала приказ:

— Будь с ним!

Дракон исчез, оставив меня с умирающим дворецким, раскуроченным трупом и харговой тенью. Впрочем, та надолго не задержалась. Растаяла, будто её не существовало. Будто была лишь моей фантазией, плодом воспалённого разума.

И её слова, едва различимые, похожие на шелест иссыхающей листвы:

— Ещё увидимся, Раннвей... Увидимся обязательно... — не то действительно прозвучали в мертвенной, оглушающей тишине, не то мне просто почудились.

Не прошло и минуты, как тень исчезла. Остались только я, искажённый и спасший меня мужчина.

Мужчина, чьё дыхание я больше не слышала.